

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 (135)
2009

ISSN 1991-9751

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 8

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

Редакционная коллегия серии:

д-р филол. наук, проф. **О.А. Турбина**
(*отв. редактор*)

д-р филол. наук, проф. **Л.Г. Бабенко,**

д-р филол. наук, проф. **Е.В. Харченко,**

д-р филол. наук, проф. **А.П. Чудинов,**

канд филол. наук, проф. **Т.Н. Хомутова,**

канд. филол. наук, доц. **С.С. Голубева,**

канд. филол. наук, доц. **Е.А. Дамман,**

Е.С. Жеребятьева (*отв. секретарь*)

Серия основана в 2004 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455
выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по
надзору законодательства в сфере массовых ком-
муникаций и охране культурного наследия.

Решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской
Федерации журнал включен в «Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий, в
которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертации на соискание
ученой степени доктора и кандидата наук».

Подписной индекс 29016 в объединенном
каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 2 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

ФРАЗЕОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА

- ДЕМИДОВА К.И., БАТАКОВА М.Е. Характер обусловленности степени семантического отрыва омонимов в адъективных словообразовательных омонимических рядах 4
- КАЦЮБА Л.Б. Структурно-семантические аспекты субъекта в поговорках..... 8
- РАДЧЕНКО Е.В. Развитие категории числа предметных фразеологических единиц 16

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

- ЛАЗАРЕВА Э.А., ТЕЛЬМИНОВ Г.Н. Реклама в Интернете как проявление интертекстуальности 19
- МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П., ПОКРОВСКАЯ М.Е. Средства выражения исторического времени в свете политкорректности 24
- ХАРЧЕНКО Е.В., ТАРАНУХА Л.В. Профессиональное общение и речевое воздействие в современной России 29

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- БАБЕНКО Л.Г., ШИРПУЖЕВА Н.В. Национально-культурный компонент фрагмента языковой картины мира (на примере лексико-семантической группы «прекращение существования животного» в немецком и русском языках)..... 35
- ВДОВИНА О.А. Полиполярность мира и языка дипломатического общения 39
- ПЛОТНИКОВА А.М. Когнитивные сценарии глаголов поведения (на материале русского языка) 48

ТЕКСТ И ЕГО КАТЕГОРИИ

- МУХИН М.Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора 51
- ПЕШКОВА Н.П., ЯХИБАЕВА Л.М. Первичность и вторичность как онтологические категории учебного текста 56

ГРАММАТИКА И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ПИОТРОВСКИЙ Р.Г., ЛУКАНИН А.В. Автоматическое определение основ персидских глаголов: формальные vs. нейросетевые правила 61
- ПИРОГОВ Н.А., ОМЕЛЬЧЕНКО С.В. Выражение условно-следственных отношений в немецком и русском языках (на материале бессоюзных предложений) 65

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

- АБДУЛЛИНА Л.Р. Функционирование глагольных фразеологических единиц и прагмасемантика (на материале французского и татарского языков)..... 71
- БЕГИЙОВИЧ О.С. Кино в обучении иностранным языкам 75
- ГОНЧАРОВА В.Н. Лингвокультурологический анализ стихотворения В. Шаламова «Стихи в честь сосны»..... 78
- ЕВСЕЕВА О.В. Ассоциативный эксперимент как исследовательская процедура в психолингвистике 82
- КРОПОТУХИНА П.В. Развертывание метафорической модели со сферой-источником «Мир растений»/ «Plant kingdom» в политических текстах России и Великобритании 85
- ЛЕЩЁВА А.Н. Синтаксические средства создания семантики неопределенности в поэзии Иосифа Бродского 90
- ЛОБАНОВА М.А. Построение кратких форм компьютерных терминов 95
- ТКАЧЁВА Л.Л. Формирование критического мышления в качестве основной составляющей прагматической компетенции студентов лингвистических специальностей 98

CONTENTS

PHRASEOLOGY

- DEMIDOVA K.I., BATAKOVA M.E. The conditionality nature of the degree of homonyms semantic diversity in the adjectival derivational homonymous links..... 4
- KATZUBA L.B. Structural-semantic aspects of the subject in proverbs..... 8
- RADCHENKO E.V. Development of the category of number of the object phraseological units 16

SPEECH INFLUENCE AND LANGUAGES FOR SPECIAL PURPOSES

- LAZAREVA E.A., TELMINOV G.N. Internet advertisement as evidence of intertextuality 19
- MINIAR-BELOROUTCHEVA A.P., POKROVSKAJA M.E. Means of expression of historical time from the standpoint of Political Correctness 24
- KHARCHENKO E.V., TARANUKHA L.V. Professional communication and speech impact in present -day Russia 29

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGVOCULTURE

- BABENKO L.G., SHIRPUZHEVA N.V. National-cultural component of the fragment of the language picture of the world (on the example of the lexical-semantic group «the end of animal EXISTENCE» in the German and Russian language) 35
- VDOVINA O.A. Multipolar of the world and of the language of diplomatic communication 39
- PLOTNIKOVA A.M. Cognitive scenarios of verbs of behavior 48

TEXT AND IT'S CATEGORIES

- MUKHIN M.YU. Lexical Statistics and the Author's Ideostyle..... 51
- PESHKOVA N.P., YAKHIBBAYEVA L.M. Primary and derivative characteristics as ontological categories of a training text 56

GRAMMAR AND APPLIED LINGUISTICS

- PIOTROWSKI R.G., LUKANIN A.V. Automatic determination of Persian verb stems: formal vs. neural network rules..... 61
- PIROGOV N.A., OMELCHENKO S.V. Expression of conditional-consequence relations in German and Russian languages (on the material of asyndetic composite sentences)..... 65

GREEN PAGES

- ABDULLINA L.R. Functional use of verbal phraseological units and pragmasemantic in the newspaper text of the French and Tatar languages..... 71
- BEGIYOVICH O.S. Movie in teaching of foreign languages 75
- GONCHAROVA V. N. The linguaculturological analysis of the poem «Verses in honor the pine-tree» by V. Shalamov..... 78
- EVSEEVA O.V. Associative experiment as a research procedure in psycholinguistics 82
- KROPOTUKHINA P.V. Development of the metaphorical model with the source-domain «PLANT KINGDOM» in Russian and Britain political texts 85
- LESHEVA A.N. Syntactic means of creation of semantics of indefensibility in Joseph Brodsky's poetry 90
- LOBANOVA M.A. The formation of short forms of computer terms..... 95
- TKACHEVA L. L. Development of critical thinking on the basis of the pragmatic competence with students of linguistic specialties 98

ФРАЗЕОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА

ББК Ш141.2-2 + Ш103.2

ХАРАКТЕР ОБУСЛОВЛЕННОСТИ СТЕПЕНИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОТРЫВА ОМОНИМОВ В АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОМОНИМИЧЕСКИХ РЯДАХ

К.И. Демидова, М.Е. Батакова

THE CONDITIONALITY NATURE OF THE DEGREE OF HOMONYMS SEMANTIC DIVERSITY IN THE ADJECTIVAL DERIVATIONAL HOMONYMOUS LINKS

K.I. Demidova, M.E. Batakova

В статье рассматриваются факторы, обуславливающие характер омонимичности словообразовательных омонимов. В основе степени омонимического отрыва языковых единиц лежат структурно-семантические особенности словообразовательного омонимического ряда, в частности, полнота словообразовательных цепей, характер мотивации, тип словообразовательного значения, семантический характер словообразовательных шагов.

Ключевые слова: словообразовательные омонимы, степень омонимического отрыва, тип словообразовательного значения транспозиция, модификация, словообразовательная последовательность.

This article is devoted to the factors that stipulate the homonymy nature of the derivational homonyms. In the basis of the degree of linguistic units' homonymous diversity lie the derivational models' completeness, the motivation nature, the derivational meaning type, and the semantic nature of the derivational successions.

Keywords: derivational homonyms, degree of homonymous diversity, derivational meaning type, transposition, modification, mutation, derivational successions

Словообразовательные омонимические ряды (далее оморяды) обладают разными структурно-семантическими особенностями, которые вкуче или по отдельности влияют на характер омонимичности словообразовательных омонимов.

Цель статьи – рассмотреть факторы, обуславливающие степень семантического отрыва омонимов, являющихся членами словообразовательных оморядов.¹

Под словообразовательным оморядом нами понимается ряд, который состоит из двух (или более) словообразовательных цепей и обязательно включает в свой состав омонимичные звенья (конечные и промежуточные), базовое звено (звенья), от которого (-ых) выстраивается ряд, а также может включать неомонимичные звенья.

Демидова Карелия Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка УрГПУ.

Батакова Марианна Егоровна, аспирант кафедры общего языкознания и русского языка УрГПУ. Научный руководитель – д.филол.н., профессор К.И. Демидова. E-mail: batakovamarianna@rambler.ru

Так, в словообразовательном оморяду:

заливной¹ – заливаться¹ – залиться _____
(з.трели) (в пеници) лить
заливной² – заливаться² – заливать – залить –
(з.луг)

Заливной¹ и заливной² – это конечные омонимичные звенья; заливаться¹ и заливаться² – промежуточные омонимичные звенья; залиться, заливать, залить – неомонимичные звенья, лить – базовое звено.

Омонимичные звенья являются членами омонимичных словообразовательных ступеней – двучленных и многочленных структур, появившихся в результате словообразовательных шагов. В двухцепочечных рядах, состоящих из двух словообразовательных цепей (см. приведенный

Kareliya I. Demidova, PhD, professor of the department of the general linguistics and the Russian language of the Ural State Pedagogical University.

Marianna Y. Batakova, post-graduate of the department of the general linguistics and the Russian language of the Ural State Pedagogical University. Scientific adviser – PhD, professor K.I. Demidova. E-mail: batakovamarianna@rambler.ru

ряд), омонимичная ступень представляет собой оморяду. Если словообразовательный оморяд состоит из трёх и более цепей, то в этом случае омонимичная ступень представляет собой омогруппу, как, например, в ряду:

перекопочный¹ – перекопка¹ – перекопать¹ – (всё)
перекопочный² – перекопка² – перекопать² – копать (заново)
перекопочный³ – перекопка³ – перекопать³ – (поперёк)

Адъективным словообразовательным оморядом мы считаем ряд с конечной адъективной омонимичной ступенью. Объектом рассмотрения в данной работе являются двухцепочечные адъективные словообразовательные оморяды. Термины «омоступень» и «омопара» в дальнейшем изложении употребляются как синонимы.

Для анализа рядов использованы следующие условные обозначения:

Adj¹, Adj² – омонимы-прилагательные;

O¹, O² – омонимы;

C – неомонимичное звено;

B – базовое звено; B_n – базовое исходное звено;

B, B_n, C –

утраченные члены словообразовательной цепи.

– – словообразование;

– – формальное словообразование, при котором есть отношения производности, но не мотивированности;

> – семантическое образование.

Итак, рассмотрим причины, лежащие в основе омонимического отталкивания языковых единиц в словообразовательных оморядах и обусловливающих сильную или слабую омонимичность семантических пар.

1. Неполнота словообразовательных цепочек, в которых может быть утрачено базовое звено (звенья) или промежуточное звено. Например, в следующих рядах утрачено базовое звено (звенья):

Adj¹ – O¹ –

Adj² – O² –

хряцевой¹ – хряц¹ (костная ткань) – хрясть (х. ткань)
хряцевой² – хряц² ('щёбень') – ('хруст, утрач.; что при нажатии хрустит')
(х. грунт)

Adj¹ – O¹ – O¹

> B – B_n

Adj² – O² – O²

заказной¹ – заказ¹ – заказать¹ ('поручить, исполнить')
(з. столик)

заказной² – заказ² ('заказник, – заказать² ('запретить (з. лес) обл. ') устар.')

> *заказать ('указать, приказать, – казать ('говорить*

утрач. '), указывать, утрач. ').

В данном ряду утрачено промежуточное звено:

Adj¹ – O¹ –

B – C – B_n

Adj² – O² – C –

забойный¹ – – забой¹ – (з. пункт мясокомбината) (скота)
забойный²) – забой² – забой (забивание свай (з. крепление (в шахте) в шахте, утрач.))
 = *забивать – забить – бить.*

Если в цепочках есть утраченные звенья, то есть нарушается непрерывность, то это ведёт к семантическому разрыву некогда связанных через утраченные звенья языковых единиц. Здесь морфемное образование слов-омонимов пересекается с семантическим образованием омонимов, так как в обоих задействованы аналогичные языковые процессы: утрата базового или промежуточного звена в деривационной цепи и утрата базового или промежуточного звена в эпидигматической цепи.

2. Формальная мотивация одного из омонимов, при которой «легко обнаруживается производящее по наличию общих структурных компонентов, но сложно объяснить, почему оно является таковым по отношению к данному деривату»¹. Например, формальную мотивацию имеют *золотник², посылка²* в рядах:

Adj¹ – O¹ –

B

Adj² – O² –

золотниковый¹ – золотник¹ («мера веса (з. гирька) , устар.»)

золотой;

золотниковый² – золотник² («устройство для (з. кробка) автомат. управления, спец.»)

Adj¹ – O¹ –

B – C – B_n

Adj² – O² –

посылочный¹ – посылка¹ –

посылать – послать – слать;

посылочный² – посылка² –

(«основание для вывода, лог.»)

C формальной мотивацией соотносится и формальная членимость, отражающая «асимметрию между формальной и содержательной структурой слова»².

3. Омонимия словообразовательных значений (далее СЗ) в полных словообразовательных оморядах, в которых члены цепочек связаны между собой живыми словообразовательными и мотивационными связями. Если СЗ эксплицитно выражено в аффиксах, тогда омонимия СЗ означает омонимию аффиксов. Если СЗ имплицитно, то в этом случае омонимичность выражается в омонимичности фразеологических приращений. Фразеологиче-

Фразеология и семантика

ское приращение есть не что иное, как семантическая часть СЗ, не имеющая в производном морфемных реперезентантов. Еще два фактора могут влиять на омонимичность: омонимия производящих основ и актуализация при словообразовании различных сем производящего. В большинстве случаев перечисленные в этом пункте факторы выступают в комплексе в различных комбинациях. Например, в ряду:

Adj¹ – O¹ – В
Adj² – O² – В
плавниковый¹ – плавник¹ («орган – (п. лучи у рыб) плавания») плавать
плавниковый² – плавник² («плавающие – (п. навал) в реке бревна»)

омонимия в паре плавник¹⁻² строится, во-первых на омонимии суффиксов: -ник¹ – имеет предметное значение «орудие, предназначенное для действия, названного мотивирующим словом (далее МС)», а -ник² – выступает со значением собирательности. Во-вторых, омонимия в паре обеспечивается актуализацией разных сем производящего: плавник¹ со значением «орган плавания у рыб» реализует у производящего плавать сему активного действия одушевленного предмета, а плавник² со значением «плавающие в реке бревна» реализует сему пассивного действия этого же глагола. В-третьих, в паре имеет место омонимия фразеологических приращений (далее ФП): на долю ФП¹ приходится семантический отрезок «орган у рыб», ФП² – «бревна в реке».

В следующем ряду

Adj¹ – O¹ – В
Adj² – O² – В

романистский¹ – романист¹ («писатель, – роман автор романов») – романский
романистский² – романист² (спец. по – романский романской филологии) (р. филология)

омонимия в паре романист¹⁻² строится на омонимии производящих основ: (-роман-¹ от роман и -роман-² от романский) и омонимии ФП (ФП¹ – «автор того, что названо МС», ФП² – «специалист по тому, что названо МС»). Суффикс -ист- в обоих словах имеет значение лица («тот, кто...»).

В отличие от предыдущих в следующем ряду

Adj¹ – O¹ – В
Adj² – O² – В

романтический¹ – романтик¹ – романтизм (р. герой)
романтический² – романтик² – романтика (р. настроение)

члены омпары романтик¹⁻² имеют слабую омонимичность, так как производящие романтизм и романтика являются семантическими паронимами и находятся в таких

отношениях, при которых понятие «романтизм» включает в себя более узкое понятие «романтика». При определенных условиях они могут нейтрализоваться (ср., *произведение, проникнутое романтизмом и романтикой*). Таким образом, слабая омонимичность в омпаре романтик¹⁻² задаётся тесной семантической связанностью производящих.

До сих пор рассмотрению были подвергнуты омпары, которые в полных словообразовательных рядах с базовым звеном (звеньями) имеют непосредственную связь.

Интересно с этой точки зрения остановиться на омпарах, связанных с базовым звеном (звеньями) опосредованно и выявить, влияют или не влияют на семантическое расстояние членов таких омпар промежуточные омонимичные и неомонимичные звенья.

Рассмотрим в этом аспекте словообразовательный омпаряд

Adj¹ – O¹ – O¹ – O¹ – O¹ > В
Adj² – O² – O² – O² – O²

перегонный¹ – перегонка¹ – перегонять¹ (знать с (п. поля) одного места на другое) –
перегонный² – перегонка² – перегонять² (добывать (п. спирт) перегонкой) –

– перегнать¹ – знать¹ (стадо) > знать.
– перегнать² – знать² (спирт)

В данном ряду сильная омонимичность омпары перегонный¹⁻² задаётся исходной омонимичной ступенью знать¹⁻² (семантические омонимы имеют только один общий абстрактный компонент – грамматическую сему <действие>) и промежуточной омпарой перегнать¹⁻² (сильная омонимичность в паре обусловлена омонимией основ и омонимией префиксов). Модификационная ступень перегонять¹⁻² кроме значения вида ничем семантически не отличается от предыдущей ступени и полностью отражает степень её омонимичности, поэтому с точки зрения влияния на степень омонимичности следующей ступени эта промежуточная пара является не существенной. Омоступень перегонка¹⁻² является транспозиционной, поскольку оба её члена несут одно СЗ «действие по глаголу, названного МС». При транспозиции, как известно, семантические изменения в производных по сравнению с семантикой производящих минимальные. Поэтому и эта омоступень полностью отражает омонимичность предыдущей ступени и также не влияет на характер омонимичности идущей за ней адеквативной ступени. По мнению О.П. Ермаковой, наличие синтаксических дериватов в цепи при возрастании структурной сложности от начала цепи к её концу сдерживает возрастание смысловой

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТА В ПАРЕМИЯХ

Л.Б. Кацюба

STRUCTURAL-SEMANTIC ASPECTS OF THE SUBJECT IN PROVERBS

L.B. Katzuba

Статья посвящена анализу семантической структуры субъекта в поговорках и рассмотрению корреляции между формальным проявлением субъекта и грамматическим значением личных форм глагола.

Ключевые слова: паремиологическая грамматика, субъект, глагол, значение личных форм

The article is devoted to the analysis of semantic structure of the subject in proverbs and to consideration of correlation between formal display of the subject and grammatical value of personal forms of a verb.

Keywords: proverbs grammar, the subject, a verb, value of personal forms.

Проблема структурно-семантического анализа субъекта в поговорках рассматривается нами в свете общей теории глагола как части речи. Вопрос раскрывает коррелятивный характер отношений между формально-грамматической реализацией субъекта и типологией значения глагола.

Формы лица глагола «в зависимости от количественной характеристики субъекта, от наличия его или постепенного формального устранения»¹, могут иметь несколько типов значения, активно реализуя их в предложении.

Вопрос о типологии значения категории лица глагола в основе своей считается решенным. Однако проблема исследования субъекта и личных форм глагола в поговорках с этой точки зрения не столь проста и самоочевидна, чтобы считать вопрос о типах значения лица глагола в паремиологическом тексте исчерпанным. Задача нашего исследования на данном этапе заключается в том, чтобы проследить за проявлением формального грамматического значения личных форм глагола в поговорках в зависимости от функционирования субъекта и одновременной реализацией этого значения в тексте поговорки на философском, обобщенном уровне.

Опираясь на положение о типах значения, изложенное в труде В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)», при исследовании паремиологических текстов мы выделили типы значения процессуальных единиц:

определенно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное, безличное. Однако в философском осмыслении все единицы в поговорках, независимо от проявленного формального грамматического значения, обнаружили обобщенно-личное значение, о чем будет подробно изложено далее. Таким образом, мы наблюдаем противоречие между формальным грамматическим значением личных форм и обобщенным значением, реализованным в паремиологическом тексте на философском уровне.

Формальное проявление субъекта, его влияние на грамматическое значение личных форм глагола в поговорках.

По разнообразию типов значения в соответствии с проявлением (наличием или отсутствием) и характером субъекта наиболее продуктивными в поговорках оказались формы 3 лица обоих чисел. В исследованных фактах они обнаружили формально определенно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное, безличное значение.

Формы 1 и 2 лица обоих чисел в отношении вопроса о разнообразии типов значения в паремиологических текстах проявили «сдержанность». В формальном плане указанные единицы реализовали определенно-личное и обобщенно-личное значение.

При определении типа, характера значений мы использовали данные таблиц, помещенных в работе².

Кацюба Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. E-mail: larrakatz@yandex.ru

Larisa B. Katzuba, candidate of philological science, assistant professor at the department of Speech culture and professional communication SUSU. E-mail: larrakatz@yandex.ru

Определенно-личное значение (по некоторым научным и учебным источникам – предметно-личное, собственно-личное, первичное, прямое) формально реализуется в глаголах, когда субъект выражен в предложении лексически. Глаголы в этом случае обозначают действия (процессы, свойства, поступки), которые относятся к известному, названному деятелю. Отличительными чертами определенно-личного значения являются наличие конкретного субъекта действия, а также определенный характер субъекта и речевой ситуации, из которой вполне понятно, что действие совершено названным, определенным субъектом. Определенно-личное значение могут иметь формы 1, 2, 3 лица.

В поговорках формы с определенно-личным значением особые: в них есть противоречие между формой и значением, потому что в поговорке речь идет не о единичном факте.

Формально определенно-личное значение имеют формы 3 лица единственного и множественного числа:

3 л. ед.ч. *Взойдет солнце и к нам на двор; Болящий ожидает здравия даже до смерти; Добрый вор без молитвы не украдет; Любящих и бог любит; На одном месте лежа, и камень мохом обрастает; Беда не по лесу ходит, а по людям; Язык голову кормит; Не летит пчела от меду, а летит от дыму; Счастье придет, и на печи найдет; Портной на грош украдет, а на рубль изъяну сделает; Худое дело везде поспело; Мзда и мудрого очи ослепляет;*

3 л. мн.ч. *Грехи любезны доводят до бездны; Через золото слезы льются; Съедают долги и богатого; И в бедах люди живут, а в неправде пропадают; Черен мак, да бояре едят; Бобы не грибы: не посеяв, не взойдут; Знают и миряне, что мы не дворяне; Щучка съедена, да зубки остались; Орешки дерут прорешки.*

Если говорить о количественной характеристике субъекта в глаголах 3 лица, то можно отметить следующее: в большинстве поговорок с глаголом в форме 3 лица формальный субъект представлен лексически. Такая особенность формального проявления субъекта объясняется, во-первых, частными значениями форм 3 лица единственного и множественного числа: они обозначают деятеля (единичного или коллективного), который находится вне речевой ситуации, о котором говорят, поэтому для уточнения, ясности предмета разговора его (деятеля, субъекта) называли обязательно, причем, это мог быть как субъект-лицо, так и субъект-предмет. Во-вторых, тематическим разнообразием поговорок, так как «любой предмет мирского и семейного быта» охвачен поговорками, освещен в них «кругом и со всех сторон»³. Этот названный «предмет» и его свойства составляют предмет разговора и, в конечном счете, являются составляющими тех самых «сущностей», из которых складывается

«подлинная тема какой-либо поговорки» (Г.Л. Пермяков, цит. по⁴).

Если субъект лексически не выражен, глагол иногда сохраняет определенно-личное значение, понятное из контекста, вытекающее из конкретной речевой ситуации. Однако специфичность нашего материала, поговорок, затрудняет разбор подобных явлений.

Поговорка функционирует в речи, говорится по какому-либо случаю и всегда имеет обобщенный смысл. Особое свойство поговорок заключается в том, что она является текстом, основанным на закреплении древнейших ситуаций, переносе и расширении этих ситуаций на другие случаи жизни. Фактически текст поговорок является одновременно интертекстом в любом другом. Вслед за Л.П. Гашевой скажем, что поговорок, как и фразеологической единицы, присущи «многозначность ... нравственно-морализаторский потенциал, высокая степень обобщенности значения, а также связь с мировой культурой», которые «дают возможность использовать их (поговорок – Л.К.) как интертекстуальные единицы...»⁵ (однако у поговорок интертекстуальность – как у текста, а у фразеологических единиц – как у понятия).

Интертекстуальность – одна из фундаментальных черт поговорок. Будучи «способом объективации концептов», интертекстуальность вписывает текст поговорок в «макротекст культуры»⁶, тем самым обеспечивая поговорок бессмертие с точки зрения исторической перспективы (интертекстуальность, вслед за исследователями текста И.П. Смирновым, О.П. Воробьевой, М.Б. Ямпольским, рассматривается нами как одно из свойств текста наряду с другими (связностью, цельностью, законченностью, информативностью и т.д.) или даже как следствие текстuality).

Случаи проявления формальных признаков определенно-личного значения в формах 3 лица без согласования с конкретным деятелем гипотетически возможны в определенных ситуациях при наличии контекста и формы глагола, из которых восстанавливается субъект. Например: *Михаила на работе повысили, он и зазнался. Раньше «отпком щи хлебал, да в воеводы попал»* (из разговорной речи). *Молодые сейчас жеваться не хотят, живут просто-запросто. По забыли заветы – «золотым перстнем обручились, со грехом разлучились»* (из разговорной речи).

Примеры подобных «фольклорных реминисценций» в речи как «специфический риторический прием», «текст в тексте» рассматривает В.Д. Лютикова⁷. Исследование поговорок в этом русле не является задачей настоящей работы. По нашему убеждению, такие примеры, согласно заявленной теме, относятся к случаям проявления неопределенно-личного и обобщенно-личного значения в формах 3 лица.

Фразеология и семантика

Таким образом, в большинстве паремий с формами 3 лица субъект назван, глаголы в них обозначают действия лица или живого существа (свойства, состояния, процессы, осуществляемые субъектом – отвлеченным понятием, предметом неживой природы и т. п.) и имеют формально определенно-личное значение.

Субъект при глаголах 2 лица – это местоимение 2 лица *ты*, которым «обозначается собеседник как второй участник речевой ситуации». Малоупотребительность в нашем материале местоимения *ты* как обязательно употребленного субъекта при глаголах 2 лица свидетельствует об очень сложном процессе. Глагольные формы 2 лица аккумулировали в себе семантику *ты*, которое имеет «широкое (выделено нами. – Л.К.) значение адресованности, обращенности речи, действия, поступка, отношения к лицу, живому существу, предмету, явлению природы, чувству, к самому говорящему и т.п.»⁸.

В фактах, где субъект представлен лексически и выражен местоимениями, глагольные лексемы обозначают действия (состояния, свойства) лица и имеют формально определенно-личное значение:

Видал ли ты беду? Терял ли ты жену?; Ни бог тебя, ни ты его не обманешь; Чай ты устал, на мне сидя?; Ты ложись на крайку, у бога в райку, а я к стенке, к золотой пенке; Которому вы чудотворцу молитесь, что у вас у всех молодые мужья?; Сам от себя не утаишь, сам себя и обличишь; Живи всяк своим добром да своим горбом; Наперед спросись сам у себя; От своей славы сам не уйдешь и людей не упасешь; Сама испекла тирожок, сама и кушай!; За своею думкою и сам не поспеешь; Сам накрошил, сам и выхлебай!; Правду погубишь, и сам с нею пропадешь; Что людям радеешь, то и сам забудешь; Прими зятя в дом, а сам убирайся вон!; Три табак, а сбыту нет – сам нюхай!; На своей пай сам промышляй; Богу молись, а сам трудись!; У нашей свахи так: хожено, так слажено, а расхлебывайте сами!

Субъект лексически выражен, формально представлен и в части проанализированных паремий с формами 1 лица. В большинстве таких фактов субъект выражен личными местоимениями *я – мы*; в минимальном количестве примеров употреблено определительное местоимение *сам* в качестве субъекта.

В фактах с лексически выраженным субъектом глаголы формально реализовали определенно-личное значение. Глагольные лексемы обозначают действия (состояния, свойства) лица говорящего и одновременно действующего, поскольку в формах 1 лица слились понятия *субъект действия* и *субъект речи*. Формально определенно-личное значение имеют глагольные формы 1 лица обоих чисел:

1 л. ед.ч. Не видал я такого ума, как твой: либо уже, либо шире; Сам не дерусь, семерых не боюсь; Я вижу, да не скажу;

1 л. мн.ч. Мы под матицей сиживали, от людей спасибо слыхивали; И мы не в лесу родились, не пенью молились.

Если глагол не имеет формального, выраженного лексически, субъекта, в предложении субъект формально отсутствует, в этом случае личные формы могут реализовать неопределенно-личное, обобщенно-личное, безличное и устаревшее значение как переходную форму от личной к безличной.

Сущность неопределенно-личного типа значения состоит в том, что действия (процессы, свойства, состояния, поступки) принадлежат не известному лицу, субъекту, а коллективу, группе лиц, субъектов, обычно не названных в речи. Количество субъектов действия здесь всегда неопределенное, но, тем не менее, ограниченное неким подмножеством. Действие имеет характер не всеобщий, а приписывается лишь некоторому неизвестному количеству субъектов.

Формально неопределенно-личное значение выражается, как правило, формами множественного числа 3 лица. В нашем материале это значение реализовали только формы 3 лица множественного числа глаголов прошедшего времени:

Знать, по судьбе нашей бороной прошли; За что обнесли меня чарой зелена вина?; Думалось попить да попеть, ан плясать заставили; Дожили до мату: ни хлеба, ни табаку; Дожили, что и ножки съезжили; Не оттого ли оголели, что сладко ели; Без меня меня женили.

Единицы с неопределенно-личным значением оказались непродуктивными на общем фоне глагольных лексем 3 лица, употребленных без согласования с субъектом.

Факты употребления форм 1 и 2 лица в неопределенно-личном значении в нашем материале отсутствуют.

Обобщенно-личное значение процессуальная единица реализует в том случае, если действия (свойства, состояния, поступки) совершаются любым субъектом (или относятся ко всякому субъекту), не называемым в речи. Производителем действия становится абстрактное лицо, выражающее некий обобщенный образ. При этом действие имеет характер всеобщности, полной или частичной обобщенности как абстрагированное от его производителя. Обобщенно-личное значение может выражаться формами единственного и множественного числа 1, 2, 3 лица, что роднит его с определенно-личным значением.

3 л. ед.ч. Ни бога не боится, ни людей не стыдится; Глядит в книгу, а видит фигу; Уложенья читает, а дела не знает; Берет – так кланяется, а возьмет – так чванится; Говорит бело, а делает черно; Называется другом, а обирает кругом; Метко попадает – ногой

в лужу; Летами не стар, да с лихости пропал; Хотя осердится, да после смирится; Намучится – научится; Как поплыл, так и прослыл; Выпил на гривну, а славы на сто рублей; Много желал, да ничего не поймал; Упал-то больно, да встал здорово.

Как видно из приведенных фактов, формы единственного числа свободно относятся к обобщенному лицу, поскольку представление о лице в паремиях всегда обобщенное. Здесь активно проявляют себя формы любого времени:

настоящее время: *Праздники помнит, а будни забывает; Тонкую нитку ведет, да худую славу кладет; От хлеба хлеба не ищут;*

будущее простое время: *Праздники помнит, а будни забывает; Тонкую нитку ведет, да худую славу кладет; От хлеба хлеба не ищут;*

прошедшее время: *Сладко захватил, да горько слизнул; Купил сапоги, да не избыл босоты; Погнался за ломтем, да хлеб потерял.*

3 л. мн.ч. *На залежь навоз возят, на новине хлеб сеют; Старого не бьют, мертвого не кают; За кукушку (пустословие) бьют в макушку; Не всякий прут по закону гнут; Новую одежду кроют, к старой примеряют; Корабли спускают, так салом подмазывают; Старших и в орде почитают; Иного за стол сажают, иного изпод стола гоняют; Горького проклянут, а сладкого проглотят; Без бороды и в рай не пустят; Языком капуста не шинкуют; Как рожь в сусеке видят, так и муке верят.*

Некоторые синтаксисты (Р.М. Гайсина, В.В. Бабайцева и др.), рассматривая пословицы модели простого предложения типа «Цыплят по осени считают», отмечают взаимопроникновение значений неопределенно-личного и обобщенно-личного, называя такие предложения неопределенно-обобщенными или неопределенно-обобщенно-личными.

В приведенных фактах нельзя не отметить тесную взаимосвязь морфологического и синтаксического аспектов, которая подкрепляется статусом категории лица глагола как морфологическо-синтаксической категории, статусом паремии как самостоятельной синтаксической единицы – текста, а также основанной на ее фундаментальных чертах – интертекстуальности и обобщенности – концептуальной сущностью паремий, которые «заклачивают в себе не камерное, а общее для всех носителей конкретного языка знание»⁹.

Мы считаем паремии вместилищем «обобщенных семантических абсолютов, концептов»¹⁰, где в понимании концепта присоединяемся к точке зрения Т.Е. Помыкаловой, которая, в соответствии с лингвистической традицией и не противореча ей, дает широкую трактовку этого языкового явления: «концепт – это содержательная структура универсальной модели языка, выражающая идейно-национальное обобщение (выделено нами. – Л.К.), характеризующая этно-

культурной спецификой и имеющая свои семантические репрезентанты, которые выступают как ее языковые варианты, или манифестации»¹¹.

Действительно, как отмечала Ф.И. Никоновайте, «глагол – предикат (его грамматическая форма и грамматическое значение. – Л.К.) закономерно участвует в формировании и выражении обобщенного содержания паремии. Содержанию паремии как выражению социального нравственного закона должно соответствовать взаимодействующее с ним грамматическое оформление»¹².

В свою очередь, процесс обобщения значения паремии предусматривает, по словам Н.Н. Семененко, его обусловленность синтаксической организацией высказывания¹³. Таким образом, неопределенно-личное и обобщенно-личное значения форм 3 лица, семантико-синтаксическая структура предложения и обобщенное содержание паремии находятся в тесной взаимосвязи, взаимообусловлены.

В большинстве паремий с глаголами в форме 2 лица субъект не назван, глаголы в них имеют формально обобщенно-личное значение:

Наука не пиво, в рот не вольешь; Не побивши, не выучишь; Кроме смерти, от всего вылечишься; Душа не сосед, не обойдешь; Два века не изживешь, две молодости не перейдешь; Счастье алтыном не купишь; Всех работ не переработаешь; Посеешь в погоду – большую приплету; С богом не поспоришь; Женских прихотей не перечтешь; Не спрашивай здоровья, а глянь в лицо; Ешь и пироги, да хлеб вперед береги!; Зерна мели, а много не ври!; Не верь брату родному, верь глазу своему кривому!; Изведай человека на деньгах; Руби дерево по себе; На посуле, как на стуле, – посидишь да и встанешь.

В проанализированных примерах с употреблением форм 2 лица единственного и множественного числа особую роль играет частное значение этих форм.

Импликация местоимения *ты* и его семантическая аккумуляция в формах 2 лица глагола – свидетельство особой семантической конструкции в проанализированных формах. Обращенность паремиологического текста некогда к конкретному собеседнику, «единичному ТЫ» – паремия по своей природе дитя устной речи и всегда *говорились и говорится кому-то* и по какому-то случаю – приобрела характер всеобщности, обобщенности. Конкретный адресат речи, к которому обращено высказывание, на которого направлено действие и который должен это действие произвести, становится абстрактным лицом, выражающим обобщенный, собирательный образ любого, всякого, каждого, к кому обращаются. «Обращенность», «адресованность» паремии, как любого высказывания, есть ее «конститутивная особенность»¹⁴, где формы 2 лица выступают языковыми средствами «для выражения формальной обращенности»¹⁵ и, пусть в количе-

ственном отношении они уступают формам 3 лица, являются наиболее органичной формой выражения «устной» природы паремии.

Обобщенность форм 2 лица, по мнению некоторых лингвистов, может наполняться «неопределенно-личным смыслом» (об этом нами упоминалось и в связи с формами 3 лица). Например, В.В. Виноградов отмечает широкое употребление форм 2 лица единственного числа изъявительного и повелительного склонения «в неопределенно-личном смысле»: «Криком да бранью ничего не возьмешь» (И. Тургенев, Контора); «На чужой роток не накинешь платок, – сказал хозяин» (Ф. Сологуб, Мелкий бес); «Любишь кататься – люби и саночки возить»¹⁶.

В большинстве паремий с глаголами в форме 1 лица субъект лексически не представлен. Семантический объем субъекта – для форм 1 лица это личные местоимения *я* (в форме единственного числа) / *мы* (в форме множественного числа) – слился с формами 1 лица глагола, о чем свидетельствуют морфологические показатели – флексии *-у, -ем, -им*. Функция местоимения 1 лица усиливается. Импликация местоимения и его семантическая аккумуляция в формах 1 лица глагола свидетельствуют о сложных семантических и динамических процессах внутри категории лица. Глагольные лексемы в форме единственного и множественного числа, не сочетающиеся с субъектом, имеют в проанализированных фактах формально обобщенно-личное значение:

1 л. ед.ч. Не боюсь богатых гроз, боюсь убогих слез; Чего не знаю, про то и не баю; Оттого терплю, что больше всех люблю;

1 л. мн.ч. На этом свете помучимся, на том порадуемся; Чем кормимся, тем и поимся; В среду съедим, так в четверг не глядим; Оттерпимся – до чего-нибудь дотерпимся.

Об обобщенно-личном значении форм 1 лица единственного числа в пословицах говорил В.В. Виноградов: «...форма 1-го лица единственного числа иногда служит для обозначения обобщенного субъекта, и в этом случае индивидуально-личное значение ее ослабевает... Особенно выразительно такое обобщенное употребление в рассуждениях, в общих сентенциях (например, в поговорках: «Чье кушаю, того и слушаю» и т. п.). Однако и в этих случаях прямое отношение к говорящему субъекту, к Я, все же отчетливо сохраняется»¹⁷. Но при этом формам 1 лица множественного числа ученый приписывал неопределенность значения: «...в обобщенных сентенциях 1-е лицо множественного числа может означать неопределенную группу лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу солидарности, общности характера или привычек. Это так называемое неопределенное 1-е лицо множественного числа»¹⁸.

Мы считаем, что формы 1 лица единственного и множественного числа глагола, не сочетающиеся с субъектом, обоюдно относятся к обобщенному лицу и имеют формально обобщенно-личное значение, что не противоречит представлениям о «лице» в паремиях, которое всегда имеет обобщенную сущность.

В нашем материале представлены факты употребления личных форм в безличном значении и безличных глаголов. Эту немногочисленную группу единиц представляют такие глаголы, как *рвет, прет, свербит, отрыгается, спится, хочется, сбудется, надует, затаит, наскучило, тянет, горчит, слюбится, родилось, годилось, досталось, живется, ведется* и другие.

Вне паремий безличное значение может реализоваться глаголом в форме 3 лица единственного числа настоящего, будущего времени или в форме прошедшего времени единственного числа среднего рода при обозначении действия (поступка, свойства, состояния), совершающегося как бы самопроизвольно, без участия субъекта. При этом семантический субъект не теряет способности к восстановлению, хотя формально не представлен в предложении. В таких случаях мы говорим о безличном употреблении личных форм. В проанализированных нами паремиях такие факты встретились:

С ветру пришло, на ветер и пошло; Большая лошадь хозяину не по двору: травы не достанет; Не пройдет без греха, у кого жена лиха; Над кем стряслось, над тем и сбилось; По усам стекло, да в рот не попало; Достается сычке от своего язычка.

Как показал наш материал, глаголы в форме 3 лица единственного числа настоящего, будущего времени и глаголы в форме прошедшего времени единственного числа среднего рода примерно равны в количественном отношении в реализации безличного значения в паремиях.

Самодостаточные, отличающиеся от безличных форм, безличные (или, как их еще называют, собственно-безличные, которые древнее безличных форм) глаголы также представлены в нашей картотеке. Субъект при них отсутствует и не может быть восстановлен формально:

Неправдою жить – не хочется, правдою жить – не может; Каково живет, таково и спится; Стерпится – слюбится; Кому много дано, с того много и спросится.

Фундаментальные исследования вопроса о безличном употреблении форм 3 лица, о безличных глаголах, а также процессах устранения лица отражены в работах отечественных и зарубежных ученых. Согласимся с мнением В.В. Виноградова о том, что «детальная классификация всех случаев безличного употребления личных глаголов – дело синтаксиса»¹⁹. Безусловно, в предложении определенной структуры и определенной семантической модели (содержа-

тельной стороны предложения) личный глагол раскрывает свою способность получать безличное значение и наилучшим образом реализовать его. Однако не каждый личный глагол может проявить себя в этом качестве. Семантическая, точнее семантико-грамматическая, уникальность глагола определяет его место «организатора» структурно-семантического типа предложения. Как утверждает Т.П. Ломтев, «слова, входящие в состав предложения, связывает в одно целое только глагол – в личной или нулевой форме» (цит. по:²⁰).

Наблюдение за употреблением и функционированием безличных глаголов, как и безличных форм, эффективно в лоне предложения.

Положение о взаимообусловленности значения личных форм глагола и структурно-семантического типа предложения считаем актуальным для исследования конструкций с безличными формами и безличными глаголами.

При анализе данных конструкций было выделено несколько типов употребления безличных форм и безличных глаголов (мы использовали некоторые названия лексических типов безличных глаголов вслед за В.В. Виноградовым и типов безличных синтаксических конструкций вслед за Е.М. Галкиной-Федорук), по которым глагольные лексемы распределились на группы.

Глаголы со значением:

1) бытия, существования, состояния и небытия, несуществования (по классификации Н.Ю. Шведовой, рассмотренной в статье В.Н. Попова²¹).

Эта группа самая представленная, глаголы характеризуются высокой частотой употребления и постоянством репрезентации двух базовых глаголов – *быть (быва́ть), стать*:

Есть в мощне, так будет и в квашне; От мертвого худа не бывает, а от живого добра; Где ни будет, а от наших рук не отбудет; От счету не убудет (а от недочету убывает); Семь лет маку не родило, а голоду не бывало; На корову стало, так хватит и на подойник; Много бывает, а лишних не бывает; На балайку станет, и на кабак станет, а на свечку не станет; Яблок на сосне не бывает;

2) «безвольности», самопроизвольности действия, то есть действие производится независимо от желания, воли субъекта. Все глаголы этой группы имеют морфему *-ся*, возвратные (группа достаточно широко представленная):

Плохо может, так и нездоровится; Не спится, не ложится, все про милого грустит; Рано всталось, да мало наткалось; Смолоду не богателось, а под старость захотелось; Где чаётся радостно, там встретится горестно; Говоря про людей, устанется, а слушая про себя, достанется; Весело поется, весело и прядется; К пиву едётся, а к слову молвится; Удаётся и червячку на веку; Удаётся – квас, не уда-

ётся – кислы щи; Как аукнется, так и откликнется;

3) физических ощущений внутреннего свойства и психических процессов:

На кого была надежда, того-то и разорвало; Ленивому не болит в хребте; Где не свербит, нечего и драть; Село, что животы подвело; Село свело, а барина скорчило; Кому первоучина, а иному и наскучило; Счастливому и в зубах вязнет;

4) ощущения от внешних факторов (восприятия органами обоняния):

От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом; Сер козел, сед козел, а все псиной несет; Не сквернит в уста, а сквернит из уст; От дегтярного торгаша дегтем и воняет;

5) физического действия:

Хоть пусто, да звенит; Под носом взошло, а в голове не посеяно; Мило, пока не простыло; Посеяно с лукошко, так и выросло немножко; Где пригрело, там и село; Легко пришло, легко и ушло; Где тонко, там и рвется;

6) проявления сверхъестественных сил:

Кому вынет, тому сбудет: не минует; Кого минует, того и обнесет; Надобно жить, как набезит; Вынесет – наш, не вынесет – божий;

7) природные явления:

Весною сутки мочит, а час сушит; Рано затает – долго не растает;

8) действие стихии посредством какого-либо орудия:

Ветром море колышет, молвою – народ; Кому быть на виселице, того и грозой не убьет.

В анализируемом материале представлены единичные факты паремий модели сложного предложения с объединением двух из вышеперечисленных значений глаголов:

Не было дегтю, так и не горчит (значение бытия и физического внутреннего ощущения); *Хотелось на коня, а досталось под коня* и *Где ведётся, там и на щепу прядётся* (значение проявления сверхъестественной силы (здесь судьбы) и самопроизвольного действия); *Меньше врется – спокойнее живётся* (значение самопроизвольного действия и бытия с оттенком самопроизвольности действия); *Кому не годилось, а нам полюбилось* (значение бытия с оттенком полезности и психического процесса с оттенком самопроизвольности действия) и другие.

Богатство оттенков лексического значения способствует употреблению одного и того же глагола в безличной форме и определительно-личной форме с выраженным субъектом. Соотнесенность форм такого рода достаточно распространённое явление в поговорках. Практически любому личному глаголу в безличном значении соответствует форма определительно-личного значения этого же глагола.

Однако существуют случаи омонимичности форм, которые свидетельствуют о несоотносительности безличных форм с такими же определенно-личными формами. Например, *На злое дело всякого **станет*** – глагол *станет* употреблен в третьем значении: «оказаться достаточным, хватить» (с пометой *разг. устар.* при базовом глаголе *стать*²²). В пословице *Без воды **зима не станет*** глагол *станет* употребляется в восьмом значении: «настать, наступить, начаться» (разг.) при основном глаголе *стать*²³. Приведенный факт выявляет употребление формы личного глагола *стать* с выраженным субъектом и безличного глагола *станет*, который омонимичен первому.

Представленные в нашем материале факты употребления безличного типа значения личных форм глагола и безличных глаголов единичны, что резюмирует нехарактерность, несвойственность категории безличности для паремий. В этом просматривается устойчивая закономерность. В паремиях всегда отражается личный, активный деятель. Отвлеченность категории безличности демонстрирует антропоцентричность паремии, усиливает ее «личность», косвенно воссоздавая представления о лице, о субъекте – активном деятеле.

Все случаи проявления безличных форм и безличных глаголов в паремиях так или иначе связаны с человеком, с его внутренним, физическим, психическим, душевным состоянием, либо квалифицируют какие-либо действия, явления, свойства, состояния, процессы природы и окружающего мира, что выражает результат наблюдений человека и опыт человека: *не спится, грустит, удаётся, не ложится мне (тебе, ему, богатому, бедному и т.д., то есть любому человеку); минует, пронесет (судьба, бог, иные сверхъестественные силы) меня (тебя, его и т.д., то есть любого человека)*.

Таким образом, в большинстве фактов паремии используют личный тип глагольных форм. Безличность как явление морфологосинтаксического уровня в паремиологическом тексте сведена к минимуму, а в семантико-смысловом отношении отвергнута вообще.

И, наконец, этап перехода от личного к безличному значению – устраненное значение форм 3 лица единственного числа настоящего и прошедшего времени среднего рода на нашем материале проследить не удалось. В классическом понимании значение устраненного лица глагол приобретает в случае, когда говорящий замечает и называет только действие, при этом субъект, производящий это действие, остается в тени. О субъекте говорящий имеет представление, но умалчивает о нем по каким-либо причинам, или субъект до конца не известен автору. Об этом явлении писал еще немецкий языковед В. Мейер-Любке в своей «Грамматике романских языков»:

«...говорящий ...замечает одно лишь действие, не заботясь о творце этого действия или не имея возможности создать себе представление о таком...» (цит. по: ²⁴). Факт отсутствия в исследованном материале значения устраненного лица глагола показателен, поскольку подтверждает особую значимость деятеля, субъекта, особое место «творца» действия в паремиях.

Подводя итог вышеизложенным фактам, отметим следующее. Особенность характера значений личных форм в паремиях связана с принадлежностью глагола к одной из форм лица, формальным проявлением субъекта, его лексической представленностью в предложении, либо формальным отсутствием или устранением, а также одновременной реализацией значения глагола в паремиологическом тексте с точки зрения философского, обобщенного осмысления.

Паремиологическую грамматику сложно, а порой и невозможно рассматривать вне контекста, вне предложения. Здесь, в лоне паремиологического текста, особенно ярко проявляется коррелятивный характер отношений между формально-грамматической реализацией субъекта и типологией значения глагола. В зависимости от формального проявления субъекта значение личных форм наилучшим образом раскрывается, но и обнаруживает свою сложную загадочную природу, вскрывая при этом некоторые противоречия.

¹ Чепасова А.М. Русский глагол: уч.-практ. пособие. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. С. 38.

² Чепасова А.М. Современный русский язык: Таблицы по грамматике. М.: ВШ, 1999. С. 144.

³ Даль В.И. Напутное / В.И. Даль // Пословицы русского народа: сборник: В 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. С. 19.

⁴ Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. С. 45.

⁵ Гашева Л.П. Интертекст как полифункциональная единица текста. // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докл. междунар. науч. конф.; ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 80.

⁶ Андреева С.Л. Интертекстуальность как способ объективации концептов // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докл. междунар. науч. конф.; ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск, 2003. С. 45.

⁷ Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект: монография. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. С. 77.

⁸ Местоимения в современном русском языке: учеб. пособие. А.М. Чепасова, Л.Д. Игнатьева,

Ж.З. Мительская и др. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. С. 23.

⁹ Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. С. 127.

¹⁰ Помыкалова Т.Е. Концепт «Различие»: номинирование фразеологизмами признака. Челябинск: Каменный пояс, 2003. С. 8.

¹¹ Там же С. 11.

¹² Никоновой Ф.И. О грамматическом содержании предиката евангельской паремии // FRAZEOLOGIA A RELIGIA: Tezy referatów międzynarodowej sympozjum naukowego (Opole, 4–6 września 1996 r.). Opole, 1996. С. 33.

¹³ Семененко Н.Н. Русская пословица как объект лингвокультурологического анализа // Фразеология – 2000: материалы Всерос. науч. конф. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2000. С. 102.

¹⁴ Бахтин, М.М. Собрание сочинений / М.М. Бахтин. М.: Русские словари, 1997. Т. 5: Работы 1940 – начала 1960 гг. С. 204.

¹⁵ Там же С. 205.

¹⁶ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. С. 378.

¹⁷ Там же С. 377.

¹⁸ Там же С. 378.

¹⁹ Там же С. 383.

²⁰ Бабенко Л.Г. Семантические модели русских глагольных предложений: концепция, структура и основные лексикографические параметры / Л.Г. Бабенко // Семантические модели русских глагольных предложений: Экспериментальный синтаксический словарь: Проспект; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 16.

²¹ Попов В.Н. Русские глаголы со значением несуществования в их противопоставленности глаголам со значением существования / В.Н. Попов // Вопросы языкознания. 1990. №1. С. 114–127.

²² Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984. 4 т. С. 255.

²³ Там же С. 254–255.

²⁴ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов; под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. С. 381.

Поступила в редакцию 28 ноября 2008 г.

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Е.В. Радченко

DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF NUMBER OF THE OBJECT PHRASEOLOGICAL UNITS

E.V. Radchenko

В статье рассматривается процесс и результаты развития категории числа предметных фразеологизмов.

Ключевые слова предметный фразеологизм, грамматическая категория числа, динамические процессы.

In the article it is considered the process and the result of development of the category of number of the object phraseological units.

Keywords: object phraseological units, grammatical category of number, dynamic processes.

В современной лингвистике среди основных частей речи имя существительное и глагол определяются как ядерные, центральные¹. В.В. Виноградов отмечал, что грамматическим стержнем имен является категория имен существительных. Под эту категорию подводятся слова, выражающие предметность и представляющие ее в формах рода, числа и падежа².

Грамматическая категория числа вместе с другими грамматическими категориями оформляет значение предмета. С философской точки зрения, категория числа – вторая сторона качества. Качество без количества невозможно. Но и количество без качества невозможно. Поэтому всегда говорят, думают, считают количество чего-либо, кого-либо. Из количественных показателей складывается качество. Невозможно количество само по себе, так как оно ничего не значит. Так, философское понимание развивающегося понятия включает в свой объем содержания категорию количества как экстенсивную сторону процесса познания: «... механизм действия закона перехода количественных изменений в качественные можно представить в области развития понятий следующим образом: количественные изменения, совершающиеся прежде всего с объемом понятия (открытие новых представлений изучаемого предмета), а в связи с этим и с содержанием того же понятия (открытие новых свойств у изучаемого предмета, соответственно новых признаков у данного понятия). На известной ступени их накопления приводит к коренно-

му, качественному изменению всего содержания данного понятия, к его революционной ломке, к замене его новым, более точным и совершенным понятием. При этом изменение экстенсивной стороны понятия (его объема) воздействует на его интенсивную сторону (содержание)»³.

В центре нашего внимания – процесс развития категории числа предметных фразеологизмов. Под предметными нами понимаются фразеологизмы, обозначающие предмет, предметность в самом широком значении этого слова. Категория числа тесно связана со значением предметной единицы. Эта связь проявляется в способности категории числа делить весь класс предметных единиц на две части по характеру выраженности в них количественной определенности (единицы, обозначающие предметы действительности как отдельные, дискретные, способные быть подверженными счету; единицы, обозначающие предметы как непрерывные, недискретные, их количественная определенность может быть только измерена). Последние утрачивают число, но сохраняют значение количества.

Устойчивость значения категории числа как грамматической категории, таким образом, напрямую связана характером лексического значения слова или индивидуального значения предметного фразеологизма. Пока вещь остается самой собой, сохраняется и категория числа. Изменение значения единицы приводит к изменению функционирования категории числа.

Радченко Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. E-mail: rad-ev@mail.ru

Elena V. Radchenko, candidate of philological science, professor assistant of culture of speech and professional communication of the Faculty of Linguistics, SUSU. E-mail: rad-ev@mail.ru

Соотношение форм единственного и множественного числа является исконным и сохраняется, как правило, у имен существительных, которые обозначают мир конкретных предметов, непосредственно окружающих человека.

Так, лексема *рука* вне фразеологизма обозначает «каждую из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев». В свободном употреблении она имеет соотносительные формы единственного и множественного числа: *В правой руке он держал черную шляпу из заячьего уха, в левой две толстые замшевые перчатки (И.С. Тургенев. Вешние воды); Я взял ее холодные руки и целовал их (Гаршин. Надежда Николаевна).*

Становясь компонентом фразеологизма, имя существительное качественно преобразует свое значение. Во фразеологизмах *правая рука (кого)* «ближайший помощник кого-либо», *рабочие руки* «рабочие», *золотые руки* «умелец, мастер» ядерная сема имени существительного *рука* «верхняя конечность человека» деактуализируется. Во фразеологизмах актуализируются периферийные семы анализируемой лексемы – «помощник» (*правая рука*), «работник, умелец» (*рабочие руки, золотые руки*).

Качественные изменения значения лексемы влекут за собой изменения категории числа. Все приведенные фразеологизмы не имеют соотносительной формы единственного (*рабочие руки, золотые руки*) или множественного числа (*правая рука*).

С другой стороны, тетенька Глафира – богомолка. Она входит в актив моей тетки Агафьи, является ее правой рукой (М. Аксенов. Хлеб – имя существительное); Завод строили и копали руду одновременно: рабочих рук не хватало (Е. Федоров. Каменный пояс); Суровые денечки выпали ему в кузнецкой слободе, но могучий характер да золотые руки выручили кузнеца Антуфьева (Е. Федоров. Каменный пояс).

Фразеологизмы не имеют соотносительной формы числа, так как обозначают не конкретный предмет, а дают качественную характеристику лицу *золотые руки, правая рука* и обозначают совокупность лиц *рабочие руки*. В анализируемых единицах проявляется ведущее качество фразеологического значения – обобщенность, оценочность.

Таким образом, смена качества, ядерной семы значения единицы, приводит к динамичности категории числа, к специализации одной из его форм. В результате категория числа становится средством выражения качества.

Мир фразеологизмов – то, что человек обобщил. В силу указанных выше причин категория числа остается у очень немногих единиц. Нами было проанализировано 590 предметных фразеологизмов в 5950 употреблений. Судя по нашему материалу, только 15% предметных фра-

зеологизмов имеют соотносительную форму единственного и множественного числа. Эти единицы относятся, как правило, к двум семантическим субкатегориям: субкатегории «лица, качественной характеристики лица» и субкатегории «предмета неживой природы, места, времени».

...все вельможы с возжелением глядели на Демидова, как на тугой денежный мешок (Е. Федоров. Каменный пояс); У крестьян денег нет. Покупать будут денежные мешки. Налетят, как коршуны, со всего света. Нельзя продавать мать-кормилицу (Известия. 1995. 18 ноября); Спадает напряженность в Молдове. Из Дубоссар – самой в последнее время горячей точки республики – во второй половине дня выведены отряды молдавской полиции (Правда. 1991. 3 октября); В труднейшие дни войны проявил полководческий талант Черняховского. И может быть, поэтому его боевой путь пролегал по самым горячим точкам войны (Комсомольская правда. 1985. 19 февраля); В качестве первого шага на пути сокращения ядерных вооружений Советский Союз предложил идею замораживания (Правда. 1982. 29 декабря); Женский вопрос всегда, с первых же шагов на общественном поприще живо интересовал Инессу (П. Подляжук. Товарищ Инесса).

Фразеологизм *денежный мешок* «богатый человек» относится к субкатегории «лица», группе «качественная характеристика лица»; *горячая точка-1* «место военных действий, межнациональных конфликтов»; *первый шаг* «начальный момент какой-либо деятельности» – к субкатегории «предмета неживой природы, места, времени». Приведенные единицы имеют соотносительные формы единственного и множественного числа.

Абсолютное большинство фразеологизмов нашего материала охватывается не грамматической категорией числа, характеризующейся в русском языке наличием двух противопоставленных форм с закрепленными за каждой формой грамматическими количественными значениями, а семантико-грамматической категорией количества, характеризующейся наличием у входящих в нее целых семантических разрядов существительных непротивопоставленной формой числа с определенным количественным значением, создаваемым лексическими или словообразовательными средствами.

Анализ предметных фразеологизмов нашего материала показал, что большинство единиц обозначают отвлеченное понятие – 61%. Единицы субкатегории отвлеченности характеризуются тем, что они не обозначают физический предмет или лицо, хотя их грамматически главные компоненты вне фразеологизма являются обозначением физического предмета, живого существа и имеют категорию числа.

В единицах анализируемой субкатегории проявляется ведущее качество фразеологическо-

Фразеологии и семантика

го значения – обобщенность. Предметные фразеологизмы являются вторичной номинацией и выполняют не только назывную, но и оценочную функцию. Семантическое свойство фразеологизмов иметь отвлеченное значение наиболее точно передается в русском языке формой единственного числа.

В субкатегории «отвлеченности» самой продуктивной оказалась группа ФЕ со значением «активной человеческой деятельности». Анализируемая семантическая группа представляет собой открытое объединение, которое на современном этапе развития языка, наиболее активно пополняется новыми единицами. В речи говорящих довольно активно образуются и употребляются предметные единицы, соотносительные с процессуальными фразеологизмами и обозначающие действия как предметы: *вбивание клиньев* «создание помех», *введение в заблуждение, возведение за нос* «обман», *ввод в строй (чего)* «запуск», *выкручивание рук* «принуждение», *гадание на кофейной гуще* «домыслы», *перемывание костей* «пересуды» и мн.др.. Абсолютное большинство единиц этой группы имеют некоррелятивную форму единственного числа. На втором месте по продуктивности находится семантическая группа фразеологических единиц, обозначающих «свойство, качество, совмещающие элемент оценки, отношения говорящего»: *пиррова победа* «победа с большими потерями», *альфа и омега* «сущность, основа чего-либо», *белое и черное* «противоположность», *святая святых* «самое дорогое».

В единицах анализируемой семантической группы ярче всего проявляется динамика категории числа, ее зависимость от значения. Так, фразеологизмы *ахиллесова пята* «слабое место кого, чего-либо», *дымовая завеса* «обман», *пустой звук* «отсутствие реальной пользы», *философский камень* «самое важное, основа чего-либо», *ящик Пандоры* «источник несчастий, бедствий» в качестве грамматически главного компонента имеют конкретные имена существительные, которые в свободном употреблении имеют соотносительные формы единственного и множественного числа.

Звук – «слуховое ощущение, вызываемое действием механических колебаний окружающей среды; то, что мы слышим, воспринимаем нашим органом слуха. *Звук шагов. Звуки выстрелов*».

Ящик – «вместилище четырехугольной формы обычно из досок для укладывания, хранения чего-либо». – *Ворона! – перебил он вдруг себя. – Пропустил почтовый ящик (А. Куприн. Мирное житие); (Николай), подоидя к столу, начал постепенно выдвигать ящики, выбирая из них бумаги (М. Горький. Мать)*.

Камень – «отдельный кусок ... породы». *Десятипудовый камень с гулом летит, увлекает за собой мелкие камешки... (Арамилев. В лесах Ура-*

ла); У берегов есть подводные камни, целые горы камней (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

Становясь компонентом фразеологизма, лексическое значение имен существительных качественно преобразуется: ядерные семы деактуализируются, актуализируются периферийные семы. Такие фразеологизмы обнаруживают самую высокую степень обобщенности своего значения, которая наилучшим образом выражается несоотносительной формой единственного числа.

Для большинства из них не были пустым звуком слова популярной некогда песни: «Раньше думай о Родине, а потом о себе» (Советская Россия. 1994. 30 апреля); Год 1938, успевший за одиннадцать месяцев наделать немало неприятностей и бед, уже перед самым своим уходом извлек из своего «ящика Пандоры» кое-что и для меня лично... (Б. Ефимов. Работа, воспоминания, встречи); Наподобие касания к философскому камню, ночные беседы с женой оказывались волшебным механизмом очищения прошлого (Л. Улицкая. Сонечка).

Фразеологизмы *пустой звук* «отсутствие реальной пользы», *ящик Пандоры* «источник несчастий, бедствий», *философский камень* «самое важное, основа чего-либо» имеют только форму единственного числа, так как обозначают отвлеченное понятие.

Таким образом, динамика категории числа предметных фразеологизмов направлена от коррелятивных по форме числа единиц к некоррелятивным формам единственного числа и вытеснению форм множественного числа. Результаты динамичности той или иной грамматической категории могут быть разными. В нашем случае фиксация предметного фразеологизма в одной из форм числа не приводит к ее диалектичности. Единица остается предметной, так как сохраняются качественные категории рода и падежа. Динамические процессы затрагивают только категорию числа. Как правило, фразеологизмы фиксируются в форме единственного числа. Употребление предметных фразеологизмов в массовом материале в форме единственного числа объясняется главным образом действием семантических причин.

¹ По мнению Р.М. Гайсиной, ядерность названных частей речи объясняется тем, что они «соответствуют логическому субъекту и предикату, являются наиболее древними, имеются во всех языках, противопоставляются друг другу по многим признакам», см. Гайсина Р.М. Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики. Уфа, 1985. С. 6.

² Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.Л.: Учпедгиз, 1947. С. 48.

³ Арсенев А.С. Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1967. С. 323–324.

Поступила в редакцию 27 ноября 2008 г.

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

УДК 811.111

РЕКЛАМА В ИНТЕРНЕТЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Э.А. Лазарева, Г.Н. Тельминов

INTERNET ADVERTISEMENT AS EVIDENCE OF INTERTEXTUALITY

E.A. Lazareva, G.N. Telminov

В статье впервые рассматривается структура нового типа рекламы – Интернет-рекламы. Дается теоретическое обоснование этого вида СМК, показана инвариантность рекламы и типы Интернет-дискурсов.

Ключевые слова: Интернет, реклама, дискурс, политекстуальность.

The article deals for the first time with the structure of the new advertisement type – Internet advertisement and it reveals the theoretical grounds for this kind of mass media. The article describes the invariant types of Internet advertisement and Internet-discourses.

Keywords: Internet, advertisement, discourse, polytextuality.

Бурное развитие компьютерной техники сегодня привело к появлению нового средства коммуникации – Интернета. Появление Интернета привело к внедрению в жизнь людей новой разновидности ставшего популярным средства массовой коммуникации (СМК) – Интернет-рекламы, обладающей собственными специфическими качествами. Информация, содержащаяся в таких произведениях, имеет *многослойный характер*.

Передача многослойной информации в одном произведении неминуемо приводит к возрастанию *роли интертекстуальных связей*. Указанный характер современных СМК приводит к формированию современной клиповой культуры, возрастанию роли зрительного восприятия. ¹Современный человек привык вос-

принимать одновременно не один текст (не одна главная мысль, тема, а несколько, в восприятие, входит и процесс выбора, отбора информации). Происходит видоизменение, усложнение процесса восприятия произведения, развивается привычка к «лоскутному чтению»¹.

Изучение свойств рекламы в Интернете продуктивно с опорой на известные, подробно разработанные, лингвистические теории – мы имеем в виду три из них, речь идет о теориях: *дискурса, интертекстуальности, заголовка текста*. Обращение к ставшим традиционными теориям может показаться неожиданным, когда речь идет о таком, новом, неоднозначно воспринимаемом и предельно прагматически направленном СМК, как реклама. Объясним этот выбор базового понятия для разработки типологии Интернет-рекламы.

Лазарева Элла Александровна, доктор филологических наук, профессор, преподаватель кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций Уральской государственной архитектурно-художественной академии. E-mail: elazareva@r66.ru

Тельминов Геннадий Николаевич, ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания УрГПУ (Екатеринбург), аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики УрГПУ (Екатеринбург). Научный руководитель – д.филол.н. проф. Э.А. Лазарева. E-mail: telminov@aol.com

Ella A. Lazareva, Theory of Architecture and Professional Communications chair lecturer, Professor, PhD (Russian Philology). Ural State Academy of Architecture and Arts. E-mail: elazareva@r66.ru

Guennadi N. Telminov, English Philology and Comparative Linguistics chair assistant of Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), Theoretical and Applied Linguistics chair postgraduate of Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg). Scientific Supervisor – Lazareva Ella Aleksandrovna, Professor, PhD (Russian Philology), E-mail: telminov@aol.com

Речевое воздействие и языки для специальных целей

Что касается термина «рекламный дискурс»², то под ним понимается совокупность дискурсивных практик, реализующихся в Интернет-рекламе, нацеленных на клиента и формирующих эту рекламу как часть рекламного дискурса в целом. Дело в том, что современная реклама в данном СМК строится как комплексная текстовая – дискурсивная система, состоящая из многих разнознаковых компонентов, назовем их субдискурсами.

Приведем пример рекламы шведского автомобиля Вольво на сайте www.volvocars.com/ru. Перед нами открывается огромное дискурсивное пространство, состоящее из субдискурсов многообразной знаковой природы, вербальных и невербальных, активизирующихся, появляющихся «из виртуального небытия» по желанию адресата. Если бы вся такая информация была подана на бумаге, в виде линейно воспринимаемой печатной рекламы, то она заняла бы целый журнал. Главная часть, открывающая рекламный дискурс, выполняет роль первого, вербующего, обращения к адресату. Во вводящем дискурсе (субдискурсе) рекламы осуществляется подача названия предмета рекламы, который повторяется на протяжении всего пространства сайта и семантически организует комплексное произведение.

Изобразительно-графическая, или художественно-графическая, часть – фотография автомобиля, потом картинка меняется, показывается интерьер автомобиля разных возможных цветов, потом салон автомобиля сравнивается с салоном самолета и выплывает предложение «Все места первого класса».

На этой же главной странице видны ссылки в виде заголовков, оформленные разными синтаксическими конструкциями. Пример:

– *Дилеры Volvo* (номинативное предложение)

– *Продажа и обслуживание*; (номинативное предложение)

– *Конфиденциальность*; (номинативное предложение)

– *Юридическая информация*; (номинативное предложение)

– *Свяжитесь с нами*; (императив)

– *О компании* (номинативное предложение)

Всего – пятнадцать ссылок-заголовков.

Нажав на ссылку «*Дилеры Volvo*», можно найти дилера в любом регионе России. Например, Хабаровск – «Амур-Моторс», Рязань – «Центр-Авто», Тула – «Автокласс», Пенза – «Автомастер».

Нажав на ссылку «*Продажа и обслуживание*», мы читаем: «Компания Volvo старается продумать все. Это значит, что владельцы Volvo получают в свое распоряжение самые новаторские технологии. Реклама представляет сам автомобиль и мелочи, связанные как с

покупкой, так и с владением Volvo. «Вы можете быть уверены в том, что мы позаботились обо всем».

Нажав на ссылку «*Конфиденциальность*», мы читаем: «Компания Volvocar охраняет конфиденциальность личной информации каждого посетителя наших веб-сайтов. Собранная информация о вас будет использована прежде всего для удовлетворения ваших просьб, а также улучшения наших продуктов и услуг. При этом мы используем информацию подходящим способом».

В ссылке «*Для владельцев Volvo*» предлагается информация для владельцев:

– *Изучите ваш VOLVO*; (призыв к адресату)

– *Управляйте вашим VOLVO*; (призыв к адресату)

– *Управляйте автомобилем безопасно* (призыв к адресату)

Здесь мы продемонстрировали один из вариантов Интернет-рекламного дискурса, включающего в себя большое количество субдискурсов. Рекламный дискурс, бытующий в Интернете, существует по собственным правилам. За время существования выработались инвариантные свойства внутренней структуры рекламы этого типа, определяющие способы сопряжения текстуальных образований. Дискурс имеет глубинную трехмерную структуру, где составляющие рекламу части входят одна в другую, сосуществуют, словно извлекаются из глубины целого дискурса. Назовем такой принцип тексто-дискурсивного образования **принципом матрешки**. Мы предлагаем рисунок, на котором представлен данный термин-метафора на примере разобранный выше рекламы. На рисунке покажем существующее трехмерное пространство рекламного дискурса, который включает в себя значительное количество сайтов, передающих разнообразную информацию. Реклама в Интернете строится как комплекс взаимодействующих произведений, **интертекстуальная система**. Нам представляется, что рассуждения о данном типе рекламного произведения – это новый подход к области применения учения об интертексте. Описание сущностных свойств рекламных дискурсов, бытующих в Интернете, представляется возможным именно на базе учения об интертекстуальности. Данная теория широко используется в различных сферах современной филологии, лингвистики и литературоведения, применительно к исследованию художественных произведений, текстов СМИ. В нашей работе мы основываемся на концепции интертекста, восходящей к исследованиям М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. Согласно этой концепции, всякий текст выступает как интертекст, и в основе каждого отдельного произведения – не только совокупность всех пред-

шествующих текстов, но и сумма общих кодов и систем, т.е. безграничный и бесконечный текст³. Сама интертекстуальность понимается при этом, согласно Ю.М. Лотману, как проблема «текста в тексте». Интертекстуальность понимается нами именно в традициях школы Ю.М. Лотмана – как взаимодействие отдельных произведений: текст в тексте, текст на тексте, текст до текста, текст за текстом. Такие связи произведений были представлены нами и при характеристике газеты как целостного комплексного объекта⁴. Эта же теория оказалась продуктивной и при построении типологии Интернет-рекламы. К нашему пониманию интертекстуальности близка теория Н. Пьеге-Гро⁵ которая в своей книге «Введение в теорию интертекстуальности» выделяет, в качестве одного из типов интертекстуальных отношений, отношения соприсутствия. Именно на таких отношениях основано построение Интернет-рекламного дискурса.

В современных исследованиях с применением учения об интертекстах в качестве постулата приводится тезис о том, что интертекстуальность свойственна каждому тексту и каждый текст является интертекстом или даже гипертекстом. Это положение позволяет нам окончательно утвердиться во мнении о возможности и необходимости данного подхода к такому, нетрадиционному и мало исследованному объекту, как дискурс Интернет-рекламы. Именно здесь активно и многообразно осуществляется взаимодействие текстов, дискурсов и субдискурсов.

Б. Гаспаров понимал интертекстуальность как непреходящую и принципиальную открытость материала, который пронизывает собою текст. «Мотивный анализ» Б. Гаспарова представляет собой изучение интертекстуальных «переключек», рожденных самой языковой тканью художественного произведения.

Одной из интересных работ по исследованию интертекстуальности как лингвистической проблемы стала монография Н.А. Кузьминой «Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка» (переработана и переиздана в 2004 году). Здесь автор говорит об интертексте как об объективно существующей информационной реальности, являющейся продуктом собственной деятельности человека. Выделено три основные субстанции интертекста – Человек, Текст и Время. При этом Человек по отношению к Тексту, по ее мнению, выступает в двух ипостасях – Автор и Читатель, – представляющих собой «единораздельную сущность». Это значит, что автор различными языковыми средствами должен указывать в тексте направление интерпретации. Кроме того, исследовательница считает, что интертекст обладает некоторой энергией, при помощи кото-

рой в нем постоянно протекают процессы перехода от хаоса к порядку. Указанные трактовки интертекстуальности Б. Каспарова и Н.А. Кузьминой также близки нам и могут быть применены при формировании типологии комплексного дискурса Интернет-рекламы. При разработке теории Интернет-рекламы мы опирались на совокупность научных исследований⁶.

Характеристика дискурса Интернет-рекламы предполагает два параметра. Это тип рекламного произведения и соотношение его частей.

Тип рекламного произведения.

Это политекстуальный, полидискурсивный феномен – дискурс, построенный на основе субдискурсов по принципу «*матрешки*». Еще раз скажем, что в этом термине метафорически заключены сведения о свойствах данного феномена, его полидискурсивной трехмерной структуре. Это СМК сложной семиотической природы, выполненное с использованием неодинаковых кодов. Комплексный дискурс рекламы, бытующий в Интернете, основан не только на вхождении частей-произведений одна в другую, а на обязательном одновременном сосуществовании разных произведений в составе целого, что создает «глубину» дискурса, его меняющийся, нестабильный многомерный характер. Свойства «матрешки» обуславливают обязательную возможность выявления рекламных или других субдискурсов, формирующих целое, по требованию адресата рекламы, одновременно или в разные временные промежутки. Такой своеобразный характер объекта коррелирует с принципом **коммуникативной модифицируемости**, который мы отмечали при характеристике газетного номера как составного комплексного многомерного явления зыбкой структуры⁷.

Можно отметить, что никак нельзя точно и определенно указать, из каких субдискурсов состоит та или иная реклама, сколько этих субдискурсов, при этом активная роль в построении Интернет-рекламы отводится адресату – пользователю Интернета –, по собственной воле «вызывающего», «кликающего» тот или иной рекламный субдискурс.

Дискурс Интернет-рекламы, как и комплексное составное произведение газетного издания, отличаются коммуникативной зависимостью от восприятия адресата, который может обращаться к тем или иным произведениям – текстам – дискурсам, держать в поле зрения те или иные части целостного объекта. В зависимости от интересов адресата, его целей в поле зрения воспринимающего попадают определенные произведения (в газете прочитывается набор публикаций, в Интернет-рекламе актуализируются определенные файлы). Можно отметить, что никак нельзя точно и определенно указать, из каких субдискурсов состоит та или

Речевое воздействие и языки для специальных целей

иная реклама, сколько этих дискурсов, при этом активная роль в построении Интернет-рекламы отводится адресату – пользователю Интернета, по собственной воле «вызывающего», «кликающего» тот или иной рекламный субдискурс. Это явление прямо «перекликается» в положении об активной роли адресата в рекламной коммуникации, в создании и интерпретации интекста. Такая активная позиция адресата в коммуникативном процессе восприятия интекста рекламного дискурса является одной из его существенных характеристик и обеспечивает обратную связь с адресатом.

Вводящий субдискурс, имеющий типичную смысловую структуру рекламы⁸, привлекает адресата-пользователя, заявляет о наличии рекламной коммуникации и формирует самого адресата как участника этой коммуникации «Я пользователь Интернета, я получаю рекламную информацию». Адресат в этой коммуникативной сфере пользуется правилами рекламного Интернет-дискурса, выявляет субдискурсы, части целого рекламного произведения.

Соотношения частей интертекстуальной структуры.

Это связь на основе общности названия предмета рекламы как обязательного элемента смысловой структуры рекламного произведения. Субдискурсы, составляющие дискурс Интернет-рекламы, имеют разный характер. Обязателен **вводящий субдискурс**, затем **сопутствующие дискурсы**, которые, будучи содержательно **сходными** с вводящим, могут уточнять его смысл, развивать его, обогащать новыми признаками и средствами привлечения внимания адресата. Вместе с тем, в комплексном составном дискурсе могут существовать и относительно **самостоятельные** произведения (вербальные и невербальные) – **сопутствующие субдискурсы**, предлагающие переход к новому предмете рекламы и формирующие **«дискурсивное дерево»**. Смысловая связь их с другими дискурсами может быть достаточно опосредованной.

Приведем пример Интернет-рекламы «*Банк 24.ru*».

В данной рекламе предметом являются банковские услуги, которые называются в нескольких субдискурсах (вводящем и сопутствующих). Характерная черта предмета рекламы (вводящий субдискурс) во многих рекламных сайтах состоит в том, что этот, главный, компонент смысловой структуры имеет сложный и разветвленный характер, это и позволяет на его основе строить дискурс, имеющий вид рекламного *дерева*: банковские услуги конкретизируются с помощью описательных аргументов как услуги мобильного банка, предназначенные частным или корпоративным клиентам, услуги Интернет-банка.

Вводящий субдискурс передает множество элементов смысловой структуры: адресный блок (*координаты банка в сети и адреса в городах*), метакоммуникативные компоненты (*частным, корпоративным клиентам, риторический вопрос а что ночью?*), воздействующее-призывающие компоненты (*храните все самое ценное в банковском сейфе*), аргументацию (*перечисление множества услуг*). Субдискурс оформлен различными кодами: вербальные и иконические (картинка забавного робота в сейфе), которая подана разными цветами. Мы назвали только малую часть вводящей информации, переданной в данной рекламе Интернет-рекламе. Множество сопутствующих субдискурсов вводятся с помощью внутренних заголовков (*О банке 24.ru; Частным клиентам; Банкам; Инвесторам; Справочная информация; Видеопроект Из первых уст и т.д.*). Комплексный сайт Интернет рекламы составлен из знаков разной стилистической принадлежности: это и нейтральные лексические единицы, формирующие тексты типичных объявлений официально-делового стиля, это и эмоционально окрашенные средства.

При анализе соотношения частей сложных составных дискурсов, построенных на политекстуальных связях, как и теледискурсов, мы предлагаем характеризовать их как связанные *разными типами корреляции* – *параллельной, комплементарной, субститутивной, интерпретативной* – при их композиционном положении вхождения, соположения, чередования⁹. Такие же соотношения могут быть выявлены в дискурсах, образованных парами разнознаковых субдискурсов, например, в Интернет-рекламе, в телепередаче – вербальная составляющая и картинка (ведущий-журналист ведет передачу, его речь сопровождается иконической составляющей – картина места, где разворачивается событие).

Интернет-реклама имеет *своеобразные жанровые признаки*. Это обязательное сочетание, взаимопроникновение разных рекламных жанров двух типов. С одной стороны, это **типичная реклама, рекламный призыв, увещание, воззвание**. Такой субдискурс вводящего типа – вводящий субдискурс – имеет типичную рекламную смысловую структуру, объединяющую инвариантный набор компонентов¹⁰, построенную с использованием различных семиотических кодов. Именно с такой привлекающей рекламой первоначально сталкивается пользователь Интернета, именно она привлекает его и заставляет ознакомиться с материалами сайта. С другой стороны, в глубине рекламного дискурса находится множество **сопутствующих субдискурсов**, содержащих тексты в жанре информационных объявлений или других жанровых разновидностях официально-делового стиля, на-

правленных на адресата. Эти субдискурсы передают адресату различные сведения относительно основного предмета рекламы (способы его получения, его типы, месторасположение и т.д.), в них используются множественные способы сегментации информации, облегчающие чтение разнообразной информации. Семиотический облик этой части Интернет-рекламного дискурса разнообразен: от использования чисто вербальных кодов – до применения всего многообразия параграфемных способов построения письменного произведения.

Разговор о дискурсивных свойствах рекламы, бытующей в Интернете, – это лишь первое приближение к лингвистической оценке этого своеобразного явления – знакомого всем и, как оказалось, еще совсем не знакомого.

¹ Лазарева Э.А. Ресурсы выразительности рекламного дискурса. Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. VIII. Санкт-Петербург, 2006. С. 46–55.

² Лазарева Э.А. Цит. соч. 2006. Лазарева Э.А. Построение дискурса массовых коммуникаций. Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность». Екатеринбург, 23–25 апреля 2006 г. Екатеринбург, 2006. С. 103–107.

³ Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.

⁴ Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.

⁵ Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. Париж, 1996.

⁶ Баженова Е.А. Цит. соч. Пьеге-Гро Н. Цит. соч.; Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб., 1996; Барт Р. От произведения к тексту. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989; Гаспаров Б.Г. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996; Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. №1; Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка. Изд.2. 2004; Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб., 1999.

⁷ Лазарева Э.А. Цит. соч. 1993. Лазарева Э.А. Средства массовой коммуникации сегодня: дискурсивный аспект. Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: международный сборник научных трудов, посвященный юбилею проф. З.И. Комаровой. Екатеринбург, 2007.

⁸ Лазарева Э.А., Булатова Э.В. О косвенном рекламном дискурсе. Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций» (Барнаул, 12 – 16 апреля 2005 г.). Барнаул, 2005. С. 29–32. Лазарева Э.А. Стилистика рекламы. Екатеринбург, 2005.

⁹ Баженова Е.А. Цит. соч.

¹⁰ Лазарева Э.А. Цит. соч. 2005.

Поступила в редакцию 10 ноября 2008 г.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СВЕТЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

А.П. Миньяр-Белоручева, М.Е. Покровская

MEANS OF EXPRESSION OF HISTORICAL TIME FROM THE STANDPOINT OF POLITICAL CORRECTNESS

A.P. Miniar-Beloroutcheva, M.E. Pokrovskaja

Категория исторического времени является одной основополагающих в исторической науке. Историческое время неоднородно. Оно состоит из календарного времени и социально-исторического. Календарное время выражено прецизионными единицами разного типа, социально-историческое времени представлено историческими терминами. Знание хронологии для историка имеет первостепенное значение. Поэтому знакомство с особенностями фиксации календарного времени в англоязычных текстах при обучении английскому языку выдвигается на первый план. Освещение событий исторического прошлого сейчас переосмысливается и преподносится в свете современных тенденций политкорректности. То, как написана дата в тексте, для специалиста может стать индикатором темпоральной и пространственной принадлежности текста.

Ключевые слова: прецизионные единицы, категория исторического времени, темпоральный и пространственный индикатор, параметры, инвариантные лексические единицы.

Category of time is one of the key categories of History as an academic discipline. Historical time is not homogeneous. It consists of calendar time and social and historical time. Calendar time is expressed by various precision units, social and historical time is manifested by historical terms. The knowledge of chronology is of primary importance for historians, that is why every student of history should know the means of expression of historical time. Now the dating of historical events is being reconsidered and presented from the point of view of modern tendencies of Political Correctness. For a historian the way of fixing the date in historical texts can become its temporal and spatial indicators.

Keywords: precision units, category of historical time, temporal and spatial indicators, operation factors, invariant lexical units.

Изменения в общественной жизни влекут изменения в языке, которые носят целенаправленный характер на всем англоязычном пространстве, и тут же тиражируются другими языками. Влияние этих целенаправленных действий мы ощущаем и в русском языке. Изменения такого рода нельзя игнорировать при составлении учебников и учебных пособий. В связи с этим, в процессе обучения английскому языку на первый план выдвигается задача формирования коммуникативной компетентности как способности адекватно воспринимать ин-

формацию по специальности и эффективно общаться в рамках профессии.

В курсе «Язык для специальных целей» у студентов важно развивать не только языковую, речевую, культурную, но и профессиональную компетенцию. Чтобы справиться с этой непростой задачей, преподаватель должен идти в ногу со временем. В современных условиях с развитием информационного общества появляются признаки новой морали, которая ориентирует на общение и сотрудничество между людьми с различными ценностными установками на основе соблюдения уни-

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ostvera@yandex.ru

Покровская Марина Евгеньевна, преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Miniar-Beloroutcheva Alla Petrovna, professor of the Department of Foreign Languages of the History Faculty at Moscow State University. Author of more than 100 scholarly works and manuals. E-mail: ostvera@yandex.ru

Pokrovskaja Marina Evgenjevna, teacher of English of the Department of Foreign Languages of the History Faculty at Moscow State University.

версальных принципов справедливости, толерантности и ненасилия. Развитие принципов культурного плюрализма подразумевает отказ от европоцентризма и пропорциональное включение в учебные программы достижений в искусстве и культуре всех рас, народов, этнических и других меньшинств.

Исследования показали, что соблюдение принципа культурного плюрализма перенесено и в область исторической науки. Освещение событий даже очень далекого прошлого сейчас переосмысливается и преподносится в свете современных тенденций. Знание календаря и хронологии для историка имеет первостепенное значение. Поэтому знакомство с особенностями фиксации календарного времени в англоязычных текстах при обучении английскому языку выдвигается на первый план. Несмотря на то что «... момент времени не может сохраниться, его нельзя удержать в памяти для того, чтобы добавить к другим моментам»¹, категория времени является ключевой в исторической науке. Категории – наиболее общие формы отражения мира, восходят к Аристотелю и являются, согласно философу, основными различиями и противоположностями сущего.

Историки считают, что время неоднородно, и что историческое время не совпадает со временем календарным. Историческое время отражает ритм внутренней структуры локальной истории в зависимости от длительности явления, события, процесса².

Календарное время свидетельствует о датах исторических событий, представленных прецизионными единицами в виде:

а) числительных, выраженных цифрами: 988, 1215, 1453, 1646, 1776;

б) вербализованных числительных: *in the Later Middle Age, in the fourteenth century, in the late (early) seventeenth century, in the mid-nineteenth century, at the turn of the eighteenth century, etc.*;

в) числительных и лексических единиц одновременно: *soon after 1400, as early as 1517, in the period from 1492 to 1648, as late as 1660, etc.*

Следует отметить, что в тех случаях, когда дата обозначает только год и является подлежащим в предложении, её следует писать словами: *Nineteen-forty was the year of the Battle of Britain.*

Календарное время может быть представлено опосредованно. В этом случае историческое время обозначается описательно. Для этого используются:

а) словосочетания, свидетельствующие не о точной дате произошедших событий, а о приблизительном времени их совершения, состоящие из лексических единиц, вербализованных и цифровых числительных, топонимов, антропонимов, этнонимов, артиклей и предлогов. В результате – возникают такие прецизионные единицы, как:

the first centuries after the fall of the Roman Empire
a century before Edward I' reign
in the last 600 years before Caesar

during the Renaissance

the post-war period

the Atomic Age

during the post Cold War period, etc.;

б) словосочетания, переменным, но стержневым компонентом, которых являются антропонимы и этнонимы, а постоянным – такие лексические единицы как:

age (the age of Viking, Victorian age)

day (Caesar's day, Saxon day, Alfred's day)

epoch (Viking epoch, Saxon epoch)

era (the era of Celts, the Viking era, the era of Charlemagne)

times (Caesar's times, Claudian times, Roman times, Anglo-Saxon times, Norman times)

period (Iberian period, Celtic period, Roman period, Romano-British period, Saxon period, Norman period),

years (Richard's years, Edwardian years).

Следовательно, для обозначения исторического времени используются такие синонимы как *age – day – epoch – era – times – period – years*. Один и тот же отрезок исторического времени ученые обозначают по-разному, называя его *Caesar's day* и *Caesar's times*; *Norman times* и *Norman period*; *Saxon day*, *Saxon epoch*, *Saxon period*. Все синонимически представленные исторические периоды узнаваемы, поскольку стержневые лексические единицы *Caesar's*, *Norman*, *Saxon* – константны. Сохраняя определяющую лексическую единицу неизменной, историк варьирует определяемые. Несмотря на то, что этноним *Saxon* сочетается с разными лексическими единицами, такими как *day*, *epoch*, *period*, очевидно, что речь идет об одном и том же отрезке исторического времени. Но если в темпоральном сочетании *the Norman period* происходит замена этнонима *Norman* на этноним *Saxon*, то создается картина разных исторических эпох.

Для того чтобы изложить события, происшедшие в разные отрезки исторического времени в одном и том же географическом пространстве (на Британских островах), в темпоральных словосочетаниях историки инвариантно сохраняют такие лексические единицы как *age*, *epoch*, *period*, *times*, превращая в вариант другую их часть. Так, при сочетании лексической единицы *period* с лексическими единицами *Celtic*, *Roman*, *Saxon*, *Anglo-Saxon*, *Tudor*, *Stuart* создаются темпоральные словосочетания, каждое из которых соотносится с определенным хронологически установленным историческим периодом.

В процессе исследования было установлено, что если определяющая лексическая единица – постоянна, то легко установить, какая конкретная эпоха имеется в виду. Однако имеются случаи, когда один и тот же исторический период исследователи называют по-разному. Это, преимущественно, относится к прецизионным единицам, в состав которых входят антропонимы, поскольку исторические эпохи историки часто называют по

Речевое воздействие и языки для специальных целей

имени выдающихся личностей, которые, по их мнению, в них доминировали и определили ход последующего развития человечества. Это приводит к тому, что одна и та же эпоха носит разные названия. Например, эпоху Великих географических открытий – *the Age of Discovery = Exploration Age* – историки называют *Columbian era* и *Vasco da Gama epoch*. Эти прецизионные синонимы свидетельствуют о разных точках зрения историков. Так, для Х. Маккиндера открытие Х. Колумбом нового континента является наиболее знаменательным, и он, соответственно, называет данный период исторического времени *Columbian era – эра Колумба*³. Для К. Паниккара подвиг Васко да Гамы, обогнувшего Африку и таким образом обнаружившего новый путь в Индию, более значим, и поэтому он называет тот же исторический период *Vasco da Gama epoch – эпоха Васко да Гамы*⁴.

Календарное время – это количественная, внешняя мера движения истории. Важнейшим па-

раметром исторического времени является социально-историческое время, которое характеризует качественную сторону этого движения⁵. Социально-историческое время воплощено в исторических терминах. Они отражают процесс социального, политического, экономического и культурного развития человечества. Социально-историческое опредмечивание времени происходит в пределах четко обозначенных хроноструктур⁶. Календарное время наделяется содержанием, присущим только данному конкретному хронотипу. Каждой временной ступени свойствен определенный материальный результат, определенная сумма производственных систем, исторически создавшиеся духовные и социальные отношения.

Выделение двух видов времени является чрезвычайно важным, поскольку каждый из них представлен разными лексическими единицами (см. таблицу).

Способы вербального выражения календарного и социально-исторического времени

Календарное время представлено прецизионными единицами	Социально-историческое время представлено историческими терминами
the Ice Age, Palaeolithic, Neolithic, Stone Age, Bronze Age, Iron Age, from about 700 BC onwards	ice cap, Neolithic people, pre-Celtic peoples, Bronze Age people, Celtic tribes, tribesmen, Celtic invasion/culture/society, Druids, temples, herding, weaving
55 BC, Caesar's day, Caesar's time, Claudian times, Roman period, Romano-British period	Roman invasion/veterans/legions, <i>cohort</i> , Gaelic cavalry, warrior aristocracy, Celtic charioteers, Roman rule, Caesar's advance, civitates, client-state, annual tribute to Rome
the Dark Ages, the first centuries after the fall of the Roman Empire, the 5th – 9th centuries	Anglo-Saxon invasion, family groups, waste land, open pastures, monasteries, monastic orders, Vikings, Danish colonisation, Norsemen, burhs, doom, hundred-reeve
the Early Middle Ages, the 9th – 11th centuries	two-field system, kraal, coerl, earl, virgate, bovate, fyrd, levy, host, Witan, thegn, wergeld
the Middle Ages, the period between the 1066 and 1290, the thirteenth century	Norman barons, English housecarls, shire-reeve, bailiff, compurgation, geld, seniors, vassals, Chivalry, page, squire, knight, crusaders, tournaments, domain, corvee, relief, week-work, boon-work, baronial fiefs, feudal aid, burgesses
the Later Middle Ages, 1290–1485, the fourteenth century, the fifteenth century, the Renaissance	commutation, production of manufactured goods, feudal nobility, universities, demesne, wage labour, heresy, clothier, Mercantilism, accumulation of capital
the Tudor Age, 1485–1603, the Age of Discovery, the sixteenth century	Tudor absolutism, greater barons, lesser landlords, Reformation, Protestants, Merchant Adventurers, enclosure, grievances, monopolies
the Stuarts, 1603–1688, the seventeenth century	Presbyterians, Model Army, cannons, Puritans, Roundheads, 'the Grandees', Commonwealth, white indentured labour
the eighteenth century, the Age of Enlightenment	steam engine, capitalism, Industrial Revolution, wage-earners, manufacture of textile
the nineteenth century, the Liberal Age, the Victorian Age	capitalism, Victorian Radicalism, the Great Famine, resistance to industrialisation, workhouses, big business, 'Scramble for Africa'
the twentieth century, the Edwardian Years, the First World War, the Second World War, the post-war period, the Atomic Age	<i>laissez-faire</i> , kitchen cabinet, anti-war radicalism, 'coupon' election, 'khaki election', social conventions, anti-Fascist cause, 'phoney' war, air-raid precautions, the fall of the British Empire, apartheid, A/H-bomb, Cruise missiles

Данные таблицы свидетельствуют о том, что календарное время выражается прецизионными единицами, а социально-историческое время находит свое отражение в исторических терминах. Каждому необратимому календарному времени соответствует такое же необратимое соци-

ально-историческое время, а каждому периоду календарного времени, выраженному прецизионными единицами, соответствует определенное социально-историческое время, выраженное специфическими только для данного периода историческими терминами. Таким образом, основной

характеристикой исторических терминов является их темпоральная уникальность и необратимость. На границе разных исторических эпох еще можно использовать термины предшествующей эпохи, которые исчезают в новой, поскольку каждый новый исторический виток с его социально-политическими, культурными и бытовыми изменениями выражается в новых понятиях и терминах. Поскольку «время понимается как среда, в которой происходят события»⁷, то каждое календарное время может быть представлено событиями, в сумме составляющими историческое время.

Согласно закону основания во времени⁸, история характеризуется непрерывной связностью. В своих научных исторических произведениях историк не ограничивается хронологическим изложением событий. Аналогичные исторические события, происходившие в разные века, историки проецируют в одно конкретное пространство, для того чтобы те воспринимались как тип, а не как цепь случайных эпизодов. Для создания исторического пространства историк излагает события, разделенные столетиями или тысячелетиями, как произошедшие одновременно.

Категория пространства, так же как и категория времени, – основная категория исторической науки. В одном и том же месте (пространстве), сменяя друг друга, происходят разные события в разное время. Чередой проходят по территории Британии иберийцы, кельты, римляне, англосаксы, викинги, нормандские завоеватели. Пространство и время едины. Реальность исторического пространства передается историческими топонимами, антропонимами, этнонимами и историческими терминами. «В одном только пространстве мир был бы косным и неподвижным, без после, без изменений, без действия, а без признака действия нет ведь и представления о материи», – писал А. Шопенгауэр⁹. Причинность объединяет пространство и время¹⁰.

В пределах социально-исторического времени существует историческая реальность, которая предполагает не только последовательное течение событий во времени, но и пространственные связи одного временного периода. Календарное время непрерывно, равномерно, кумулятивно и абсолютно. Оно выражено прецизионными единицами. Социально-историческому времени свойственна прерывность, оно относительно, течет аритмично и представлено историческими терминами.

В настоящее время средства выражения календарного времени в исторических текстах имеют свои особенности. То, как написана дата в тексте, для специалиста может стать индикатором темпоральной и пространственной (с учетом диатопического варьирования) принадлежности текста. В британском варианте английского языка

ка дата *November 5, 1998* передается следующим образом:

5.11.98

В данном обозначении сначала идут день, затем месяц и год, которые отделяются точками.

В американском варианте порядок меняется. Месяц предшествует дню, а затем фиксируется год, все цифры отделяются косыми чертами:

11/5/98

Подобные различия в написании дат вызывают недоразумения не только у иностранцев, изучающих английский язык, но и у британцев и американцев во время межкультурной коммуникации. Но на этом трудности не заканчиваются, поскольку существует система датировки, принятая Международной организацией по стандартизации (the ISO International Organization for Standardization), в которой на первом месте стоит год, за ним следует месяц и день, отделяемые друг от друга дефисами: *1998-11-05*.

Такой способ написания встречается преимущественно в материалах, изданных на английском языке в Японии, но стремительно заимствуется и используется в технической и финансовой литературе.

Сохраняется также европейская традиция использовать строчные римские цифры при обозначении месяца:

5. xi. 98

В европейских средневековых и раннего Нового времени текстах встречаются *viiber* или просто *vii* для обозначения сентября.

Если в англоязычном тексте встречается упоминание других календарей, то принят порядок записи, при котором сначала дается дата, месяц и год без всякой пунктуации:

25 Tishri AM 5757, 13 Jwnada I AH 1417

В египетских календарях периода Птолемея и римского завоевания условно принято ставить сначала название месяца, а затем год:

Phaophi 7, Thoth 25

Для обозначения эры до недавнего времени в английском языке использовались только символы *AD* и *BC*. Введение этих символов необходимо в случаях, когда используются пограничные даты:

This was true from 55 bc to AD 15.

В остальных случаях это не является обязательным, так как контекст и порядок написания временного промежутка оказываются достаточными для правильного понимания.

507-326

326-507

В западной традиции летоисчисление традиционно ведется от рождества Христова, и эра называется *the Christian era*. Но это не единственная форма летоисчисления, принятая в современном мире, даже для христиан.

The Ethiopians reckon the Year of Grace from 29 August AD 8.

Речевое воздействие и языки для специальных целей

В исторических и религиозных текстах встречаются следующие аббревиатуры:

- AS (anno Seleuci),
- a.Abr. (the year of Abraham)
- AUC (anno Urbis conditae)
- АН (anno Hegirae)
- AM (anno mundi)

1) *The Seleucid era (AS (anno Seleuci)), is variously reckoned from autumn 312 BC and spring 311 BC, formerly current in much of the Near East and still used by the 'Church of the East' in the twentieth century.*

2) *The year of Abraham (a.Abr.) is reckoned from 2166 BC and used in chronicles by Eusebius and Jerome.*

3) *AUC (anno Urbis conditae), 'in the year of the foundation of the City', is the supposed Roman era from 753 BC, that was rarely used by the Romans (who had several different dates for the foundation of Rome, and designated the year by the names of the consuls).*

Аббревиатура BC встречается в текстах историков XIX–XX веков, посвященных истории Рима.

4) AM (anno mundi), 'in the year of the world',

a) *The Jewish era is reckoned from 7 October 3761 BC;*

b) *It may also designate other Creation eras, particularly the Byzantine era (retained in Russia till 1699), reckoned from 1 September 5509 BC.*

5) *The Muslim era (AH) is reckoned from 16 July 622.*

Всё упомянутое, хотя и чрезвычайно важно для историка, является устоявшимся в английской языковой традиции при описании различных исторических периодов. На наш взгляд большой интерес вызывает новая тенденция в области фиксации хронологических явлений в современных англоязычных поликультурных сообществах. Появляется все больше изданий, как правило, академических, где происходит замена старых обозначений на новые, менее европоцентричные, более политкорректные с точки зрения их авторов:

- CE (Common Era) вместо AD
- BCE (Before Common Era) вместо BC
- BP (before present)

Например:

1. *In discussing periods prior to 10,000 years ago it is customary to use BP (before present). AD 1950 is fixed as the conventional 'present'.*

2. *Some authors prefer to describe it as the Common Era, designating CE instead of AD and BCE instead of BC; the choice is theirs.*

3. *Abbreviation for «Before Common Era» (B.C.E.) is a non-religious alternative to the use of B.C. in designating the first period of the Gregorian calendar, the era of prehistory and much of antiquity.*

4. *B.C.E. is the partner of C.E. – a replacement for A.D.: Anno Domini, The Year Of Our Lord – and itself replaces B.C., Before Christ.*

Подобные нововведения вносят определённые трудности понимания и в результате приводят к очень приблизительным датам, особенно при переводе из одной системы в другую:

60,000–40,000 BP соответствует 58,000–38,000 BC

Что касается места аббревиатуры, то правила таковы:

AD и AH стоят перед цифрой, обозначающей год, а BC, BCE, BP и CE следуют за ней.

Augustus achieved sole power in 31 BC and died in AD 14, dates in his reign usually need to be specified.

Составители учебников и учебных пособий по иностранным языкам должны принимать во внимание эти изменения и обращать внимание студентов на то, что хронология в современных изданиях может служить индикатором не только темпоральным и пространственным, но и выявлять политические взгляды и пристрастия авторов.

¹ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Собр. соч.: В 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 89.

² Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., Наука, 1984. С. 57.

³ Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal XXIII. № 4. С. 432–433.

⁴ Panikkar K.M. Asia and Western Dominance. A survey of the Vasco da Gama Epoch of Asian History 1498–1945. New York, 1969. P. 13.

⁵ Гайденок П.П. Категории времени в буржуазной европейской философии истории XIX в. // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 225.

⁶ Барг М.А. Цит. соч. С. 57.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 1. С. 58.

⁹ Там же. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 59.

Поступила в редакцию 16 апреля 2008 г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Харченко, Л.В. Тарануха

PROFESSIONAL COMMUNICATION AND SPEECH IMPACT IN PRESENT-DAY RUSSIA

E.V. Kharchenko, L.V. Taranukha

В статье рассматривается профессиональное и псевдопрофессиональное общение в современной России. Актуальность исследования обусловлена развитием рыночных отношений, появлением большого числа коммуникативных профессий, в которых результат деятельности непосредственно связан с речевыми навыками. Работа содержит подробное обоснование психолингвистического подхода к речевому воздействию в деловой сфере.

Ключевые слова: психолингвистика, речевое воздействие, профессиональное общение.

The article provides an examination of professional and pseudoprofessional communication in present-day Russia. The topicality of the research is determined by the development of exchange relations and the appearance of a number of communicative professions in which the result is directly conditioned by the speech skills. The article contains a detailed account of the grounds of the psycholinguistic approach to speech impact in the business sphere.

Keywords: psycholinguistic, speech impact, professional communication.

Под профессиональным общением мы понимаем взаимодействие носителей разных корпоративных культур с целью оптимизации совместной трудовой деятельности. Важным для профессионального общения является то, что хотя бы один из коммуникантов является носителем определенной корпоративной (профессиональной) культуры, что отражается в его языковом сознании.¹ В современной России все чаще профессиональное общение подменяется псевдопрофессиональным, которое отличается тем, что в роли специалиста выступает коммуникант, не получивший образования в данной области, не обладающий системой специальных знаний, т.е. не являющийся носителем особой корпоративной (профессиональной) культуры. Примером псевдопрофессионального общения может быть область сетевого маркетинга, так как в данном случае распространителем медицинских препаратов, пищевых добавок, приборов для

лечения является человек, как правило, не имеющий медицинского образования. Второй отличительной чертой является то, что главная функция профессионального общения – информировать, а псевдопрофессионального – воздействовать.

Приведем в качестве примера псевдопрофессионального общения презентацию¹ прибора Биоптрон фирмы Цептер. Наряду с эмоциональными высказываниями и утверждениями, опирающимися на устойчивое мнение: «Скажите, пожалуйста, возможна ли жизнь без света? Без сомнения, ответ нам всем известен: **НЕТ! СВЕТ – ЭТО ИСТОЧНИК ЖИЗНИ**, это источник энергии для всего живого на Земле. Вспомните, пожалуйста, что происходит с растением в темном углу, и, наверное, не случайно темная камера – наиболее суровая мера наказания? Свет приносит жизнь, он необходим нам так же, как воздух и вода. Кроме того, свет влияет на здоровье человека, а ведь только здоровый человек может быть краси-

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. E-mail: ev-kharchenko@susu.ac.ru

Тарануха Лариса Вячеславовна, соискатель кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., Е.В. Харченко.

Elena V. Kharchenko, PhD, professor, head of the department of Standard of speech and professional communication, SUSU. E-mail: ev-kharchenko@susu.ac.ru

Larisa V. Taranukha, .lecture at the Department of Standard of speech and professional communication, SUSU Scientific adviser – PhD, professor E.V. Kharchenko.

Речевое воздействие и языки для специальных целей

вым», – мы встречаем наукообразный текст, понять который и определить истинность может только человек, получивший фундаментальное образование в области физики.

«Свет БИОПТРОН по своей природе очень близок естественному свету, и тогда возникает вопрос: в чем же его уникальность? Во-первых, свет БИОПТРОН – это поляризованный свет. В отличие от естественного света его волны распространяются строго в параллельных плоскостях, этот эффект возникает при отражении света в специальном патентованном зеркале Брюстера. Степень поляризации света составляет более 95%.

Вторая уникальная характеристика света БИОПТРОН в том, что это полихроматический свет, его спектр содержит не одну единственную длину волны, а широкий диапазон волн. На данном слайде вы можете увидеть, какая длина волны света является полезной, а какая – опасной для человека. Свет БИОПТРОН содержит только полезные виды волн: видимое и частично инфракрасное излучение – от 480 до 3400 нм. Очень важно, что свет БИОПТРОН не содержит УФ-лучей.

Третья уникальная характеристика света БИОПТРОН – его некогерентность. Свет лазера – когерентный, его лучи – это волны одной длины, они совпадают по фазе и, поэтому, обладают очень высокой энергией. Свет БИОПТРОН некогерентный, т.е. каждая волна света имеет свою длину волны и амплитуду колебаний, не совпадающие по фазе. Благодаря этому энергия света БИОПТРОН невелика, но постоянна».

Особый интерес к псевдопрофессиональному общению связан с тем, что оно утрирует черты профессиональной коммуникации, так как при любой имитации отличительные признаки усиливаются. Мы считаем, что псевдопрофессионал также использует речевые стратегии, свойственные профессионалам, однако для усиления эффекта он вынужден включать большее количество способов воздействия.

Гипотезы исследования: 1) речевое воздействие в профессиональном общении в первую очередь связано с языковым сознанием;

2) профессиональное общение является межкультурной коммуникацией, поскольку профессионалы и непрофессионалы относятся к разным корпоративным культурам;

3) речевые стратегии воздействия можно разделить на общечеловеческие, национально-культурные, корпоративные (типичные для определенной сферы деятельности и/или организации), индивидуальные (свойственные отдельной личности);

4) псевдопрофессиональное общение не только копирует речевые стратегии воздействия, свойственные профессионалам, но и утрирует, усиливает их.

Материалом исследования являются записи устной речи профессионалов и представителей сетевого маркетинга, данные экспериментов и опросов, радиореклама лекарственных препаратов и под., каталоги, рекламные письма, материалы для распространителей, специальные книги и журналы.

В настоящее время речевое воздействие активно изучается в области политического дискурса (Е.Г. Борисова, В.В. Демьянков, М.Р. Желтухина, П.Серио, Е.И. Шейгал и др.), рекламных технологий и паблик рилейшенз. Психолингвистический подход к теории и практике речевого воздействия отражен в работах А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова и др.²

Профессиональное общение рассматривается в рамках филологии, социологии, психологии. Изменение социально-экономических условий, расширение межкультурных контактов, в том числе и в профессиональных областях, выявило социальный заказ на изучение различных аспектов профессиональной речи, и сегодня можно выделить несколько активно развивающихся направлений.

Профессиональная речь изучается:

1) при обучении профессионально-ориентированному общению на иностранном языке, для эффективных межкультурных коммуникаций между деловыми партнерами (Т.Н. Астафурова, Л.В. Макар, И.В. Михалкина, М.Г. Ударцева, И.И. Халеева и др.);

2) в рамках деонтологии как науки об этических проблемах профессии (А.А. Грандо, В.П. Котельников, Н.А. Магазаник, И.Я. Макшанов, В.Ф. Матвеев, И.С. Сук и др.);

3) как языки для специальных целей, в аспекте развития профессиональных жаргонов, профессиональных диалектов. Это направление имеет богатую историю и тесно смыкается с терминоведением (В.В. Виноградов, Ф.П. Филин, О.Н. Трубачев, А.И. Моисеев, В.А. Татаринев, В.М. Лейчик и многие другие);

4) как межличностное общение в профессиональной сфере, которое делится на взаимодействие специалиста и неспециалиста (покупателя, клиента, пациента и под.), а также специалистов одной области в разных организациях и разных областей в одной организации (С.Б. Аракелян, А.А. Леонтьев, Э.Э. Линчевский, Ю.П. Тимофеев, Л.А. Шкатова и др.).

Интерес к профессиональному общению как межличностному взаимодействию активизировался в последние десять – пятнадцать лет, можно сказать, что до этого времени были лишь отдельные попытки изучения этого явления (см. Э.Э. Линчевский).

«Профессиональный», с нашей точки зрения, имеет не только отмеченное в словарях значение «относящийся к какой-нибудь профессии, связанный с профессией», но и другое: «высокого уровня, качественный, свойственный специалисту

своего дела» (ср.: «профессионал – человек, избравший какое-либо занятие своей профессией; хороший специалист»). Итак, «профессиональное общение» в данном случае означает не только относящееся к трудовой деятельности человека, но и характеризующееся высоким уровнем качества. Все чаще ученые говорят об особой группе коммуникативных профессий (Л.А. Петровская, Е.Ф. Тарасов, Ю.П. Тимофеев, Л.А. Шкатова).

Необходимость изучения профессионального общения обусловлена тем, что оно начинает рассматриваться как важный критерий уровня профессионализма специалистов сферы «человек – человек». Это обусловлено изменением социально-экономических условий, возросшей конкуренцией на рынке, вызвавшей стремление повышать качество обслуживания. В наши дни происходит переход от «немного» обслуживания к «озвученному»: этого требует и обилие товаров, назначение которых не всегда известно покупателям, появление всё новых услуг, предложений, не получивших еще распространения, восприятие клиентоориентированного поведения как нормы общения сотрудников контактной зоны.

При разработке данной проблемы мы выбираем психолингвистический подход, так как в нем общение рассматривается как речевая деятельность, как процесс, направленный на оптимизацию совместной деятельности (в нашем случае – трудовой). В данной статье мы остановимся на речевом воздействии в области профессионального взаимодействия.

В одной из статей Е.Ф. Тарасов отметил: «Сам факт, что при помощи речи можно управлять поведением человека, является трюизмом и не требует ни развернутого доказательства, ни даже демонстрации примеров»³. Р.М. Блакар также отстаивал точку зрения, что язык в любом случае является средством воздействия, поскольку сам «выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, воздействует на понимание получателя... Очевидно, что возможность структурировать и обуславливать опыт другого лица вне зависимости от того, осуществляется это посредством языка или как-то иначе, есть фактически осуществление (социальной) власти над этими лицами»⁴.

Речевое воздействие в профессиональной сфере имеет особое значение по многим причинам, главной из них является то, что цель общения – воздействие одного человека на другого. Таким образом, сама коммуникация, передача сообщения и способы такой передачи, т.е. языковые и речевые характеристики текста, детерминированы задачами общения, – а задачи общения определены целями совместной деятельности, которая организуется в общении⁵.

Авторы монографии «Общение и оптимизация совместной деятельности»⁶ пишут о том, что развитое общение всегда включает в себя две тесно связанные грани – общение, основанное на субъект-объектной схеме, при котором партнерам, по существу, отводятся роли манипулятора и манипулируемого объекта (это общение по типу приказов, указаний, предписаний различного рода и т.п.), и общение, основанное на субъект-субъектной схеме. Последнее характеризуется равенством психологических позиций участников (оба субъекты), активностью сторон, при которой каждая не только испытывает воздействие, но и сама в равной степени воздействует на другую, взаимным проникновением партнеров в мир чувств и переживаний, а также взаимной гуманистической установкой партнеров, стремлением к соучастию, сопереживанию, принятию друг друга. Психологическое воздействие, развертывающееся как субъект-объектное, приводит к результату в виде репродуктивных образований. Напротив, эффекты продуктивные, творческие по всей природе, совершенно справедливо связываются с психологическим воздействием, реализующим субъект-субъектную форму общения. По мнению авторов данной монографии, в качестве ведущих должны выступать субъект-субъектные формы воздействия, поскольку именно они соответствуют ведущим сторонам общения и соответствующей компетентности, а в своей более глубокой основе – общей личностной ориентации.

В.Ф. Петренко говорит о полисемантности термина «речевое воздействие», поскольку за определением «речевое» может стоять устная и письменная речь и даже внутренняя речь, связанная с аутокоммуникацией. Под эффектом речевого воздействия он подразумевает непосредственное изменение поведения субъекта (реципиента) воздействия или его эмоционального состояния, или его знаний о мире, или его отношения к тем или иным событиям и реалиям этого мира, т.е. изменение его личностного смысла. Речевое воздействие может быть монологичным как форма воздействия на другого человека или других людей и диалогичным как форма побуждения к общению значимого другого – носителя знаний, ценностей, некоей уникальной картины (образа) мира и в силу этого включать возможность перестройки не только сознания другого человека, но и собственного сознания. В широком смысле слова речевое воздействие связано с изменениями индивидуального сознания или с изменениями имплицитной картины мира, или образа мира субъекта⁷.

Е.Ф. Тарасов под речевым воздействием понимает регуляцию деятельности одного человека другим при помощи речи. При этом он предлагает выделять речевое воздействие в широком смысле как «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, это речевое общение, описанное с позиции одного

Речевое воздействие и языки для специальных целей

из коммуникантов» и речевое воздействие в узком смысле как «речевое общение в системе средств массовой информации или в агитационном выступлении непосредственно перед аудиторией». Речевое воздействие в узком смысле отличает прежде всего то обстоятельство, что оно обычно используется в структуре координативных, социальных отношений, когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не формальные или неформальные отношения субординации⁸.

В целом все исследователи считают, что речевое воздействие связано с сознанием реципиента. Е.Ф. Тарасов пишет: «Однако центральная проблема речевого воздействия, несмотря на важность проблем организации речевого общения и мотивации предлагаемых объекту речевого воздействия действий, – все-таки проблемы сознания, точнее, языкового сознания, проблемы формирования структур языкового сознания, создания общности этих структур у субъекта и объекта речевого воздействия, что является основной предпосылкой осуществления общения, адекватного задачам субъекта речевого воздействия, и использования структур сознания в речевом общении»⁹.

И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин также говорят о том, что «речевое воздействие предполагает определенную переструктуризацию сознания объекта речевого воздействия, причем эта переструктуризация может быть ориентирована на: 1) количественное расширение суммы знания о некотором предмете (добавление новой информации), 2) качественное изменение универсума знания и универсума верований (установок), 3) и переакцентирование связей между универсумом знаний и универсумом верований (установок) и сферами потребностей и мотивов»¹⁰.

В.Ф. Петренко выделяет три типа коммуникативного воздействия:

1. Изменение отношения субъекта к объекту (изменение коннотативного значения этого объекта) без изменения категориальной структуры сознания субъекта. Как правило, речевое воздействие такого типа характеризуется образностью, метафоричностью.

2. Формирование общего эмоционального настроения, мироощущения реципиента воздействия. Подобный тип речевого воздействия (лирическая поэзия, политическое воззвание, гипнотическое воздействие), вызывая изменение состояния сознания, определяет субъективные пространство и время, в которых выстраивается образ мира, определяет степень возможной активности и самореализации субъекта в рамках этой модели мира и имплицитно задает критерий истинности мироощущения, либо принимая за точку отсчета эмоциональный настрой, экзистенциальное «Я», либо воспринимая мир с позиции родового или коллективного «мы», либо описы-

вая мир с некоторой отстраненной трансцендентальной позиции (природы, этических или эстетических ценностей, науки), выходящей за рамки конкретного исторического бытия. Задавая пристрастность отражения уже в самом базисе образа мира, эмоции определяют возможные формы поведения субъекта, определяют его направленность в принятии решения.

3. Изменение категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий (конструктов), предъявляющихся в классификации, формах упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности. В наиболее яркой форме этот аспект специфичен для научных и, особенно, для методологических текстов¹¹.

А.А. Леонтьев подходил к проблеме речевого воздействия через понятие «поле значений», присущее тому или иному индивиду, под которым имеется в виду структура присвоенного им (индивидом) общественного опыта, т.е. та «сетка», через которую он «видит» мир, та система категорий, с помощью которой он этот мир расчленяет и интерпретирует. Теоретически у всех людей, входящих в данное общество и говорящих на данном языке, поля значений должны совпадать. Практически же здесь имеются расхождения, обусловленные социальными, территориальными, профессиональными и иными факторами и лишь частично являющиеся предметом изучения современной социологии.

Индивид всегда имеет дело с действительностью через посредство смыслового поля: восприятие им предметов и явлений действительности всегда окрашено его отношением к ним. Что же касается поля значений, то оно есть абстракция от смыслового поля: это общие всем членам данной общности характеристики смыслового поля, как бы «выносимые за скобки».

Цель речевого воздействия – определенная организация деятельности человека – объекта воздействия (реципиента). Воздействуя на реципиента, мы стремимся «спровоцировать» его поведение в нужном нам направлении, найти в системе его деятельности «слабые точки», выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них.

Для этой цели А.А. Леонтьев предложил три способа:

1. Ввести в поле значений реципиента новые значения, т.е. сообщить ему такие знания о неизвестных ему элементах действительности, на основе которых он изменит свое поведение или по крайней мере свое отношение к этой действительности.

2. Изменить структуру поля значений реципиента, не вводя в него новых элементов, т.е. сообщить реципиенту новую информацию об уже известных ему вещах, причем такую, которая объективно существенна для понимания этих вещей в их

взаимосвязи, способна изменить представление реципиента об их взаимосвязи и, следовательно, его отношение к этим вещам (фактам, событиям, элементам действительности).

3. Не сообщая никакой объективно новой информации об элементах поля значений, воздействовать «прямо», «непосредственно» на смысловое поле, т.е. изменить способ вхождения элементов поля значений в деятельность реципиента, изменить его отношение к окружающей действительности, не затрагивая его абстрактное знание о ней. Этот случай А.А. Леонтьев назвал воздействием через убеждение, поскольку реципиенту не сообщают ничего, чего бы он уже не знал, но то, что он знает, представляют для него в ином свете. Например, связывают известную ему информацию с новым, иерархически более высоким мотивом или даже «столкнув» мотивы разной «высоты», убеждают реципиента ориентироваться на более высокий мотив. Возможен переход и в план «низкого» бытового мотива.

Если воздействие является со стороны коммуникатора осознанным и целенаправленным, то можно охарактеризовать воздействие первого типа как информирование, второго – как убеждение и третьего – как внушение. Конечно, граней между ними нет.

При этом А.А. Леонтьев подчеркнул необходимость осознанного подхода: «Для того чтобы успешно осуществить речевое воздействие, говорящий должен представлять себе смысловое поле реципиента в момент воздействия и после него, т.е. представлять себе характер и направление тех изменений в смысловом поле реципиента, которых он должен добиться в результате воздействия»¹².

Это особенно важно учитывать в наше время, характеризующееся возрастанием информированности у неспециалистов. Профессионалов лишили исключительного права на закрытую информацию; обилие популярных изданий и передач, рекламных материалов привело к тому, что все понемногу разбираются во всем, появляется название «профессиональный покупатель», «профессиональный больной». Отсутствие системности в познаниях может приводить к преувеличению роли незначительных моментов, которые становятся критериями оценки профессионализма специалиста.

Проблема речевого воздействия во многом связана также с проблемой понимания. К.Ф. Седов пишет, что понимание речи – это не пассивное движение адресата от значения к замыслу и мотиву. Это сложный целостный психологический процесс, в котором большую роль играют предвосхищение (антипация) и установка на понимание (или непонимание). С первых минут общения воспринимающий демонстрирует встречную мыслительную активность, направленную на антиципирующее моделирование

смысла дискурса, иллюкативного содержания речи. Огромное значение здесь имеет весь комплекс предшествующих знаний об авторе речи, о тех отношениях, которые существовали между собеседниками до начала общения, о предмете разговора и т.д. Успех коммуникации зависит не только от языковой компетенции собеседников, но и от социального кругозора, от того, что в обыденном общении мы называем житейским опытом. Незнание фактов действительности, которая стоит за дискурсом, ведет к коммуникативным недоразумениям и неудачам.

Понимание реального дискурса своей целью имеет не дешифровку языковых знаков, и даже не соотнесение языковых знаков с реальностью; оно направлено на постижение интенции говорящего, иллюкативной силы текста. Проще говоря, понимаем мы не речь, а человека, который свою речь обращает к нам¹³. В этой связи очень важными являются проведенные нами исследования по выявлению образа «идеального профессионала», закрепленные в культуре. Знание желательного и нежелательного образа профессионала в конкретной области позволяет сознательно соответствовать лучшему образцу, обращать внимание на значимые для клиента критерии (так, для учителя важными характеристиками являются доброта и компетентность, для врача – профессионализм и милосердие, для продавца – вежливость и честность).

Е.Ф. Тарасов считает, что «эффективное речевое воздействие должно строиться таким образом, чтобы содержать оптимальное число ригидных, заранее прогнозируемых элементов деятельности коммуникатора и аудитории»¹⁴. Отсюда можем сделать вывод о том, что стандартизация внешнего вида, поведения (в том числе и речевого) персонала повышает и степень воздействия за счет совпадения прогноза и реальности.

Таким образом, можно говорить о намеренном и ненамеренном воздействии, прямом и косвенном, эффективном и неэффективном. Наряду с речевым воздействием мы выделяем экстралингвистические параметры, которые помогают или мешают воздействию (соответствие/ несоответствие сложившемуся образу, имеющийся положительный/ отрицательный опыт взаимодействия, предварительная информированность об уровне профессионализма и проч.).

Следует добавить, что речевое воздействие в разных сферах деятельности будет иметь свою специфику: воздействие учителя на ученика, как и начальника на подчиненного будет подкрепляться авторитетом, более высоким положением первых, закрепленными в нашей культуре, влияние продавца, наоборот, затруднено именно из-за сложившегося недоверия к представителям этой профессии, заинтересованности в результате (поэтому излишняя вежливость от представителей сферы

Речевое воздействие и языки для специальных целей

услуг воспринимается как сигнал о необходимости быть настороже).

При общении специалиста и профана в какой-либо области часто непонимание возникает и из-за разного опыта, разной структуризации действительности, разного «поля смыслов». Сложность еще и в том, что неспециалист сам не знает, чего он конкретно не знает. Профессионал же ограничен рамками своего словарного запаса, особенно это касается представителей технических специальностей, затрудняющихся в выборе слов для описания продукта или услуги.

Таким образом, можно сделать вывод, что в профессиональной деятельности специалистов сферы «человек-человек» общение является основным видом деятельности или важной составляющей работы, именно поэтому так важно изучать речевое воздействие в деловой сфере с целью повышения его эффективности и избегания нежелательных результатов.

При речевом воздействии в профессиональной сфере следует учитывать следующие моменты:

1) этнокультурные стереотипы, закрепляющие социально одобренные модели поведения, внешнего вида и т.д., а также наличие определенного опыта взаимодействия со специалистами из этой сферы приводят к прогнозированию образа профессионала и его действий; соответствие нормам способствует большему доверию, а следовательно, облегчает процесс воздействия;

2) межкультурные различия, выражающиеся в разном мировосприятии: как правило, профессиональный мир у специалиста гораздо богаче, чем это может представить себе неспециалист; одним из следствий этого является разница в трактовке социальных знаков, избыток синонимов для обозначения одного явления (или закрепление в языке тонких различий) у профессионалов, и лакуны у обывателей;

3) наличие смыслового поля у индивида, возникшего благодаря структуриации присвоенного им общественного опыта, т.е. той «сетки», через которую он «видит» мир, той системы ка-

тегорий, с помощью которой он этот мир расчленяет и интерпретирует.

¹ Данная презентация в виде ярко иллюстрированной книги раздается всем новым сотрудникам организации.

² Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990.

³ Тарасов Е.Ф. Социальный символизм в речевом поведении // *Общая и прикладная психолингвистика* / Ред. А.А. Леонтьев и А. Н. Шахнарович. М, 1973. С. 36.

⁴ Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 90–91

⁵ Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*. М.: Наука, 1990. С.8.

⁶ Общение и оптимизация совместной деятельности / Ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 77–81.

⁷ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 325.

⁸ Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*. М.: Наука, 1990. С. 3–14.

⁹ Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*. М.: Наука, 1990. С. 14.

¹⁰ Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Два способа оптимизации речевого воздействия в межкультурном общении // *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*. М.: Наука, 1990. С. 53–62. С. 53.

¹¹ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 326–337.

¹² Леонтьев А.А. Общение как объект психологического исследования // *Методологические проблемы социальной психологии*. М., 1975. С. 35–38.

¹³ Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психологические и социолингвистические аспекты / Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 22–23.

¹⁴ Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*. М.: Наука, 1990. С.12.

Поступила в редакцию 24 ноября 2008 г.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРЕКРАЩЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЖИВОТНОГО» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

Л.Г. Бабенко, Н.В. Ширпужева

NATIONAL-CULTURAL COMPONENT OF THE FRAGMENT OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (ON THE EXAMPLE OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP «THE END OF ANIMAL EXISTENCE» IN THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGE)

L.G. Babenko, N.V. Shirpuzheva

Статья посвящена рассмотрению лексико-семантической группы «Прекращение существования животного» как одной из образующих денотативное пространство «Существования животного». Сравнение лексических репрезентаций одного фрагмента действительности в русском и немецком языках позволяет выявить различие и сходство в отражении этого фрагмента действительности на уровне национального сознания, «коллективного разума».

Ключевые слова: национально-культурный компонент, лексико-семантическая группа, лексические репрезентации, денотативное пространство.

The paper deals with lexical-semantic group «The End of Animals Existence» as one of the components forming denotative space «Animal being». The comparison of lexical representations of the given real fragment in Russian and German makes it possible to identify the differentiation and resemblance in its reflection at the national conscience level, «collective mind».

Keywords: national cultural component, lexical-semantic group, lexical representations, denotative space.

Отображение мира действительности в лексикографических источниках носит ярко выраженную национальную специфическую окраску. Различные языковые единицы выражают знания о множестве объектов действительности (вещей, свойств, ситуаций др.), формируя денотативное пространство языка в зависимости от национальных особенностей восприятия и отражения¹. Поэтому сравнение отражения фрагментов языковой действительности в разных языках позволяет выявить различие и сходство в репрезентации

этого фрагмента действительности в глазах не только конкретного индивидуума, но и на уровне «коллективного разума». Опыт «коллективного разума» закреплён в идеографических словарях и тезаурусах, в связи с чем наше исследование опирается на данные толковых и идеографических словарей русского и немецкого языков.

В данной статье мы ставим перед собой задачу проследить отображение в глагольной лексике в русском и немецком языках фрагмента жизненного цикла животного, а именно прекращение существования.

Бабенко Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой русского языка УрГУ им. Горького. E-mail: lgbabenko@yandex.ru

Ширпужева Наталья Владимировна, соискатель кафедры русского языка УрГУ им. Горького. Научный руководитель – д.филол.н., профессор Л.Г. Бабенко. E-mail: schir@mail.ru

Ludmila G. Babenko, PhD, professor of philological science, head of the department of the Russian language of the Ural State University.

Nataliya V. Shirpuzheva, competitor of the Russian language department of the Ural State University. Scientific adviser – PhD, professor Ludmila G. Babenko. E-mail: schir@mail.ru

Методом сплошной выборки из одноязычных немецких толковых словарей под редакцией Г. Варига, толкового словаря издательства «Лангеншайт» и тематического словаря, составленного Ф. Дорнзайфом, был выделен корпус лексики по принадлежности к животному. При выделении корпуса лексики в русском языке мы опирались на Толковый идеографический словарь русских глаголов, под общей ред. Л.Г. Бабенко, Словарь русского языка, под ред. А.П. Евгеньевой; Современный толковый словарь русского языка, под ред. С.А. Кузнецова, Толковый словарь русского языка, под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Выделенный корпус лексики дополнялся из двуязычных словарей, например, из Русско-немецкого словаря глагольной лексики, E.Daum, W.Schenk «Die russischen Verben»; «Wörterbuch der Landwirtschaft» Russisch-Deutsch (Русско-немецкий сельскохозяйственный словарь) под редакцией Ш.И. Синягина, Н.Ф. Пасхина, В.К. Пожарского и других.

Рассмотрение отображения мира действительности в лексикографических источниках на примере лексико-семантической группы (ЛСГ) «Прекращение существования животного» в русском и немецком языках и выявило национальную специфическую окраску данной группы.

Типовая семантика глаголов отражает денотативную ситуацию смерти животного, которая состоит из следующих компонентов:

1) живое существо; 2) приходит в состояние смерти; 3) выходя из состояния жизни; 4) при определенных обстоятельствах; 5) по какой-то причине.

К лексико-семантической группе (ЛСГ) «Прекращение существования животного» в русском языке было отнесено 23 глагола: *умирать, пасть, гибнуть, околевать, издохнуть/сдохнуть, затихнуть, задохнуться, утонуть, захлебнуться, замерзнуть, застынуть, абортировать, выкинуть/скинуть, сорваться, уснуть, подавиться, колоть/заколоть, забить, резать/зарезать*.

Базовыми глаголами и глагольно-именными оборотами для ЛСГ «Прекращение существования животным» в русском языке являются: **умирать, выходить из состояния жизни, утратить способность жить**. Они могут использоваться как для обозначения процесса прекращения жизни любого другого живого существа и тем самым являются универсальными при описании денотативной ситуации смерти живого существа: животного/птицы/рептилии/рыбы.

В немецком языке в данной группе было выявлено 23 глагола: *sterben* (умирать) — *eingehen* (гибнуть) — *verenden* (скончаться/дохнуть) — *krepieren* (околевать) — *verrecken* (издохнуть/КРС) — *abgehen* (умереть, скончаться) — *abstehen* (von Fischen) (уснуть о рыбах) — *verbluten/schweißen* (истечь кровью, умереть от кровопотери) — *ver-*

dursten (умереть от жажды) — *verhungern* (умереть от голода) — *abstürzen* (сорваться) — *erfrieren* (замерзнуть) — *ersticken/ sich verschlucken* (задохнуться/подавиться) — *ertrinken* (утонуть) — *unkommen* (гибнуть при аварии) — *verbrennen* (сгореть) — *sich verschlucken* (захлебнуться) — *abortieren/fehlwerfen* (абортировать/выкинуть), *schlachten* (забивать), *stechen* (колоть).

Из них базовыми являются глаголы: *eingehen, verenden, krepieren, verrecken, abgehen* (*сдохнуть, пасть, околеть*). В немецком языке, как и в русском, все эти глаголы являются синонимами, практически не имеют различительных оттенков значения и применительно к животному также не носят стилистической и эмоциональной окраски. В русском языке с ними соотносится синонимический ряд *пасть – околеть – сдохнуть*, т.к. они имеют ту же формулу без дополнительных уточняющих дифференциальных сем (ДС).

Семантический комплекс (СК) базовых глаголов ЛСГ «Прекращение существования животным» в русском и немецком языках совпадает и может быть представлен следующим образом: КЛС – прекращение существования + ДС1 – живое существо.

Категориально-лексической семьей (КЛС) этих глаголов в русском и немецком языках является сема «прекращения существования», лексическими репрезентантами которой являются глаголы «перестать, прекратить жить» и „*sterben, verenden, krepieren*“. В семантике рассматриваемых рядовых членов ЛСГ «Прекращение существования животного» основная семантическая идея конкретизируется, вследствие этого состав семантического комплекса (СК) расширенно передает основную семантическую идею всей ЛСГ и в свернутом виде отражает ситуацию.

Имеется набор дифференциальных сем, уточняющих категориально-лексическую сему «прекращения бытия», который представляет собой лексико-семантический комплекс (ЛСК) «Прекращение существования животного». Этот семантический комплекс можно представить в виде следующей формулы: КЛС – прекращение существования + ДС1 – живое существо + ДС2 – причина + ДС3 – способ смерти + ДС4 – среда + ДС5 – продолжительность процесса + ДС6 – объект, умирающий в процессе родов, ДС7 – исполнитель действия, ДС8 – способ осуществления действия.

Минимальный набор ДС имеют специальные глаголы, которые описывают факт смерти конкретного вида или класса живых существ. В русском языке глагол *уснуть* референциально закреплен с актантом «рыбы». Это явление совпадает со специальными глаголами в немецком языке: *abstehen* (von Fischen) (уснуть (о рыбах)), *verrecken* (издохнуть/о крупнорогатом скоте). Русское глагольное выражение «скот пал» может

быть переведено на немецкий единственным образом с использованием глагола «*verrecken*» (падеж именно крупного рогатого скота). При этом следует указать на то, что в русском языке под словом «скот» понимается тоже собирательное имя для крупного рогатого скота, исключая другие виды и породы животных. Это делает данные глаголы специальными, т.е. глаголами узкого, закрепленного употребления. По лексической наполняемости глаголы в обоих языках совпадают, и их можно отнести к ядерной части СК.

В семной структуре глаголов данной ЛСГ регулярно встречается сема ДС2 «причинной обусловленности» прекращения жизненного существования. Она позволяет выделить 2 подгруппы глаголов, в зависимости от того, какая причина вызвала смерть: естественная (возраст/болезнь, неблагоприятные обстоятельства внешней среды) и насильственная (окончание промышленного использования/плановый убой скота). ДС причины включена в лексическую семантику следующих немецких глаголов: *eingehen* (болезнь, чума, др. заболевание); *abgehen, abortieren* (выкидыш); *umkommen* (авария); *verbluten, schweißen* (истечь кровью, умереть от кровопотери/ о диком животном); *verdursten* (от жажды), *verhungern* (от голода), *abstürzen* (сорвавшись с высоты), *erfrieren* (от холода), *ersticken* (от недостатка воздуха), *ertrinken* (от попадания жидкости в легкие), *verbrennen* (при пожаре от огня). Например, глагол *verdursten* (умереть от жажды, в результате отсутствия жидкости для удовлетворения физиологической потребности пить). Ко второй подгруппе отнесены глаголы *schlachten* (забивать) и *stechen* (колоть). Следует отметить, что немецкий глагол не нуждается в дополнении именем существительным: он уже включает в себя значение, которое в русском языке выводится из глагольно-именного выражения. Поэтому существительное опускается чтобы избежать тавтологии или избыточности при составлении высказывания. Так глагол *schweißen* описывает ситуацию смерти именно дикого животного от кровопотери во время охоты на него и не нуждается в дополнительном пояснении или уточнении какое животное погибает. Русские глаголы: *гибнуть – истечь (кровью), убиться, задохнуться, захлебнуться, задохнуться* имеют сему «причинной обусловленности», включенную в сам глагол. Глагольно-именные выражения *умереть от жажды – погибнуть от голода*, представлены в немецком языке эквивалентными глаголами. Живое существо гибнет, умирает от чего-либо или вследствие чего-либо. Лексическими репрезентантами этой семы является предложно-падежная форма «от + чего-либо» или «из-за + чего-либо», помещенная в словарную дефиницию или в скобки (*умереть от жажды, умереть от потери крови и т.д.*). При этом причина может быть только на-

мечена, неопределенна, либо ясно конкретизирована (от болезни, от старости, вследствие эпидемии). Причем формы глаголов совершенного и несовершенного вида в русском языке позволяют говорить или о продолжительности процесса (ДС5) (долго, внезапно), иногда о причине смерти (от болезни) и интенсивности (мучительно) или об окончании процесса (результат – глаголы совершенного вида).

Все эти глаголы являются общеязыковыми, неспецифическими для обозначения смерти животного. Следует отметить, что использование глагола *sterben* (умирать) как в русском, так и в немецком языках при описании ситуации смерти животного является лексически не оправданным.

ДС2 причины и ДС3 способ смерти и ДС4 среда тесно связаны между собой, образуя логическую цепочку или последовательность. Глагол «замерзнуть» в качестве ДС причины указывает на пониженную температуру окружающей среды, и как следствие ДС3 – «замерзание», имеющее место быть в ДС 4 (холодном помещении или на улице).

Из всей группы только глаголы прекращения существования при конкретных обстоятельствах (замерзать, сгореть, задохнуться, утонуть) демонстрируют самый большой набор ДС, состоящий из 4 компонентов: ДС1 – субъект; ДС2 – причина; ДС3 – способ смерти; ДС4 – среда или из 6 компонентов: ДС1 – субъект; ДС2 – причина; ДС3 – способ смерти; ДС4 – среда; ДС7 – исполнитель действия, ДС8 – способ осуществления действия.

ДС6 – объект, умирающий в процессе родов (плод) присутствует у русских глаголов *абортить, выкинуть/скинуть* и у немецких глаголов *abortieren/fehlwerfen*.

Проанализировав глаголы ЛСГ «Физиологическое состояние прекращения существования животного» в немецком и русском языках можно сделать вывод об относительном совпадении восприятия и отражения данного языкового фрагмента в обоих языках. Животное умирает (прекращает свое существование) от старости, по причине болезни или вмешательства иных обстоятельств внешнего мира (окружающей среды) как пожар, наводнение и т.д. или из-за окончания срока промышленного использования особи. Однако проработка типичной ситуации выражается по-разному, при использовании в немецком языке преимущественно глагольной лексики, а в русском языке – глагольно-именных выражений (ср., например, базовые глаголы в двух языках). Наличие специальных глаголов, которые используются при описании смерти только одного конкретного вида животных с детализацией информации о домашнем или диком животном более характерно для немецкого языка. Так в немецком языке глагол *verrecken* используется при описании ситуации смерти исключительно крупного

рогатого скота, **schweißen** при описании смерти дикого животного от кровопотери во время охоты на него, глагол **abstehen** – только для описания смерти рыб. В русском языке такое узко закрепленное использование демонстрирует лишь глагол «уснуть» (о рыбе). Глаголы «сдохнуть» и «околоть» могут быть использованы при описании ситуации смерти как КРС (корова), так и других крупных животных (лошадь - копытные, свинья – парно копытные), домашних животных (собака, кошка). Ситуация смерти в результате окончания срока промышленного использования животного в немецком языке представлена более обобщенно, всего двумя глаголами (**schlachten**/забивать и **stechen**/колоть), причем глагол **stechen** конкретизирует только способ убоя. В русском языке глаголы **колоть/заколоть**, **забить**, **резать/зарезать** дают более проработанное представление о ситуации: **колоть/забивать**

можно любое животное в условиях промышленного или индивидуального содержания с целью получения продукции (колоть барана, свинью; забивать скот), а глагол **резать** используется при описании ситуации убоя домашней птицы (**резать** кур, индюков).

В целом ситуация прекращения существования животного осмысливается «коллективным разумом» и закрепляется в языке достаточно детализировано.

Список сокращений

- СК – семантический комплекс
- ЛСГ – лексико-семантическая группа
- ДС – дифференциальная сема
- КЛС – категориально-лексическая сема

Поступила в редакцию 28 ноября 2008 г.

ПОЛИПОЛЯРНОСТЬ МИРА И ЯЗЫКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

О.А. Вдовина

MULTIPOLAR OF THE WORLD AND OF THE LANGUAGE OF DIPLOMATIC COMMUNICATION

O.A. Vdovina

Статья посвящена актуальной теме – специфике языка дипломатического общения. В статье отмечается, что процессы, происходящие в мировом сообществе, такие как информатизация и глобализация общества, не могут не влиять на содержание, форму и язык дипломатического общения, придавая ему особенности, отличающие его от языков других профессиональных сфер и выделяющие его в отдельный регистр. Автор отмечает, что зеркальным отражением полиполярного мира стала полиполярность языка дипломатического общения. Автор также акцентирует то, что терминология этой профессиональной сферы изобретательна, разнообразна по выполняемым функциям, международна, строга, умна, проста, ясна, консервативна, но также и не лишена экспрессии.

Ключевые слова: дипломатическое общение, полиполярный мир, регистр, терминология, особенности.

The In this article the attempt to combine the results of the linguistic analysis of the texts devoted to diplomatic communication (lexical peculiarities) with the practice of teaching English to the students who major in diplomacy has been made. The author of the article focuses on the developments in diplomatic communication in advanced industrial democracies existing within the framework of the multipolar and multicivilizational world. The main emphasis has been placed on the fact that diplomatic communication incorporates the use of sophisticated knowledge of such attributes of human behaviour as attitude and preference structures, cultural tendencies, and media-use patterns which play an essential role in shaping messages targeted at maximizing their desired impact and minimizing undesired collateral effects.

Keywords: diplomatic communication, multipolar world, register, terminology, peculiarities.

С окончанием холодной войны биполярный мир сменился полиполярным, в котором каждая страна проводит свою внешнюю и внутреннюю политику, и в котором нет противоборствующих центров США и СССР, а также стран третьего мира. Мир впервые во всей истории человечества стал полиполярным. Соперничество двух супердержав сменилось столкновением цивилизаций (clash of civilizations). Как отмечает С. Хантингтон, «In the post-Cold War world, for the first time in history, global politics has become multipolar and multicivilizational»¹. Полиполярность в политике предполагает замену глобальной гегемонии одного государства региональными центрами силы. Отвечая на злободневный для человечества в постбиполярном мире вопрос «Кто мы сегодня?» С. Хантингтон делает вывод, что нацию или цивилизацию определяют не только ее история, прошлое, традиции, ценности, религиозная при-

надлежность, язык, а также политика государства, функции которой уже не ограничиваются только необходимостью отстаивать интересы нации. «People define themselves in terms of ancestry, religion, language, history, values, customs, and institutions. People use politics not just to advance their interests but also to define their identity»². Как видно из вышесказанного, язык и политика тесно переплетаются в одно целое, образуя фактор, определяющий идентичность нации.

Язык – явление общественное и существует в обществе. Согласно А.А. Реформатскому, «язык мог возникнуть только как коллективное достояние, необходимое для взаимопонимания, но не как индивидуальное свойство той или иной вочеловечившейся особи» Те процессы, которые происходят в мировом сообществе, такие как информатизация и глобализация общества, не могут не влиять на язык. Глобальная информати-

Вдовина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры англоязычного языка №5 МГИМО (У) МИД России. E-mail: senator.71@mail.ru

Olga A. Vdovina, PhD, assistant professor of the English Language department 5 at Moscow State Institute of International Relations (University) MGIMO(U). E-mail: senator.71@mail.ru

Когнитивная лингвистика и лингвокультурология

зация общества как целостного, динамично развивающегося социального организма стало закономерным этапом цивилизационного развития. «Информационное общество» или «информационная цивилизация» – это новый этап развития человечества, по мнению японского профессора Юиро Хаяши, который в 1969 году первым использовал этот термин. Применение компьютера, информационный капитал которого неисчерпаем, есть проявление глобального процесса информатизации. Присутствие средств массовой информации не может не влиять на то, как приходится работать дипломатам в условиях переизбытка информации.³ В Нью-Йорке родилась поговорка «CNN стало 16-м членом Совета Безопасности», так как репортажи канала CNN зачастую влияют на скорость принятия решений политиками и дипломатами. Уместно в этой связи упомянуть выражение «фактор CNN». Во времена холодной войны советская политическая элита недооценивала фактор информации, что позволило CNN нарастить свое влияние, как отмечал еще в 1991 году один из американских генералов.

Глобализация подразумевает стремительный рост передвижения капиталов, технологий, товаров, услуг, идей и людей – это все меняет облик мира. Потеря государствами монополии на ведение международных дел – еще одна тенденция, проявившаяся в условиях глобализации. Лоббизм со стороны общественных неправительственных организаций имеет большое влияние на принятие решений. В этой связи необходимо вспомнить «формулу Арриа» (*Arria Formula*), которая позволяет членам Совета Безопасности неформально обсуждать с представителями гражданского общества наиболее серьезные проблемы, приглашать неправительственные организации выступать с речью перед Советом Безопасности. Свое название эта формула получила по имени Диего Арриа, посла Венесуэлы, который уговорил своих коллег отступить от правил и встретиться со священником из Боснии, приехавшим во время кризиса в Югославию в Нью-Йорк в 1992 году для того, чтобы выступить в Совете Безопасности. Сегодня дипломаты выходят из своей «башни из слоновой кости» и взаимодействуют не только с дипломатами, но также с представителями гражданского общества, негосударственных структур, которые также вовлечены в конфликт. В результате публичные выступления дипломатов зачастую становятся все более приближенными к пониманию широкой аудитории.

Перетекание огромных средств из одной части света в другую изменяет характер конфликтов, которые превращаются в клубок неясной конфигурации, который даже невозможно распутать. Сегодня дипломаты привлекают экспертов по экономике, финансам для того, чтобы понять подоплеку этих конфликтов, не ограни-

чиваясь урегулированием их только на политическом уровне. Частью глобализации является американизация мировой жизни, что в свою очередь выдвигает американский вариант английского языка на первый план. Это уже не только использование его в качестве языка лингва-франка, это его повседневное использование при работе в Интернете, просмотре газет и журналов, прослушивании новостей американских каналов.

Возникает вопрос, способствует ли глобализация единообразию или все-таки разнородности? Глобализация международных отношений сейчас требует от дипломатов углубленных знаний не только в гуманитарных науках, а также в таких сферах, как – информатика, масс-медиа, экономика. Соответственно язык дипломатии взаимодействует с другими языковыми регистрами. Речи дипломатов изобилуют терминами, связанными с прогрессом Интернета, спортивной жизнью, событиями из мира кино. Например, оборонная инициатива США получила название «Звездные войны» по названию одноименного фильма, а также фраза из этой же киноэпопеи «Империя контратакует» / «*Empire strikes back*», которая вошла в язык дипломатии. Спортивная терминология проникает в язык дипломатического общения, например, «*hat-trick*» / «хет-трик» («хет-трик партии власти», означающий победу на выборах в третий раз) или «*overtime*» / «овертайм» – время, которое дипломаты добавляют, в случае если к оговоренному времени не удалось достичь решения. Также существует мода на использование определенных выражений, например, «дорожная карта» / «*Road Map*» – это термин из международной практики, который означает, что те, кто имеют отношение к процессу урегулирования, выстраивают некую линию своих шагов, о которых договариваются последовательно. В 90-х годах с подачи Бутроса Бутроса Гали стало модным выражение «повестка дня» / «*agenda*» в сочетаниях – «повестка дня мира», «повестка дня для развития».

Разумеется, без осознания тех изменений, которые происходят в полиполярном мире, нельзя говорить об изменениях, происходящих в языке дипломатического общения, как языка профессии, требующего умения синтезировать знания из полярно противоположных областей знания, и соответственно нельзя говорить о подготовке дипломата новой формации. В виртуальном мире Интернета представлены практически все ведущие внешнеполитические ведомства и международные организации. Электронный документооборот через Интернет, в том числе с электронно-цифровой подписью, уже неотъемлемая часть самого традиционного вида общения – дипломатической переписки. Стало возможным совсем немислимое еще двадцать лет назад, а именно, ознакомление с официальными материалами, брифингами, архивами, имея адрес ведом-

ства в Интернете. Дипломатий становится много: экономическая, информационная, народная, дипломатия противоборства цивилизаций, превентивная, публичная, конструктивная, телевизионная и т.д. Дипломаты будущего – это не узкие профессионалы, умеющие только красиво говорить. Что касается традиционного дипломатического языка, так называемого «новояза» / «New-speak», термина идущего от Джорджа Оруэлла, то представители международных организаций – ООН, ОБСЕ, НАТО до сих пор разговаривают и пишут на нем. Совсем недавно языком дипломатии считался французский язык, который впоследствии был вытеснен английским языком. Сейчас английский язык используется в качестве языка дипломатии, международной торговли и признается основным языком ООН. Еще несколько столетий назад, всего-то во времена Шекспира, английский язык не имел важного социального значения в Европе, был неизвестен остальному миру, на котором говорило всего несколько миллионов человек. Это был язык бедных, избилующий французскими заимствованиями.

Дипломаты нынешнего тысячелетия сталкиваются с необходимостью перерабатывать большой объем информации и, что также важно опираясь на широкий круг фундаментальных знаний, отражающих современные представления об окружающем нас мире. Усложнение общественной организации влечет за собой изменение наших представлений – о самих себе, побудительных мотивах, механизмах, перспективах общественно-политических отношений и конечно языке, без которого немислимы какие-либо отношения. С. Хантингтон отмечает, что «In the post-Cold War world, the most important distinctions among peoples are not ideological, political, or economic. They are cultural»⁴. Мультикультурализм / multiculturalism – политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Мультикультурализм противопоставляется концепции «плавильного котла» / «melting pot», где предполагается слияние всех культур в одну. Мультикультурализм – один из аспектов толерантности заключающийся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. Мультикультурализм ведет к формированию языка политической корректности, который не должен отдавать предпочтение одной из групп, представляющей меньшинство, не должен лишать права суверенитета, а также мешать обществу отстаивать свои интересы, и конечно не способствовать созданию стереотипов. «Multiculturalism leads to politically correct language. Such language must be consistent with multiculturalist principles.

This means that language should: 1) not favour one group over another; 2) not infringe on any group's right to sovereignty; 3) not interfere with the peaceful relationship of any minority group with those from other groups; 4) not hinder society (i.e., the state) in its attempts to protect cultural groups (i.e., social, economic, and ethnic minorities) whose views are declared to be equally valid and who have the «right» to equal opportunity, integrity, and point of view, and 5) not promote stereotypes of any kind»⁵.

Глобализация объективно порождает насилие над обществами в разных частях мира. Сопrotивляясь этому насилию, многие общества стремятся замкнуться в себе, обратившись к корням и истокам, но при этом не хотят отставать от процессов, набирающих обороты в современном мире. «Отстающие» общества меняют структуру, приобретают более сложный характер – становятся похожими на конгломерат, внутри которого сосуществуют, согласно известному политологу современности А.Д. Богатурову, два анклава. В первом «замыкают» современное и постсовременное – это «камера глобализации». Во втором – холят и лелеют традиционное, родное. В анклавах говорят на разных языках. В первом – рабочий язык английский. Во втором – конечно, местные языки, носители которых, впрочем, не упускают возможности выучиться и английскому⁶.

Какое влияние на язык оказывает распространение конгломератных обществ? Способствует ли оно единообразию языка дипломатического общения, или, наоборот, делает его более разнородным? Скорее второе, чем первое. Нельзя не отметить грандиозное отличие в характере существования языка в случае его значительного единообразия и в случае его раздробленности. С одной стороны, язык дипломатии – это тот язык, на котором данное государство говорит с внешним миром, по которому судят о лице государства. Поэтому к стилю языка дипломатического общения предъявляются столь же высокие требования, какие предъявляются к языку литературных произведений. С другой стороны, газетные и журнальные статьи, произведения ораторской речи содержат оценку приводимых в них фактов и стремятся воздействовать на читателя или слушателя, а иногда заставить его согласиться с высказываемой точкой зрения. Все это приводит к сочетанию особенностей научных материалов, а именно большого количества терминов, элементов книжной лексики, сложного синтаксиса и стиля художественной речи, что проявляется в наличии элементов образности и эмоционально-экспрессивной окраски. В так называемом языке дипломатии мы сталкиваемся с проблемой взаимопроникновения и варьирования ряда языковых регистров (an interactive interplay of registers)⁷ и единством основных навыков (понимание устной и письменной речи, говорение, письмо).

Язык дипломатического общения как особый регистр или функциональный стиль представлен рядом вариантов, среди которых *Political English* занимает особое место, соответствующее роли английского языка вообще в мире. Дэвид Кристалл считает, что язык политика представляет собой сочетание фразеологии из таких областей, как «религия», «право» и риторики средств массовой информации, рекламы, что в свою очередь представляет собой сочетание старого и нового. «*The language of politicians, especially when they are speaking in public, is an interesting mixture of old and new: it displays much of the ritual phraseology and consciousness of precedent which we associate with religion or law; and it makes use of many of the rhetorical and dramatic techniques which we associate with advertising or the media*»⁸.

Хотя в настоящее время язык дипломатического общения очень распространенная дисциплина, которая преподается на разных уровнях, само понятие языка дипломатии не имеет строгого определения и научного обоснования. Существуют исследования, которые обосновывают специфику так называемых «профессиональных жаргонов» (*professional jargons*) по линии фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса и т.д.⁹ Историки, математики, географы имеют свой научный и языковой аппарат, но мы не можем утверждать, что они не используют язык дипломатии. Ситуативно-концептуальная неопределенность ведет к тому, что в учебниках для подготовки дипломатов наблюдается смешение жанров и стилей, характерное для других разновидностей языка в меньшей степени.

Понятие язык дипломатического общения употребляется для обозначения двух различных понятий. С одной стороны, язык, на котором ведутся официальные дипломатические сношения и составляются международные договоры. С другой стороны, это совокупность специальных терминов и фраз, составляющих общепринятый дипломатический словарь. О языке, о стиле дипломатических документов говорится в книге Х. Вильднера «Техника дипломатии». «Дипломатический словарь должен отличаться, прежде всего, простотой и ясностью; под этим подразумевается не простота ремесленнического способа выражения, а классическая форма простоты, которая умеет выбирать для каждого предмета единственное подходящее при данных обстоятельствах слово. Вычурный способ выражения, так же как многоречивость, будет иметь своим следствием недостаток простоты. Не всякий хороший стилист, будь он действительно таковым, является в то же время хорошим дипломатическим стилистом. Нет, этого названия заслуживает только дипломат, и именно тот дипломат, который и в письменной области умеет проявить себя как

дееспособный представитель своей профессии»¹⁰.

Понимание природы языка дипломатического общения сопряжено с определенными сложностями, так как язык дипломатии является средством международного общения, как и английский язык вообще. Использование языка дипломатии как средства международного общения накладывает определенные требования на дидактическую организацию материала с точки зрения терминологии, с одной стороны, и с точки зрения культурно-значимых факторов общения с другой. Соприкосновение политических систем стран всего мира требует уточнения терминов, национальных и интернациональных политических понятий. Например, республиканцы и демократы говорят на разных языках, говоря об одном и том же явлении – глобальном потеплении, используя разные термины «*global warming*» и «*climate change*». Демократы предупреждают об опасности глобального потепления, в то время как республиканцы говорят спокойно о явлении, происходящем в природе, называя его просто изменением климата. *In politics, Republicans and Democrats seem to be evolving separate languages or, at least, long lists of different nouns. Democrats warn of «global warming»; Republicans talk calmly about «climate change». Или демократы начинают называть себя прогрессивными, а республиканцы либеральными. Democrats are starting to call themselves «progressives». Republicans just say «liberals».*

Расхождения в терминологических системах, когда происходит нарушение важного терминологического принципа (однозначного соотношения явления и знака), являются препятствием и для переводчиков, и для дипломатов, устанавливающих международные контакты между государствами. В статье Чеботаревой В.В. говорится, что одно и то же событие в зависимости от цели написания статьи может быть названо по-разному, одни и те же действующие лица у разных авторов могут иметь разные названия¹¹. Одним из примеров может стать слово «*terrorist*»/террорист, которое часто заменяется словами «*insurgent*», «*rebel*», «*resistance*», «*activist*», «*militant*», «*fighter*», «*assailant*», «*attacker*», «*national patriot*», «*hostage-taker*». «*Most of us have no problem using the word «terrorists» for people who regularly blow up innocent bystanders for political effect. But the mainstream media still shun «t» word in favor of «insurgents» or «the resistance». The «insurgents» in Iraq aren't really «insurgings». They are blowing up large numbers of random people. But the press keeps talking about activists, rebels, militants, fighters, assailants, attackers, hostage-takers, etc. Some media outlets are willing to refer to «acts of terrorism», as long as they don't have to call the people who perform those acts «terrorists». We have sin, but there are no sinners*»¹². Культурологиче-

ские исследования также акцентируют то, что важно осознавать специфику идиоматики языка дипломатии для успешного ведения политики и, что важно учитывать национальный менталитет и существующие стереотипы. Подразумевается не только этикет, но и специфика национальных форм языкового поведения, вербального и невербального¹³.

Роль языка в политической жизни в целом, а также его властный потенциал рассматривался в отечественной и зарубежной литературе (Ф. Бенетон, К.С. Гаджиев, В.Г. Макаренко, А.С. Панарин, В.М. Сергеев, Л. Штраус, Д. Кристалл). В работах Р. Барта, Ж. Бодрийяра, М. Фуко, П. Бурдье язык описывается как своеобразная властвующая инстанция идеи. Также существует ряд работ, посвященных политической коммуникации – Ю. Хабермас, Д. Ф. Хан, Н. Луман, У. Эко, Р.-Ж. Шварценберг, А.И. Соловьев, М.В. Ильин, в которых язык рассматривается как начало, воплощающее гуманистическую природу такого рода коммуникации и как средство создания смысла в такой сложной области человеческого общения. Исследовательские приемы, методологические принципы области языкознания играют важную роль в системе методов исследования явлений, происходящих на международной арене. Проблематика языка политики, и в нашем случае языка дипломатического общения, вплетается в теоретико-методологический базис исследования политики, и соответственно международных отношений (Н.В. Анохина, Л.Е. Бляхер, В.Я. Гельман, В.И. Герасимов, Т. Ван Дейк, М.В. Ильин, В.Г. Ледяев, М. Макаров, Дж. Б. Мангейм и К.Р. Рич, М. Пешё, А.И. Соловьев, О.А. Толпыгина, М.А. Хрусталев, Р.Х. Цилкота). Нельзя не отметить появление новой субдисциплины – политической лингвистики (А.И. Баранов, Я. Блуммерт, М.Н. Губогло, В.З. Демьянков, М.В. Ильин, Ю.Н. Караулов, Д. Лейтин, П.Б. Паршин, А.А. Романов, А.П. Чудинов). В диссертации Мухарьямовой Л.М. говорится, что проблематика языка демонстрирует свое расширяющееся присутствие в политической науке, внедряясь в ее теоретические, методологические, аналитические, конкретно-научные, прикладные пласты. «Современное политологическое познание в своей существенной части ориентировано на осмысление языковых составляющих своего предметно-тематического пространства. Сюда относятся такие онтологические объекты как язык политики, политическая коммуникация, дискурс, факторы языкового (этноязыкового) многообразия, воздействующие на политическое развитие и последствия языкового регулирования. Лингвистические по своей изначальной природе компоненты стали в наши дни органичными для научной саморефлексии политической науки, для разработки и модернизации теоретического метаязыка»¹⁴.

Манипуляция общественным сознанием при формировании общественного мнения характеризует поведение политика. Использование в речи языка, который заставляет плохое казаться хорошим, а отрицательное делает положительным, так называемого «Doublespeak», можно назвать отличительной чертой любого политика. «Doublespeak is a blanket term for language which pretends to communicate but doesn't, language which makes the bad seem good, the negative appear positive, the unpleasant attractive, or at least tolerable. It is language which avoids, shifts, or denies responsibility. Language which is at variance with its real meaning»¹⁵. Сам термин doublespeak представляет собой соединение двух терминов Джорджа Оруэлла «doublethink» и «newspeak», появившихся в романе «1984» / «Nineteen Eighty-Four». В качестве примера использования этого языка вспомним, что президент Р. Рейган, будучи после операции в бессознательном состоянии, был представлен средствами массовой информации как человек, пребывающий всего лишь в состоянии, не позволяющем принимать решения – «non-decision-making form».

Ещё в 1993 году Н. Хомский отмечал, что для того, чтобы понять политический дискурс, необходимо сопровождать его декодировкой научной терминологии, понятий из средств массовой информации и фразеологии пастыря – «to make sense of political discourse, it's necessary to give a running translation into English, decoding the doublespeak of the media, academic social scientists and the secular priesthood generally». Благодаря усилиям NCTE (National Council of Teachers of English) ещё со времен войны во Вьетнаме, то есть с 1970-х нарастает противостояние использованию языка манипуляций государством и военными. С 1974 года Committee on Public Doublespeak ежегодно проводит награждение за противоречивое, обманчивое, сбивающее с толку высказывание – «grossly unfactual, deceptive, evasive, euphemistic, confusing, or self-contradictory», в особенности то изречение, использование которого оказывает влияние на события, происходящие на политической арене и даже на ход истории. В 2003 году обладателем этой премии стал Джордж Буш младший за высказывания, используемые для обоснования причин вторжения в независимое государство – причин объявления войны. Вильям Лутц, английский профессор Рутгерского университета, крупный специалист по риторике, пытается привлечь внимание общественности к этической стороне этого вопроса и проводит черту между doublespeak и эвфемизмами, которые в свою очередь становятся doublespeak, если они используются для того, чтобы обмануть реципиента. В этом случае В. Лутц взывает к «the morality of rhetoric» – могут ли они быть использованы по этическим соображениям? «In cognitive terms, euphemisms

are used when one wants to name things without calling up a mental picture of them. The aim of using euphemisms is to strike at person's imagination. Euphemisms do not form complete pictures in mind, nor do they completely define an event or object». Конечно, нет однозначного ответа на поставленный вопрос. Использование эвфемизмов, под которым мы подразумеваем троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления¹⁶, нам представляется оправданным в политическом дискурсе, так как, как правило, дипломаты в своих выступлениях стремятся сгладить острые углы при разрешении какой-либо конфликтной ситуации, используя лексикон нивелирующий агрессию. Наиболее распространенные политические эвфемизмы следующие: preemptive strike / surprise attack; casualty / victim; surveillance / spying; correction facility / prison; issue, challenge / problem; law and order / repression; emerging or developing nation / poor nation; inmate, detainee / prisoner; air support / bombing; incident / crisis, disaster; ethnic cleansing / genocide; collateral damage / killing of innocents; liquidation / killing on a mass basis; put down to sleep / kill; confidential source / informer; troop redeployment / retreat; inflicted casualties / killed or wounded; collateral damage / missing the target causing civilian casualties; cruise missile / accurate guided missile; deprived / poor; social exclusion / poverty; ethnic / non-white non-majority; least best / worst.

Синонимом эвфемизма в средствах массовой информации стало слово «spin». Георгий Почепцов в своей книге пишет, что этот термин «англичане выводят из крикета, американцы – из бейсбола, а нам как бывшей ядерной державе ближе ядерная физика, и мы еще в школе учили, что у частицы есть спин, то есть вращение»¹⁷. Согласно журналисту Нью-Йорк Таймс Вильяму Сафайер, «спин» / «spin» – представление объекта в средствах массовой информации, позволяющее занять наиболее выгодную позицию в информационном пространстве / «deliberate shading of news perception». Так как день за днем информация, которую мы получаем, идет сплошным потоком, то в этот поток вплетают «нужные» сообщения. Линда Вертмер, репортер National Public Radio, считает, что это явление и «не ложь» и «не правда». Примером может стать отказ от употребления слова «лгать» и использование слов «misspeak», «misstate», «stretch the truth», «to be economical with the truth» вместо него. Говоря о президенте США можно сказать, что он живет в мире с названием «a fantasy world of spin». Особенно в периоды избирательных кампаний наиболее востребованы, так называемые, «spin doctors» – спонсоры коммуникации, в обязанности которых входит предоставлять аудитории только ту информацию, которая характеризует политического деятеля с положи-

тельной стороны. «Спин-доктор» представляет несущественные характеристики объекта существенными и, наоборот, объявляет существенные, но невыгодные для него характеристики, несущественными. Сообщение, обладающее «спонсором», имеет более благоприятные условия для распространения. К изобретениям spin-doctors можно отнести эвфемизм из рубрики «национальная безопасность» – 9/11, который используется для того, чтобы избежать использования выражения «террористическая атака на США», события, произошедшего 11 сентября 2001 года, и потрясшего Америку количеством невинных жертв, достигшее 3000 человек. Еще один пример «War on Terror» – эвфемизм, использующийся для обозначения войны с Исламом. Использование религиозного термина стало бы оскорбительным для других государств и людей, исповедующих Ислам, что могло, в конечном счете, взорвать весь мир. Этот пример позволяет нам говорить о том, что использование эвфемизмов связано с понятием «политическая корректность», которая в последнее время превратилась в своего рода индустрию. В статье «An All-American Industry» автор задает вопрос «Is America in the throes of neo-PC, anti-PC or post-PC?»¹⁸ На какой стадии своего развития сейчас явление «political correctness-PC»? Пока трудно ответить на этот вопрос. Термины же, использующиеся для соблюдения правил политической корректности, можно классифицировать по следующим аспектам:

- 1) относящиеся к расовой принадлежности (Afro-Americans);
- 2) обозначающие родовую принадлежность (humankind; chairperson);
- 3) относящиеся к возрасту (senior citizens; 80 years young);
- 4) обозначающие сексуальную ориентацию (sexual minority);
- 5) относящиеся к физическим возможностям (handicapped; full-figured).

В сегодняшнем мире тенденция разъединения цивилизаций, религий, культур, проявляющаяся в отторжении политического курса, экономического поведения и ценностей, пропагандируемых Западом, очевидна, что препятствует диалогу цивилизаций и наносит ущерб культуре мира. Вторжение в Ирак было классифицировано одной стороной как «освобождение» / «liberation», «a broad and concerted campaign», которая была проведена в жизнь коалицией «Coalition of the Willing», хотя коалиция состояла всего лишь из двух государств – США и Великобритания, и «оккупацией одного государства другим» / «occupation» другой стороной. Война в Ираке была названа такими понятиями, как «tearing down the apparatus of terror», «confronting dictators», «regime change» для того, чтобы оправдать вторжение в независимое государство. Ре-

зультаты войны также были представлены эвфемистически с помощью словосочетания «remarkable success» (Д. Чейни), оксюмороном «catastrophic success» и метафорой «a seedbed of democracy». Несмотря на исторические выборы в Ираке, состоявшиеся в 2005 году, страна все равно рассматривается, как «hotbed of terrorist threat». Для того чтобы дать правовое оправдание действиям одной из сторон и подчеркнуть, что пленные не имеют права на защиту по Женевской Конвенции, начали использовать эвфемизмы «unlawful combatants», «enemy combatants», говоря в действительности о военнопленных «prisoner's of war», «criminals». Заявляя, что война в Ираке это война нового типа, президент нарушил принципы Женевской Конвенции, не осудив пытки заключенных. В результате чего законными стали такие способы допроса как лишение сна, игра на фобиях заключенного, а также факторе стресса «stress factor». После скандала, разразившегося в тюрьме Абу Грейв, вместо слова пытка «torture» стало использоваться «prison abuse». Слово «abuse» используется для обозначения неадекватного поведения и обращения с людьми, в то время как слово «torture» используется для обозначения насилия, повлекшего увечья, то есть для обозначения преступления. Так называемые благоприятные условия, создававшиеся во время допроса «favorable conditions» – ещё один эвфемизм, использующийся вместо слов «rough techniques», «aggressive techniques», обозначающих агрессивную технику допроса, одобренную правительством для проведения процедур допроса. Эти технологии подразумевали систематическое «размягчение» / «softening up» заключенных при помощи изоляции, угроз, унижения, насилия, оскорбления, избиения – тех процедур, которые Красный Крест классифицировал как «tantamount to torture». В результате проведенной военной операции в Ираке появились эвфемизмы «the military has brought justice to the enemy», «our nation has defended itself», «to serve all Americans», «to reach out to the whole nation», «the restored vigor of the economy». После перевыборов президента победа Дж. Буша была названа «a broad, nationwide victory», переключаясь с «landslide victory» Т. Блэра, хотя победа первого не была также убедительна, как победа последнего, так как перевес голосов составил всего лишь 3 % (51% проголосовал за Дж. Буша и 48% за Дж. Керри). Речь Джона Керри стала образцом выступления, состоявшего почти только из эвфемизмов, слов заимствованных из поэзии и религии. Например, вся избирательная компания была названа словом «gift» – даром самому президенту, нации, демократии Америки. Использование слов «messenger of change», «knocking on doors of American households» / «mundane door-to-door selling of a political candidate – отголосок того периода времени, когда пропо-

ведники странствовали, провозглашая христианскую веру тысячи лет назад. Выражение «Do not lose faith» эхом отражается в строчках евангелия от Матфея «Knock and the door will be opened to you». Также метафоры «healing», «bridging a divide» стало отголоском светской речи проповедника. Чтобы смягчить горечь поражения на президентских выборах и подбодрить своих избирателей Джон Керри заявляет, что нет проигравших на этих выборах (there are no losers in this election), что и подтверждает, что речь Дж. Керри стала примером речи, целью которой было, с одной стороны, смягчить реальность, скрыть правду, но, с другой стороны, сделать это красиво и красноречиво – Doublepeak в действии.

Российская дипломатическая служба напряженно трудится над обеспечением государственных интересов России в условиях непростой международной обстановки. Соответственно, сейчас от российского дипломата требуется должный профессиональный и политический уровень подготовки, умение творчески подойти к поиску развязок сложнейших международных проблем и вопросов двусторонних отношений России с иностранными государствами. В качестве примера, демонстрирующего изобретательность дипломата, вспомним случай, который имел место быть в 80-е годы. В Совет Безопасности ООН, преодолев все охранные кордоны и барьеры полиции, проникли два американца и облили О.А. Трояновского красной краской. Однако О.А. Трояновский невозмутимо воскликнул «Better red than dead», перифразировав выражение «Better dead than red».

Для анализа лексического материала языка дипломатии попытаемся провести его «стратификацию». Начнем с положения Л.В. Щербы о том, что задачей исследователя является не создание классификации слов, а определение того, на какие группы, обусловленные самой языковой системой, эти слова естественно распадаются. Лексикологическое исследование требует выделения по определенному признаку подсистемы в составе данного лексического материала в целом. «Термины (от латинского terminus – «пограничный знак», «граница», «предел») – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей. Это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии. Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Таким образом, терминология – это совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению»¹⁹.

Пронализируем систему дипломатического терминологического языка. Какими бы фонетическими или грамматическими особенностями

он не отличался, термины входят в словарный состав языка и подчиняются его фонетическому и грамматическому строю. Любой функциональный стиль имеет свою систему терминов. Без сомнения дипломатическая терминология отражает ту историческую обстановку, во время которой она функционирует. Жанровое своеобразие в отборе языковых единиц проявляется при составлении дипломатических документов. Исследование источников формирования дипломатической терминологии позволяет назвать такие пути её формирования, как заимствование иноязычных терминов и терминологизация общеупотребительных слов. В этой связи отметим использование французского термина британским министром иностранных дел Джеком Стро для описания характера резолюции, которую, по его мнению, следовало бы принять ООН по Ираку. Речь идет о французском слове «chapeau» – головной убор, шляпа. Понятно, что эта метафорическая шляпа напоминает английский зонтик. «Мы надеемся, – приводит слова Стро «Монд», что ООН будет играть роль своеобразного зонта при распределении гуманитарной помощи в Ираке, что будет способствовать юридическому и политическому возрождению этой страны». «Этот термин, – пишет газета, – весьма удачен, так как, с одной стороны, он на слуху, и понятен для многих, а с другой – достаточно многозначен, что дает возможность его вольной интерпретации». «Язык дипломатии бесконечно изобретателен, и каждый новый кризис еще более обогащает его», – не без иронии заключает французская газета²⁰. Состав дипломатической терминологии представляет собой совокупность лексических средств, употребляемых в специальной области человеческой деятельности. Термины создаются как средства номинации понятий, предметов, явлений или как способы фиксации полученного знания. Дипломатическая терминология носит книжный характер, в то же время все более заметным становится проникновение разговорных элементов. Хотя считается, что в отличие от нетерминологических слов, которые многозначны и экспрессивны, термины отграничены от полисемии (многозначности лексических единиц) и лишены экспрессивности, мы должны отметить, что для терминологической лексики дипломатии характерны полисемия (breakdown – тупик, в который могут стороны зайти при проведении переговоров / информация, разбитая по определенным группам; breakthrough – уничтожение препятствия для продолжения переговоров / прорыв в отношениях / успех), синонимия (invasion; encroachment), омонимия (corps; cause) и антонимия (progress – regress; backloading – frontloading).

Между общеупотребительными словами и терминологией происходит постоянный обмен:

общеупотребительные слова становятся терминами и наоборот. Терминология подразделяется на общетерминологическую – те, которые существуют только как термины, но участвуют в разных терминологиях (briefing, war, accreditation, operation) и специально-терминологическую – те, которые существуют только как термины в пределах одной терминологии (extraterritoriality; plenipotentiary). Также существуют такие термины, которые употребляются и как термины, и как обычные нетерминологические слова (chair, conflict, corridors, floor, brackets). «Во всякой терминологии (предметной области специальной лексики) непременно есть некоторое количество лексических единиц, которые встречаются как в обыденной, так и в профессиональной речи, – «консубстациональные» термины и вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка»²¹.

Значения слов, которые стали терминами в сфере «Дипломатия», специализируются и ограничиваются. Они обрастают своей фразеологией, сочетаясь с окружающими словами. «Ассимиляция в политике может быть «насильственная» и «естественная», «ассимиляцию проводят», а в фонетике ассимиляция бывает «регрессивная» и «прогрессивная», она «соблюдается»²².

А.А. Реформатский дает терминологии такие эпитеты, как строгая и даже умная, то есть опирающаяся на чисто интеллектуальные стороны слова, а также лишенная экспрессии (consultative status). Однако употребление терминов может быть связано и с экспрессией, но такое их употребление не связано с сущностью терминологии, а осуществляется в тех случаях, где терминология использована для иных целей (early harvest). Это относится к стилистическому использованию терминологии, хотя сама по себе терминология находится вне стилистики.

Очень важное качество терминологии дипломатии – это ее международность. В области «Дипломатия» осуществляется множество международных связей. Конечно, вопрос о взаимопонимании разных наций, говорящих на разных языках, является первостепенным. Термин дает предпосылку к пониманию сути дела при чтении книги по данной специальности. Употребление в качестве термина слова общенародного языка имеет две стороны медали. Преимуществом является тот факт, что словарный запас языка сохраняется и не засоряется заимствованиями, а также термин понятен, говорящему на этом языке. Однако это не всегда так, иногда смысл трудно разгадать, исходя из основного значения (brackets (square) – used in documents under negotiation to indicate that the bracketed words or text are not yet agreed by the conference). В этих случаях

достаточный контекст помогает понять их правильно, хотя также не всегда. Во избежание неясностей зачастую терминология «отграничивает» термины от обычных слов фонетически, грамматически, морфологически. «Термин – это такое слово или словосочетание, которое, обладая всеми указанными свойствами или качествами, становится термином только при условии, что люди обязательно устанавливают взаимоднозначное семантическое соответствие между более кратким или компактным обозначением данного объекта и его более развернутым или протяженным определением или дефиницией»²³. Понятие «дефинитивности» является важным для терминологии как науки. Связь между термином и его определением является настолько тесной, что М.М. Глушко утверждает, что сущность, природа научного термина, его онтология состоит в его дефинитивности. Термин становится полноценным членом данной категории слов только при том условии, что его содержание может быть раскрыто адекватно требованиям данной научной дисциплины в его точной дефиниции²⁴. Нельзя в этой связи не отметить отличие подхода лингвистического «от значения к понятию», который противопоставит общеполитическому, идущему «от понятия к значению».

Итак, подводя итог вышесказанному, отметим, что зеркальным отражением полиполярного мира стала полиполярность языка. Прежде всего, мы проследили это в терминологии профессиональной сферы «Дипломатия». Терминология дипломатической сферы общения представлена терминами разных профессиональных сфер, она эклектична, изобретательна, разнообразна по выполняемым функциям, она международна, она строга и умна, опирающаяся на чисто интеллектуальные стороны слова, она проста, ясна, консервативна, но также зачастую не лишена экспрессии, что может быть объединено одним термином – она полиполярна. Язык дипломатического общения сочетает в себе особенности научного стиля изложения (основная функция которого информировать реципиента) – широкое использование терминов, преимущественно из таких областей, как право, религия, военное дело, и особенности стиля художественной речи (основная функция которого оказывать воздействие на слушающего), а именно использование разнообразных эмоционально-экспрессивных средств и риторических приемов средств массовой информации.

¹ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. С. 21.

² Ibid. С. 21.

³ Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1996. С. 354.

⁴ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. С. 21.

⁵ Рябенко Н.Л. Общественно-политическая жизнь и язык. М. 2008. С. 50.

⁶ Богатуров А.Д. Конгломератное сообщество. 2008, www.public.ru

⁷ Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного англ. языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. С. 11.

⁸ Crystal D. The Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 2005. P. 378.

⁹ Яковлева Е.Б. Научные основы преподавания иностранных языков. Язык для специальных целей: теория и практика. В сб.: «Новейшие методы преподавания иностранных языков студентам неязыковых специальностей вузов» / под ред. Тер-Минасовой С.Г. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. С. 5–14.

¹⁰ Муратов Э.Н. Дипломатические документы и переписка. М.: Изд-во МГИМО. С. 7.

¹¹ Чеботарева В.В. Особенности функционирования английских военных терминов в языке средств массовой информации // Вестник Московского университета, Серия 19, №2. М. 2008, С. 188.

¹² Рябенко Н.Л. Общественно-политическая жизнь и язык. М. 2008. С. 39.

¹³ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. С. 52

¹⁴ Мухорямова Л.М. Язык и языковые отношения как предмет политической науки: теория и методология анализа: дис. ... доктора полит. наук. М.: 2004. С. 14.

¹⁵ Ibid С. 34.

¹⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 521.

¹⁷ Почепцов Г. Создание виртуальных объектов и использование их в предвыборной борьбе. <http://www.ladoshki.com>

¹⁸ Рябенко Н.Л. Общественно-политическая жизнь и язык. М. 2008. С. 48.

¹⁹ Реформатский А.А. Указ. соч. С. 80.

²⁰ www.BBC Russian.com

²¹ Гринёв С.В. Введение в терминоведение. М., 1993. С. 309.

²² Реформатский А.А. Указ. соч. С. 81.

²³ Глушко М.М. Синтактика, семантика и прагматика научного текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 122.

²⁴ Ibid. С. 122.

Поступила в редакцию 27 ноября 2008 г.

КОГНИТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

А.М. Плотникова

COGNITIVE SCENARIOS OF VERBS OF BEHAVIOR

A.M. Plotnikova

В статье рассматривается лексическое значение глагола в свете когнитивного подхода. Концептуальной моделью лексического значения глагола является когнитивный сценарий, который является ментальной структурой, состоящей из совокупности эпизодов. На материале глаголов поведения показаны особенности моделирования когнитивного сценария.

Ключевые слова: когнитивный сценарий, глаголы поведения.

The article is about lexical meaning of the verb in the aspect of cognitive approach. The conceptual model of the lexical meaning of the verb is presented in a cognitive scenario, which represents a mental structure consisting of the totality of episodes. Peculiarities of modeling the cognitive scenario are shown on the base of verbs of behavior.

Keywords: cognitive scenario, verbs of behavior.

В лексическом значении слова кодируются разнообразные формы познания мира в виде ментальных репрезентаций, таких как фреймы, скрипты, сценарии и др. Идея представления значения слова как репрезентанта сценарной структуры организации знания принадлежит Дж. Лакоффу. Исследуя эмоцию гнева, он отмечает: «...выражения, обозначающие гнев в американском английском, не являются случайным набором, но представляют собой область, структурированную в терминах весьма разработанной когнитивной модели, имплицитно представленной в семантике языка»¹. Эту когнитивную модель Дж. Лакофф называет прототипическим сценарием гнева, состоящим из ряда последовательных, сменяющих друг друга во времени этапов: событие, наносящее ущерб; гнев; попытка удержать гнев под контролем; утрата контроля; наказание. Лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) глаголов поступка и поведения включает слова, объединенные базовым глагольно-именным оборотом «вести себя». Глаголы поведения характеризуются ярко выраженными оценочными коннотациями, преимущественно отрицательными (*барствовать, беззаконничать, дебоширить, лицемерить, распутничать* и т. п.). Оценочный компонент значения лежит в основе существующих классификаций этих глаголов. Так, в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» выделяются следующие подгруппы: глаголы неестественного, самовольного, неискреннего, не-

серьезного, безответственного, безнравственного, бесцеремонного, неуравновешенного, нечестного, излишне расчетливого поведения². Классифицируя глаголы поведения, Ю.Д. Апресян делит их на три типа в зависимости от типов норм в наивной этике: 1) нормы личного поведения (оно должно быть естественным и разумным): *жеманиться, кривляться, манерничать, паясничать, скоморошничать, фиглярствовать* и др.; 2) нормы поведения с партнером (оно должно быть кооперативным): *артачиться, капризничать, ломаться, привередничать, упрямитесь* и др.; 3) нормы общественного поведения (оно должно быть цивилизованным, то есть не нарушающим общественного порядка): *безобразничать, бесчинствовать, дебоширить, озорничать, скандалить, хулиганить* и др.³.

В результате проведенного анализа глаголов, обозначающих поведение человека, выявлено, что в глагольной лексике представлены разнообразные типы нарушений норм морали:

1. Нарушение принципа искреннего поведения отражается в глаголах *заискивать, лебезить, обманывать, подбодривать, подхалимничать* и других, отображающих все, что связано с ложью, обманом, лицемерием.

2. Нарушение принципа естественного поведения проявляется в глаголах *жеманиться, манерничать, скоморошничать, прикидываться, притворяться* и др., обозначающих тип поведения, при котором человек с целью воздействия на окружающих «надевает маску».

Плотникова Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета. E-mail: annamp@yandex.ru

Anna M. Plotnikova, the candidate of science in linguistics, assistant professor of the department of the modern Russian language of the Ural State University. E-mail: annamp@yandex.ru

3. Нарушение принципа умеренно скромного поведения отражено в глаголах, характеризующих нескромное поведение (*хвастаться, важничать, тижонить, щеголять, бахвалиться, высокомерничать, зазнаваться, кичиться* и других), и глаголах, характеризующих неоправданно скромное поведение (*комплексовать, робеть*).

4. Нарушение принципа серьезного поведения содержится в глаголах *баловаться, бедокурить, беситься, дурачиться, озорничать* и др.

5. Нарушение принципа эмоционального самоконтроля зафиксировано в глаголах *бешенствовать, буйствовать, дебоширить, капризничать, неистовствовать, раздражаться, кипятииться, горячиться, привередничать* и др.

6. Нарушение принципа этического самоконтроля закреплено в глаголах, обозначающих безнравственное поведение: *распутничать, развратничать, блудить, беспутничать, бесстыдничать, греховодничать, грешить* и др.

7. Нарушение принципа волевого самоконтроля отражено в глаголах, обозначающих своевольное поведение (*самовольничать, своевольничать, самочинничать, хозяйничать, самоуправствовать, вольничать* и др.). Кроме того, выделяются типы поведения, определяемые общественными отношениями: отношением к труду (*бездельничать, лентяйничать, лодырничать, лоботрясничать, балбесничать* и др.) и отношением к деньгам (*жадничать, скряжничать, скаредничать, скотидомничать, скупиться* и др.).

Анализ семантики этих глаголов позволяет выявить принципы поведения, сложившиеся в языковом коллективе, культурные ценности, выработанные в течение многих веков и канонизированные в правилах хорошего тона. Многие из этих правил являются аксиомами поведения, обязательны для всех членов общества, обеспечивают гармоничное существование человека в социальной среде. Когнитивный анализ лексико-семантической группы глаголов поведения предполагает выявление и интерпретацию основных сценариев поведения человека, определение специфики их репрезентации в глагольной лексике русского языка. Анализ проводится по следующей модели: 1) выявление группы глаголов, лексические значения которых реализуют когнитивный сценарий, и лингвокультурологическая интерпретация семантики данной группы; 2) выделение базового слова – репрезентанта когнитивного сценария; 3) характеристика денотативной ситуации, которая выявляется на основе анализа и обобщения контекстов с исследуемыми глаголами (денотативная ситуация поведения человека включает состав участников и отношения между ними, типичные проявления поведения, мотивацию поведения, оценку поведения по параметру отношения к социальным нормам); 4) моделирование когнитивного сценария, предполагающее выявление состава событийных и логических пропозиций,

определение временной последовательности пропозиций, характеристику позиции наблюдателя; 5) рассмотрение специфики варьирования когнитивного сценария, которая заключается в изменении состава и последовательности пропозиций, усложнении пропозиций, замене актантов.

Рассмотрим в качестве примера когнитивный сценарий своеволия.

1. Когнитивный сценарий репрезентируется глаголами, обозначающими поведение человека, не желающего считаться с мнениями и интересами других людей и проявляющего упрямство, своеволие: *артачиться, вольничать, ерепениться, кочевряжиться, куражиться, ломаться, своевольничать, самоуправствовать* и др., а также глагольными фразеологизмами: *гнуть свою линию, гнуть свое, стоять на своем*. Такое поведение расценивается как некооперативное, поскольку идет вразрез с желаниями других людей и направлено на противодействие другим. Своевольное поведение нарушает такие принципы вежливого поведения, выделенные Дж. Личем и сформулированные в виде рекомендаций, как: максимум такта, максимум великодушия, максимум согласия, максимум симпатии. В упрямом, своевольном поведении человек проявляет активность, и в этом смысле упрямство противопоставлено покорности, бездействию. Однако, проявляя своеволие, человек обнаруживает неспособность контролировать «свою волю», свое эмоциональное состояние. Во фразеологизмах и паремиях такое поведение осуждается: *заупрямиться как осел; упретаться как в стену рогами, с упрямым и пьяным не сговоришься; хоть кол на голове теши; упрямство хуже пьянства; на упрямых воду возят; упрямство есть порок слабого ума* и др. и, следовательно, такое поведение требует наказания: *горбатого исправит могила, а упрямого дубина*.

2. Базовые глаголы – *вольничать, своевольничать* (в толковых словарях они представлены как стилистические синонимы и толкуются следующим образом «поступать своевольно»)⁴. Глагол *упрямиться*, в отличие от *вольничать* и *своевольничать*, обозначает не столько тип поведения, сколько эмоциональную реакцию на конкретную ситуацию, причем проявление эмоции объясняется характером человека (*упрямиться* – «проявлять упрямство, быть упрямым»). *Упрямится ответить на вопрос. Долго упрямылся, прежде чем сесть за стол*. Следовательно, глагол *упрямиться* является полипропозитивным и входит в ЛСГ поведения и ЛСГ внешнего проявления эмоционального отношения.

3. Для денотативной ситуации своеволия характерны внешние проявления, которые обычно не фиксируются в словарных дефинициях, но обнаруживаются при употреблении глаголов в контекстах. В словарных дефинициях устойчивыми и повторяющимися репрезентантами своеволия являются маркеры «стоять на своем», «не согла-

шаться», «поступать по-своему», «действовать по произволу», «не считаться с другими людьми», «бесцеремонно распоряжаться». В контекстах интерпретация поступка сопровождается описанием конкретных действий: «Он...издевался над казакми и самодурствовал» (М. Шолохов); «...у вас вольничают не только на заводе. Даже и здесь, у вас в кабинете, молодой, но отнюдь не скромный товарищ позволяет себе без разрешения влезть в наш разговор» (А. Бек); «...оператор Кольчугин настаивал на натуральном дожде, артачился и поссорился с директором картины Найманом» (В. Аксенов). Как видно из примеров, в них обнаруживаются способы проявления упрямства и своеволия. В пословицах фиксируется преимущественно бессмысленность такого поведения (*упрямая овца волку корысть; что по лесу с бороной ездить*) или противодействие упрямого человека другим людям (*жжется, как крапива, а колетя, как еж; этого братца и в ступе пестом не истолчешь*).

4. Когнитивный сценарий включает трех участников: X – субъект своеволия; Y – объект; N – наблюдатель. Глаголы этого класса относятся к интерпретативам, то есть содержат позицию наблюдателя, который оценивает поведения человека. Когнитивный сценарий включает следующие пропозиции: 1) X (человек) действует вопреки желаниям Y или вопреки логике здравого смысла; 2) N оценивает поведение X как выходящее за пределы нормы и рассматривает его как утрату субъектом волевого самоконтроля.

5. Варьирование когнитивного сценария определяется способами проявления своеволия и степенью утраты контроля над собой. В семантике глаголов отражены этапы поведения, различающиеся степенью утраты контроля: 1) частичная утрата, проявляющаяся в нежелании человека согласовывать свои действия с желаниями других людей и в непослушании, недисциплинированности: *артачиться, ломаться, кочевряжиться, упрямиться, упорствовать, распуснуться, расхлябаться*; 2) полная утрата волевого самоконтроля, приводящая к несдержанности, желанию подчинить других и распоряжаться другими: *распоясаться, самоуправствовать, самоуправничать, самочинничать, самочинствовать, самодурствовать, хозяйничать*. В словарных дефинициях таких глаголов отражена идея чрезмерности, например: *распоясаться* – «утратить всякую сдержанность, стать распушенным наглым»; *самоуправствовать* – «поступать самоуправно, по собственному произволу». Глагол *ломаться* в разных лексико-семантических вариантах способен обозначать и непослушание, и самодурство (*ломаться* – «б. Разг. Упрямиться, не соглашаясь на что-л., не имея на то основательных причин. 7. над кем, перед чем. Разг. Проявлять самодурство; куражиться»), что объясняется его метафорической природой: глагол, в основном значении обозначающий

нарушение целостности объекта, способен проецироваться в сферу поведения для обозначения отклонений в поведении, уподобляемых разрушению. Глаголы указанных выше двух групп различаются и способами проявления своеволия: глаголы первой группы обозначают поведение, при котором человек проявляется неуступчивость, несговорчивость (значения этих глаголов связаны с утратой волевого и эмоционального самоконтроля), глаголы второй группы обозначают поведение, при котором человек стремится, проявляя своеволие, подчинить других, обнаружить свою власть над другими. Семантика глаголов поведения отражает ценности, существующие в сознании лингвокультурного сообщества и закреплённые в языковой картине мира. Хотя действительность, как известно, имеет континуальный характер, в языке отображаются значимые по каким-либо причинам фрагменты мира. Для русского языка, как показало проведенное исследование, важными являются такие поведенческие модели, как обман, баловство, хвастовство, безрассудство, грех, своеволие, скупость, безделье – именно они получили словесное воплощение в упорядоченной системе глаголов поведения. Глаголы поведения, являясь репрезентантами когнитивных сценариев, отражают определенные культурно и национально обусловленные стереотипы поведения.

Таким образом, когнитивный сценарий – это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закреплёнными социальными ролями. Анализ когнитивных сценариев позволяет не только определить компонентный состав лексических значений глаголов, но и продемонстрировать связь лексических значений глаголов с отображаемым ими динамическими фрагментами мира. Кроме того, анализ когнитивных сценариев позволяет выявить те интерпретационные смыслы, которые связаны с образом говорящего и его оценкой ситуации, и реконструировать фрагмент процессуально-событийной картины мира, репрезентируемый глаголами поступка и поведения.

¹ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. С. 527.

² Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник. Свердловск, 1989.

³ Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии. 2006. С. 152–153.

⁴ Здесь и далее словарные дефиниции даются по Большому толковому словарю русского языка /Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.

Поступила в редакцию 25 ноября 2008 г.

ТЕКСТ И ЕГО КАТЕГОРИИ

УДК 81'37:82

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА И ИДИОСТИЛЬ АВТОРА*

М.Ю. Мухин

LEXICAL STATISTICS AND THE AUTHOR'S IDEOSTYLE

M. Yu. Mukhin

В работе представлены результаты сопоставительного идеографического анализа 16 русских прозаических произведений (романов и повестей) М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. На основании контекстов частотной лексики, характерной для каждого из авторов, сформированы индивидуальные «профили» концептуальных систем. Рассматривается пример сопоставительной идиостилевой интерпретации (на материале денотативной сферы «Восприятие органами чувств»).

Ключевые слова: художественный текст, лексическая семантика, статистический анализ, идиостиль, М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов.

This paper presents the results of a comparative ideographic study of 16 Russian pieces of prose (novels and narratives) by M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov, and M. Sholokhov. Based on the contexts with frequent lexical units, typical for each author, we come up with individual «profiles» of the authors' conceptual systems. We illustrate the comparative ideostylistic interpretation of the texts through a case study of the denotative sphere «sense perception».

Keywords: literary text, lexical semantics, statistical analysis, ideostyle, M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov, M. Sholokhov.

К применению количественных методов при изучении концептуальных особенностей художественного текста относятся по-разному: от полного отрицания статистики в пользу интуитивного филологического моделирования до попыток системного описания художественных систем на основе частотных словарей языка писателя. Первое дает интересные, но неформализованные выводы, которые затруднительно оценить количественно. С другой стороны, абсолютная статистика при изучении идиостиля писателя может оказаться малопродуктивной, если не учитывает доли языковых средств, которые используются многими (если не всеми) авторами. Таков массив сверхчастотной лексики (*человек, глаз, хотеть, спросить* и т.п.). Он искажает полученные данные и не дает возможности выявить собственно идиостилевые черты.

Вот список самых частотных слов, извлеченных из произведений известного писателя: *быть, сказать, еще, уже, один, мочь, знать, рука, говорить, человек, очень, стать, вдруг, глаз, теперь, год, день, опять, лицо, потом, дверь, комната, два, нет, время, выходить, жизнь, раз, думать, идти, казаться, видеть, голос...* Можно ли по этому списку сказать что-либо об идиости-

ле автора текстов (это Владимир Набоков)? Очевидно, что нельзя. Критерий сопоставительной выборки в таком случае дает совершенно другой результат: *шахматный, игра, платье, странно, сперва, гостиница, журнал, блеск, столовая, едва, шелковый, панель, отмечать, неожиданный, знакомый, мяч, яркий, горничная, стеклянный, черта, урок, напоминать, призрак, чемодан, невеста, кушетка, таксомотор, гулять, ощущение* и т.д. Для сравнения, список Андрея Платонова выглядит так: *коммунизм, паровоз, природа, пролетариат, социализм, пища, масса, скучно, странство, машинист, буржуй, почва, мучиться, остаток, выдумывать, вещество, будущее* и т.д. Таким образом, статистика, которая может связываться с содержанием художественного текста, должна быть не абсолютной, а относительной.

Эта отправная идея была реализована следующим образом. После определения слов, наиболее часто встречающихся у М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова¹, и отбора тех, что попадают в частотный «пик» произведений только одного писателя, были сформированы лексические ряды, характерные для творчества каждого автора. В дальнейшем к кон-

Мухин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета. E-mail: mfly@sky.ru

Mikhail Yu. Mukhin, candidate of philological sciences, professor assistant of the department of Modern Russian Language, Ural State University. E-mail: mfly@sky.ru

Текст и его категории

текстам этих слов (всего около 40 тыс. словоупотреблений) были приписаны семантические характеристики, которые позволили провести идеографическую классификацию и выстроить так называемые «концептуальные профили» творчества четырех писателей. Концептуальная система каждого автора представлена в виде набора 33 денотативных сфер («Неживая природа», «Живая природа», Человек как живое существо», «Оценка», «Эмоции», «Время», «Пространство» и т.п.)², выраженных в текстах в разной степени.

Например, доминантными сферами текстов Андрея Платонова, по результатам количественной обработки и контекстологического анализа, являются такие классы, как «Неживая природа», «Эмоции», «Техника и производство», «Транспорт», «Социальные отношения», «Материя и вещество», «Количество», «Пространство», «Время» и «Универсальные представления», а периферийными – «Восприятие органами чувств», «Быт», «Речь», «Сверхъестественное», «Предмет» и т.п. Сочетание этих сфер уже можно связать с чертами платоновской концептуальной системы, однако без дополнительной филологической интерпретации оно имеет декларативный характер. Кроме того, у других авторов могут быть количественно сходные показатели (например, у Булгакова в сфере «Эмоции»). Последующий анализ может ответить на вопросы: 1) как соотносятся семантические группы внутри сферы; 2) какова специфика семантических преобразований в контекстах слов, относящихся к данной сфере; 3) каковы возможные сходства и различия лексической репрезентации денотативных сфер в творчестве разных писателей.

Каждая денотативная сфера имеет свою специфику: предметные и социально ориентированные классы слов преимущественно конкретны, а слова, обозначающие время, пространство, универсальные представления, наоборот, абстрактны. Поэтому приложить универсальное формализованное описание ко всем сферам практически невозможно.

Представим вариант такой интерпретации на частном примере денотативной сферы «Восприятие органами чувств». На фоне прочих сфер она реализована у четырех авторов по-разному: 6,8 % контекстов у М. Булгакова, 8,3 % – у В. Набокова, 2,8 % – у А. Платонова и, наконец, 3,8 % у Шолохова.

В сфере выделены традиционные группы: соответственно «Зрительное», «Слуховое», «Обонятельное», «Осязательное», «Вкусовое» восприятие. Кроме того, добавлена группа «Смешанное восприятие» для сенсорных образов, которые трудно расчленишь. К примеру, слово *ощущение* в контексте из романа Набокова «Король, дама, валет» (*Быстрота, воздушность, запах осени, головокружительная зеркальность того, что плыло мимо, – все сливалось в ощущение*

ощущение бесплотности...) или сочетание *горькая пыль* у Шолохова в «Тихом Доне». В перечисленные группы входят как сами слова, обозначающие звуки, запахи, цвета и т.п., так и собственно лексика восприятия. В таблице представлено процентное соотношение сенсорных типов в исследуемых текстах.

Соотношение разных типов восприятия в творчестве четырех авторов

Тип восприятия	Лексические контексты, %				
	Набоков	Булгаков	Платонов	Шолохов	Сред. знач.
Зрительное	71	49,5	17,8	51,6	47,4
Слуховое	14,4	50	10,7	39,7	28,7
Осязательное	11,4	0,1	59,1	0,1	17,7
Обонятельное	0,3	0,2	6,4	6,6	3,4
Вкусовое	0,9	0,1	1,7	1,9	1,2
Смешанное	2	0,1	4,3	0,1	1,6

В большей степени, чем у других авторов, сфера чувственного восприятия реализована в романах **Владимира Набокова** (64 слова: *блеск, яркий, краска, прозрачный, оранжевый, прелестный, жарко, холодно, ощущение, отмечать, щуриться, мрак, шелковый, стук, нарядный, чудесный* и т.д., – употребляемые в соответствующих значениях).

Дальнейшие рассуждения строятся исключительно на базе контекстов индивидуально-авторской лексики. Среди сенсорных типов в набоковском тексте резко преобладает зрительный (больше 70 %, см. табл. 1). Яркость – вот черта многих зрительных образов. Само слово *яркий* соотносимо с самыми разными реалиями: *в ярких красках афиш; по ярким белым облакам; следы шагов, полные яркой воды* (Н:Д); *странно и страшно было сидеть на этой яркой веранде; крыши изб, густо поросшие ярким мхом; яркий, желтый абажур в столовой* (Н:ЗЛ); *кругом был яркий снег* (Н:КДВ); *яркий, как тропическое небо, галстук; двое смуглых молодых людей в ярких носках* (Н:КО).

Ярким *блеском* отливают глаза, волосы человека, разнообразные предметы: *такое обилие блеска, что порой невозможно смотреть...* (Н:Д); *можно было смотреть вниз, на лестницу, на коричневый блеск ее перил; Белым блеском раскрылась эмалевая ванна у левой стены* (Н:ЗЛ); *никелевый глазок сумки сразу ожил, мелко заиграл зеленым блеском* (Н:КДВ); *волосы отливали каштановым блеском; лед отливал маслянисто-сизым блеском* (Н:КО). И слово *яркий*, и слово *блеск* попали в пик частотности всех рассматриваемых романов Набокова. Отражает идею цвето-световой интенсивности и излюбленное набоковское слово *игра*: *Я видел с большой высоты темную болотную котловину, всю дрожащую от игры бесчисленных родников, что*

напоминало ночной небосклон с рассыпанными по нему звездами; призраки, занесенные игрой лучей (Н:Д).

Если речь специально идет об оттенках цвета, красках, они непременно интенсивные (*крепкая зелень* – Н:Д), множественные, производящие сильное впечатление: *всякая краска жила волшебным умноженной жизнью* (Н:Д); *краски поразили его, как солнечный удар* (Н:ЗЛ); *розовая краска шрама словно разлилась по всему его лбу* (Н:КО). Ср. также контексты слова *оттенки*: *блестящая ночь, со световыми рекламными двух оттенков... озонно-лазурного и портвейно-красного; в особом желтом оттенке уже зажженных витрин* (Н:Д); *три разными оттенками просвечивало небо* (Н:ЗЛ). Из цветов, которые не используются часто другими авторами, Набоков предпочитает оранжевый (оранжевые крылья бабочки, халат, лицо, небо, пеньюар, узоры, цветок, огни и т.п.).

Зрительные впечатления в тексте Набокова почти всегда эстетически оценочны: *нарядными* могут быть свет, вещь, женские ноги, улица, стол, кабаки, купе и т.д. Так же употребляются слова *прелестный, призрачный, прозрачный, чудесный*, реализующие совмещенные значения (выражающие одновременно зрительное восприятие и оценку). Для выражения эстетичности явлений находят оригинальные лексические средства: *Окна его квартиры были нежно освещены* (Н:КО); *вода стала заполнять белую ванну, нежно дымясь* (Н:ЗЛ). Отсутствие света, мрак также может эстетизироваться: *во мраке, едва облепленном светлой чертой неплотно закрытой двери, выжидательно застыли предметы* (Н:ЗЛ); *бархатный сумрак* (Н:КО).

Образы, которые фиксирует взгляд автора или персонажа, часто неуловимы, труднообъяснимы, изменчивы. Они постоянно «мелькают»: *мелькали все те же упоительные ноги; Мелькали цветные таблицы, ордена, этрусские вазы, осокорные растения...; цветные объявления, которые долго мелькают перед началом обольстительного фильма* (Н:КДВ); *в ней мелькал какой-нибудь недостаток красоты* (Н:Д). Или, используя другие набоковские слова, «скользят» (блики по рукам, лица, тени, движущиеся объекты) и «незаметно» меняются: *Стекла совсем потемнели, в них незаметно появились отражения, отблески* (Н:КДВ); *Ее бледные волосы светло и незаметно переходившие в солнечный воздух вокруг головы* (Н:Д). Объекты восприятия неслучайно награждаются эпитетами *туманный* (о прохожем, помещении, постели, даме в туманном сиянии) или *быстрый* (о взгляде, глазах, улыбке, рисунке), в силу неопределенности и изменчивости восприятия.

Существенно уступают зрительным, но все же частотны слуховые и осязательные образы. Звуки обыкновенно резкие, часто неприятные:

стуки, толчки, хлопанье занавесок, дверей и т.п. Однако стоит им «удалиться» (частотное слово), наступает приятная тишина, *бархатная тишь*. Среди лексики осязательного восприятия явно выделяются частотностью слова *жарко* и *холодно* (обычно связанные с сенсорным дискомфортом), *ощущение*, а также прилагательные *бархатный* и *шелковый*, указывающие на мягкость: *шелковое ухо собаки; Кожа у нее была горячая, шелковая; бархатный песок* (Н:КО); [*бабочка*] *с приставшим шелковым пушком* (Н:Д). В последних случаях также можно говорить об эстетизации сенсорных ощущений.

Значимость сферы чувственного восприятия выражается у Набокова в частотности сенсорной лексики и метафорической синестезии, что неоднократно отмечалось исследователями его творчества³. Контексты индивидуально-авторских слов также подтверждают значимость синестетических переносов (например, с осязания на зрение: *бархатная темнота, бархатный румянец* (Н:КО); *так жарко блеснули ее губы; В глубине улицы жарко горел закат* (Н:КДВ) и многие другие).

Основными признаками чувственных представлений в романах Владимира Набокова можно считать их высокую интенсивность, изменчивость, пересекаемость, эстетическую и сенсорную оценочность.

Сферу чувственного восприятия в романах **Михаила Булгакова** делят на две примерно равные доли слуховые и зрительные образы. Представим авторский ряд сенсорной лексики: *грохот, вскрикивать, сверкать, взор, разглядеть, загораться, хохот, зажигать, мрачный, заливать, звенеть, огонек, пылать, сверкнуть, услышать* и т.д. Звуки характеризуются высокой интенсивностью, они всегда громкие — во всяком случае на это указывают контексты частотной лексики (слова *вскрикивать, хохот, грохот* и др.): *Бал! — пронзительно визгнул кот, и тотчас Маргарита вскрикнула и на несколько секунд закрыла глаза* (Б:ММ); *Хохот заглушал слова Измаила Александровича* (Б:ТР); *Он налетел на стеклянную преграду и поднял грохот* (Б:БГ). Авторские слова отражают настойчивость звуков, их способность к быстрому распространению в большом пространстве: *У мадам Анжу печка раскалилась, как черт, в трубах звенело и несло* (Б:БГ); *Три телефона звенели не умолкая никогда* (Б:ТР); *Печерские холмы отразили дробный грохот, и он полетел в центр Города* (Б:БГ); *Смех полетел из него каскадами* (Б:БГ); *вырвался и полетел громовой виртуозный вальс* (Б:ММ). Двухнаправленная связь звуков и эмоций проявляется в том, что звуки часто возникают вследствие эмоционального состояния, и, наоборот, эмоции бывают вызваны сильными звуками. Так, например, действует на человека грозное завыв-

Текст и его категории

вание паровоза, грозный грохот или грозный галос в романе «Белая гвардия».

Наиболее частотные зрительные впечатления создают в булгаковском повествовании разные формы огня, света – того, что *загорается, заливает* (светом, огнем), *пылает* и *сверкает*: *Свет, ослепительный до того, что даже отливал в розовое, то загорался, то исчезал* (Б:БГ); *Через несколько секунд комнату залило светом* (Б:ЖМ); *Теперь вокруг Иуды в окнах не только сверкали огни, но уже слышались славословия* (Б:ММ).

«Услыхать» и «разглядеть» – это часто встречающиеся булгаковские слова, связанные с доминантами его чувственного восприятия. Предельно громкий звук, поражающий или угнетающий человека, и мощный свет, мгновенно преобразующий помещение или пейзаж, создают иллюзию наполненности огромного художественного пространства. Булгаковские сенсорные впечатления характеризуются сверхинтенсивностью, расширенностью пространственных координат, эмоциональностью их переживания.

Зрительный и слуховой типы восприятия также преобладают и в текстах **Михаила Шолохова**. Его лексический список: *выстрел, слышать, смуглый, поглядывать, бурый, угадывать, вполголоса, защитный, звучать, горький, ноздри, косою* и т.д. Основа лексики зрительных впечатлений – слова, обозначающие цвет. Резко отличается от характерных цветов, связанных с работой, войной (*смуглый, бурый, защитный* и т.п.) особенная «синева» неба: *...в безоблачной синеве, казавшейся отсюда, с земли, густой и осязаемо плотной; ...непроглядно густая синева неба* (Ш:ЗР); *бездумно следить за проплывающими в блеклой синеве белыми грудастыми облаками; ...все так же, словно под тугими белыми парусами, проплывали в вышней синеве облака* (Ш:СЧ). Изменчивое, но всегда высокое, величественное и вечное небо противопоставлено миру людей – социальным изменениям, страшной войне, смерти. Среди слуховых образов преобладают характеристики голоса человека и звуков, сопровождающих военные действия.

Крайне интересно представлены в шолоховских романах обонятельные впечатления. Известно, что слова, обозначающие части тела (*рука, нога, голова* и т.п.), – относятся к лексическим универсалиям текста, т. е. их частотность не является идиостилевой чертой. Другое дело – *ноздри*, как в шолоховских текстах (около 90 словоупотреблений): *В ноздри его ударил тяжелый запах горелого железа и бензина, смешанный с горьким, зловонным духом жженой травы* (Ш:ЗР); *В ноздри Нагульнову ударил теплый запах жилища и свежих хмелин* (Ш:ПЦ). *Запах недалекой воды ударил ей в ноздри; ...хмелем невыбродившим бьет в ноздри острый сладковатый бабий пот; Запах ладана, плесени и гнили, запах*

старого неопрятного человека густо ударил ему в ноздри (Ш:ТД). Сильный, «ударяющий» запах пота, табака, мыла, ружейного масла, спирта, лука, сырой земли, лекарств и т.д. вызывает резкую реакцию персонажей и по-своему натурализует действие. Вкусовое восприятие реализовано у Шолохова за счет частотности прилагательного *горький* (горькими могут быть слюна, табачная жвачка, полынь, корневища, пот, ус и т.п.) и других, менее частотных слов. Как пишет С. Г. Семенова, «трудно найти более полярных художников XX в., чем Шолохов и Набоков, а при всем том поражает присущая обоим установка на феноменальность, *внешность* мира», на ее изощренное, зрительное запечатление в художественном пространстве; «почти исключительная у Набокова зрительная фиксация мира у Шолохова значительно расширяется за счет всех человеческих рецепторов: и слуха... и тех чувственных показаний, которые дают в прямом контакте с предметом самые животнo-непосредственные органы чувств: вкус, осязание, но особенно – *обоняние*»⁴. Сенсорические впечатления Шолохова бытовые по характеру, физиологичные, натуралистичные.

По убыванию частотности лексический ряд **Андрея Платонова** формируют слова *теплота, тепло, жара, прохладный, костер, греться, остывать, чуют, затихать, сырой, сплошной, пробовать* и др. Количественные показатели указывают на пониженную сенсоричность Платонова, однако его произведения дают интересную, нетипичную картину в плане соотношения типов чувственного восприятия: осязательные впечатления (59 %) существенно важнее для писателя, чем зрительные и слуховые. В основном это ощущения тепла и холода: слова *греться, дуть* (*откуда-то дуло холодом*, П:Ч; *там снег пошел и холод дует*, П:К), *жара, остывать, прохладный, тепло* и *теплота*. Так же, как у Шолохова, попадают в число частотных обонятельные образы: запах неба, воздуха, трав, соломы и очень часто теплоты – дыхания, тела, «тепла животной жизни» (П:ЮМ). Теплота и тепло для Платонова – важный вид физической энергии человека, и неслучайно так важны для автора слова *греться* (наполняться энергией) и, наоборот, *остывать* (в знач. «мерзнуть»), т.е. отдавать энергию): *Близ домов... грелись чуждые люди; Там его охватила ночная прохлада, но он [Пашинцев] не остыл* (П:Ч); *...девочка спокойно спала, греясь на его теплой, сердечной груди; Чиклин и Сафронов сильно остыли и были в глине и сырости* (П:К). Чувственные переживания Платонова имеют не бытовой, а, скорее, «бытийный» характер, связываются с общемировыми энергетическими процессами (что согласуется с выводами литературоведческих исследований).

Не следует понимать приведенную статистику так, что у Булгакова, например, вообще не

встречается вкусовое восприятие, а у Шолохова – осязательное. Любой читатель Булгакова припомнит различные эстетизированные описания блюд и напитков в его романах. Однако в этих описаниях частотная лексика, характерная для Булгакова, употребляется в меньшей степени. Если анализировать относительные показатели и сопоставлять реализацию разных авторских чувственных впечатлений со средними величинами, то для Набокова наиболее важны зрительные и осязательные впечатления, для Булгакова – слуховые и зрительные, для Платонова – осязательные, обонятельные и вкусовые, для Шолохова – зрительные, слуховые, обонятельные и вкусовые.

Представленный здесь анализ сферы «Восприятие органами чувств» представляет собой фрагмент описания авторской идеографии четырех писателей. Сопоставительная частотная выборка, на основе которой проводится это описание, позволяет заведомо отсеять индивидуальные речевые явления от общих, описать идиостилевые черты более обоснованно и, значит, скорректировать существующие филологические представления.

* Исследование поддерживается грантом Президента РФ, проект № МК-337.2007.6.

¹ Для анализа были взяты 16 романов и повестей М. Булгакова («Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»); В. Набокова («Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Камера обскура», «Дар»); А. Платонова («Сокровенный человек», «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»); М. Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека»).

Всего в этих текстах около 1,5 миллиона словоупотреблений. Автором статьи применяются сокращения названий произведений: Б:БГ, Б:ЖМ, Б:ТР, Б:ММ; Н:КДВ, Н:ЗЛ, Н:КО, Н:Д; П:СЧ, П:Ч, П:К, П:ЮМ; Ш:ТД, Ш:ПЦ, Ш:ЗР, Ш:СЧ.

² Выявление денотативных сфер и лексико-семантических групп осуществлялось с опорой на словари лексикографической группы «Русский глагол», вышедшие под редакцией проф. Л. Г. Бабенко. См.: Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М., 2005; Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты. М., 2007; Словарь-тезаурус синонимов русской речи. М., 2007; Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы. М., 2008.

³ См., например, работы: Козловская Н. В. Лексика предметного мира в организации лексической структуры текста произведения В. Набокова «Другие берега»: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995; Мухин М. Ю. Синтагматическое напряжение в романах Владимира Набокова: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998; Носовец С.Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов «Весна в Фиальте»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2002 и др.

⁴ Семенова С. Г. Мир прозы Михаила Шолохова. М., 2005. С. 96.

Поступила в редакцию 1 декабря 2008 г.

ПЕРВИЧНОСТЬ И ВТОРИЧНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Н.П. Пешкова, Л.М. Яхиббаева

PRIMARY AND DERIVATIVE CHARACTERISTICS AS ONTOLOGICAL CATEGORIES OF A TRAINING TEXT

N.P. Peshkova, L.M. Yakhibbayeva

В статье рассматриваются текстовые категории первичности и вторичности, определения и характеристики первичного и вторичного текстов, а также процессы их порождения. Авторы статьи анализируют учебный текст как вид вторичного текста, описывают его природу, специфику, свойства и предназначение.

Ключевые слова: первичность, вторичность, текстовые категории, первичный текст, вторичный текст, учебный текст.

This article deals with the problems of primary and derivative text categories, definitions and characteristics of a source and derived text, as well as their derivation processes. The authors of the article analyse a training text as a kind of the derived text, describe its nature, specific features, properties and objectives of applying.

Keywords: primary characteristics, derivative characteristics, text categories, source text, derived text, training text.

Как известно, первичность и вторичность являются универсальными философскими категориями. Первичными и вторичными могут быть объекты, явления, процессы, признаки, деятельность. Тексты – это только одна из групп объектов, которые подразделяются на первичные и вторичные.

В философии мы встречаем эти понятия, когда речь идет о первичных и вторичных качествах. Данные термины были впервые введены английским физиком и богословом Робертом Бойлем; широкую известность они получили благодаря работе английского философа-материалиста Джона Локка «Опыт о человеческом разумении», изданной в 1690 году. Различение первичных и вторичных качеств предмета основывалось на разграничении его свойств: одни из них рассматривались как объективные, присущие самому предмету, другие – как субъективные, возникающие при восприятии данного предмета. К первичным качествам относили такие свойства предмета, как протяженность, величина, плотность и др., к вторичным, соответственно – цвет, запах, вкус, звук и т.п. Таким образом, согласно Локку, вторичные качества возни-

кают под воздействием первичных на органы чувств, следовательно, они субъективны.

Возможно ли аналогичное деление текстов с опорой на признаки первичности и вторичности? Чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к определениям значений этих слов, данным в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Первичный означает исходный, первоначальный; основной, главный; являющийся первой ступенью в развитии чего-либо. Вторичный – второстепенный, побочный; происходящий (совершаемый, используемый) второй раз; представляющий собой вторую стадию в развитии чего-либо»¹.

Рассмотрим, как эти оппозиции реализуются в межтекстовых отношениях, т.е. между первоисточником и производным от него, вторичным текстом. Понятно, что оппозиции «основной/второстепенный» или «главный/побочный» не являются существенными при сопоставлении текстов. Значит, используем две другие: «первая/вторая ступень в развитии» и «первоначальный, исходный/ происходящий во второй раз».

В понятии «вторичный», как правило, содержится противопоставление понятию «первич-

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики УГАТУ.

Яхиббаева Лариса Мухамедовна, ст.преподаватель кафедры иностранных языков УГНТУ, соискатель кафедры языковой коммуникации и психолингвистики УГАТУ. E-mail: larisa2610@bk.ru

Natalya P. Peshkova, PhD, professor of the department of language communication and psycholinguistics, Ufa State Aviation Technical University.

Larisa M. Yakhibbayeva, competitor of the department of Language communication and psycholinguistics chair postgraduate, USATU. Scientific adviser – professor Natalya P. Peshkova. E-mail: larisa2610@bk.ru

ный». Следовательно, называя какую-то категорию текстов вторичными, мы ставим их в определенную оппозицию неким первичным текстам. Из данной оппозиции следует, что есть нечто, различающее первичные и вторичные тексты. Чтобы найти это «нечто», рассмотрим понятия «первичный» и «вторичный» по отношению к текстам.

Французский философ, писатель и драматург Жан-Поль Сартр называет первичный аспект языка, которым мы пользуемся, обращаясь к другому (вторичному), священным.

Первичным принято считать основной текст, который определяется наличием в нем «научных знаний в развитии», т.е. процессом получения этих знаний, а также результатами исследовательской деятельности. Классическим примером первичных текстов могут служить отчеты о путешествиях или полевые дневники антрополога, описание географом неизвестной местности, которую он изучил, и созданная им карта. Такой текст представляет собой реконструкцию индивидуального опыта и, более того, это способ фиксации некой новой реальности, о существовании которой до момента представления текста ничего нельзя было сказать. Таким образом, написание первичного текста идентично созданию, а иногда продолжению биографии.

К констатирующим чертам первичного текста часто относят: неясность, фрагментарность, непосредственность, парадоксальность, отсутствие истории.

С психологической точки зрения первичные тексты связаны с процессом исследования; их смыслы индивидуальны и закрыты. Для них характерны ассоциативные связи образов и личностный стиль, отражающий структуру индивидуального творческого процесса, «индивидуальной культурной лаборатории».

Рассмотрим процесс порождения первичного текста, взяв за основу одну из лингвистических моделей этого процесса, разработанную Н.Л. Сунцовой на основе концепции текста Н.И. Жинкина – А.И. Новикова. Автор представляет порождение первичного текста – речевого высказывания – как сложный, многоэтапный или многоуровневый процесс, в основе которого лежит определенная схема или программа. По мнению Н.Л. Сунцовой, начальным моментом, формирующим будущее высказывание, является мотив. Без него трудно понять причинную обусловленность речевого поведения. На этом этапе происходит формирование предмета и цели высказывания. Е.С. Кубрякова называет это вектором, определяющим весь настрой будущего высказывания.

Далее следует этап или уровень, который считается самым необходимым для правильного порождения речевого высказывания, так как на этом уровне происходит неосознанное построение

некоторой схемы. Данная схема служит основой для дальнейшего порождения текста. С этим уровнем также связано формирование замысла или предметного содержания. Кроме интенции, мотива, коммуникативной задачи, здесь также играет важную роль тема-понятие, которая предшествует замыслу конкретного текста, существует независимо от него и соответствует потенциальному главному предмету описания в тексте. Такая тема-понятие может быть источником множества потенциальных текстов. Как только аспект рассмотрения предмета описания определен, доминирующую роль в порождении текста начинает играть замысел, а тема-понятие, выполнив свою функцию, уходит на второй план. В результате из множества возможных текстов создается один конкретный текст, соответствующий данному замыслу автора. Именно поэтому в определенном смысле такой конкретный первичный текст является уникальным.

Итак, первичные тексты описывают непосредственно наблюдаемые объекты действительности; это тексты, которые отправляются от опыта миграции и представляют собой априорные структуры, служащие основой для последующего творчества. И, наконец, первичные тексты можно назвать уникальными, единственными текстами.

Переходя к описанию вторичности как текстовой категории, вспомним слова исследователя вторичности текста-перевода Н.М. Нестеровой о том, что «вторичность, или культурная опосредованность, является одним из главных принципов текстопорождения»².

Отечественный литературовед В.Б. Шкловский, подчеркивая вторичность всего литературного творчества, пишет: «Настоящее созидание – вещь редкая, создавать нечто дотоле неслыханное – дар особый и удивительный. То, что кажется нам новым созиданием, обычно составлено из того, что уже было ранее; но способ компоновать делает его в какой-то мере новым; да ведь и создавший первым тоже лишь компоновал свой сюжет, свою картину из того, что уже было, – в опыте, в мыслях, в воспоминаниях, из того, что он читал или слышал»³.

Мысль о вторичности литературы мы находим также в высказывании мексиканского поэта и переводчика, лауреата Нобелевской премии О. Паса: «Каждый текст уникален, но в то же время каждый текст представляет собой перевод другого текста. Ни один текст не является полностью оригинальным, так как сам язык есть, по сути, перевод: во-первых, это перевод невербального мира в знаки вербальные, во-вторых, каждый знак и каждая фраза есть перевод другого знака и другой фразы» (Цит. по: Bassnett)⁴.

Таким образом, вторичными мы называем тексты, которые появляются в результате аналитико-синтетической обработки первичных текстов. Они содержат в себе обобщенное содержа-

Текст и его категории

ние основного, т.е. «знания в статике».

Процесс создания такого рода текстов можно отнести к написанию (подытоживанию) истории. Их природа определена задачами изложения, опубликования, а смыслы общезначимы и открыты для понимания.

И.Т. Касавин, характеризуя типы текстов, отмечает: «Вторичные тексты, будучи погруженными в лежащие в их основе культурные ресурсы, сами фактически являются прошлым-настоящим: уже в момент своего написания они безнадежно устаревают для решения сегодняшних задач и обеспечивают лишь репродукцию прошлой парадигмы. Они однозначно очерчивают сферу прошлого знания и в этом смысле выполняют важную функцию – к ним обращаются лишь за тем, чтобы не повторить уже сказанное»⁵.

Исследуя теоретические модели порождения вторичного текста, Н.Л. Сунцова пишет: «Если основным пусковым механизмом порождения первичного текста является механизм формирования и развертывания замысла, то при порождении вторичного текста в качестве аналога такого пускового механизма следует считать тему текста»⁶.

Основное свойство темы текста заключается в том, что она всегда развернута в тексте, и такой текст будет в той или иной степени близким к оригиналу. Степень близости будет тем большей, чем более точно выделена тема. Если это так, то можно считать, что тема управляет процессом развертывания, и в этом смысле она тождественна замыслу. Различие же заключается в том, что на основе темы может породиться не один текст, а некоторое их множество, хотя и близких, но все же различающихся между собой как по содержанию, так и по форме. Эти тексты, формирующиеся в результате развертывания темы, являются вторичными текстами.

Итак, автор определяет вторичный текст как «...такое вербальное образование, которое порождается в результате развертывания определенных ментальных структур (ключевых слов, темы и т.п.), являющихся результатом осмысления и понимания первичного текста и отражающих в свернутом виде основное его содержание»⁷.

Процесс перехода из одного (первичного) типа текста к другому (вторичному) можно представить как движение в рамках структуры, образующейся «прасобытием», «первоначальным архэ» (К. Хюбнер) или архетипом (И. Бродский) (т.е. первичным текстом), в ходе которого она (структура) наполняется все новым и новым конкретным содержанием (написание вторичных текстов).

А.Н. Веселовский в этой связи пишет: «Поэт, используя старые сюжеты и образы, обогащает их новой интенсивностью, новыми смыслами. Таким образом, вторичность его творчества за-

ключается в том, что он пользуется готовым набором мотивов и сюжетов, а первичность (оригинальность) проявляется в том, как он эти готовые мотивы и сюжеты развивает, как он их комбинирует»⁸.

Таким образом, сказанное выше дает нам право признать вторичность как общее универсальное свойство текстов. Подтверждение этой мысли мы находим в словах Ц. Тодорова: «Следует говорить не о генезисе, возникновении текстов из чего-то нетекстового, а исключительно и только о переработке одних текстов в другие»⁹.

Однако, признавая идею вторичности, мы не можем отказать авторам и в оригинальности, первичности их текстов. Так, М.М. Бахтин в своих работах отстаивает оригинальность авторского текста. По мнению этого ученого, «автор, несмотря на всю оговоренность слов, их сказанность, создает нечто новое, неповторимое, никогда до него не существовавшее.... Ни одно предложение, даже однословное, никогда не может повторяться: это всегда новое высказывание (хотя бы цитата)»¹⁰.

Даже в отношении перевода О. Паза, указывая на его вторичность, в то же время признает и его оригинальность (первичность): «Все тексты являются оригинальными, – пишет он, – так как каждый перевод отличается от других переводов. В определенном смысле каждый перевод являет собой нечто новое и, как таковой, он есть уникальный, единственный текст» (Цит. по: Bassnett)¹¹.

Здесь можно вспомнить и Р. Барта, провозгласившего, с одной стороны, «смерть автора», назвав его «вечным переписчиком», с другой стороны, утверждавшего, что: «...каждый текст представляет собой новую ткань, пусть и сотканную из старых текстов, старых цитат»¹².

Таким образом, первичное и вторичное связаны, во-первых, генетически (первичное «рождает» вторичное), во-вторых, хронологически (первичное предшествует вторичному), в-третьих, онтологически (бытийность первичного и вторичного взаимообусловлены).

Итак, обобщая вышесказанное, мы приходим к следующим выводам: каждый текст вторичен и в то же самое время первичен. По сути, все тексты можно считать и первичными, и вторичными одновременно, что свидетельствует об условном характере текстовых категорий первичности и вторичности. Можно предположить, что в разных типах текстов в разных условиях преобладают либо характеристики первичности, либо свойства вторичности. Иначе говоря, в определенных случаях категория вторичности выступает на первый план, что и дает нам основание говорить о вторичном тексте как конкретном типе.

На основе полученных представлений о текстовых категориях первичности и вторичности,

перейдем к рассмотрению такого конкретного типа вторичного текста, как учебный текст, составляющего предмет нашего исследовательского интереса.

Как уже отмечалось, к вторичным мы отнесли тексты, представляющие собой результат углубленного знакомства, изучения, осмысления, анализа; созданные путем преобразования исходного, базового текста. Эти тексты обладают свойством долговременного хранения свернутой информации для неоднократного ее использования. Вторичными являются такие виды текстов, как учебный текст, реферат, аннотация, тезис, рецензия, перевод, конспект, критическая статья, миф, проповедь, школьное изложение, библиографическое описание, сценарий, интервью и другие.

Выделяя из этого перечня учебный текст и придавая ему статус особого вида вторичного текста, нам хотелось бы остановиться на описании его природы, специфики, свойств, предназначения, задач, а также на его неоднозначных отношениях с первоисточником.

Учебный текст обладает следующими специфическими чертами, отличающими его от других видов вторичных текстов:

- является материализованным носителем содержания образования и организатором процесса усвоения этого содержания;
- представляет собой главную содержательную единицу обучения;
- содержит в себе объективно ценную информацию для всех учащихся, а не только для одного автора;
- дает возможность порождать новые, «встречные» тексты, а также рефлексировать над своей и чужой учебно-познавательной деятельностью;
- является основной формой существования языка, хранения и передачи культуры, знания и незнания;
- содержит в себе культурологический, воспитывающий и развивающий потенциал;
- является не просто источником готовых знаний, подлежащих запоминанию, а источником познавательных задач, которые надо уметь видеть и решать;
- в процессе обучения выполняет информативную, когнитивную и креативную функции;
- способствует формированию общей и информационной культуры обучаемого.

Следует отметить, что ведущими характеристиками учебного текста, используемого в естественно-научной и технической областях, являются точность, логичность, доказательность, беспристрастность изложения учебного материала, минимум образно-экспрессивных средств, а также наличие особых клише, характерных текстам такого типа. Для учебных текстов, основанных на материале художественных произведе-

ний, свойственны цитатность, имитация исходного текста, эмоциональная окраска.

Предназначение учебного текста – хранить информацию, культуру, воздействовать на сознание обучаемых, оказывать на них мотивационное воздействие, способствовать развитию их творческих способностей.

Важными задачами учебного текста и, соответственно, его автора является управление процессом чтения обучаемого, предвидение хода его мыслей, способствование как можно более полному пониманию текста.

Учебный текст имеет полифункциональную природу: во-первых, он содержит учебную информацию; во-вторых, является носителем общих и профессиональных знаний, культуры, элементом сознания и, в-третьих, текст имплицитно содержит способы и методы овладения учебной информацией и культурными ценностями. Таким образом, текст выполняет очень важные образовательные, воспитательные и развивающие задачи.

Еще одной особенностью учебного текста как вторичного является то, что каждому первичному тексту, на основе которого создается учебный (вторичный) текст, может быть поставлен в соответствие не один учебный текст, а несколько. При этом все они должны быть близкими по содержанию к исходному тексту, а следовательно, и друг к другу. В связи с этим тексты, входящие в такое множество, можно считать синонимичными. Значит, на основе одного первоисточника может быть создано некоторое множество учебных текстов.

Вторичный учебный текст подразумевает использование первичных текстов и нередко достаточно обширное. В некоторых вторичных текстах едва ли не большая часть представлена либо почти буквальным изложением, либо прямым цитированием первоисточников, которые используются автором как средством отображения своей локальной социальной реальности.

«Специфика информационной сферы учебного текста заключается в том, что, с одной стороны, она входит в общее информационное пространство научного дискурса, с другой – неотделима от конкретной области практической деятельности.

Иными словами, научная и профессиональная информация, ранее нашедшая воплощение в текстах соответствующего типа, в научной или профессиональной литературе, на определенном этапе переосмыслена и заключена в форму вторичных учебных текстов различных типов, письменных и устных, представляющих собой важнейшую составляющую учебного дискурса»¹³.

В заключение вернемся еще раз к вопросу об актуальности исследований вторичности как универсальной категории текста вообще и учебного текста в частности. Отметим, что в отличие от текста условно первичного, который изучен

Текст и его категории

достаточно полно, исследование текста с преобладанием характеристик вторичности, каковым является учебный текст, представляет собой достаточно новое направление в науке о языке и в теории текста. Вторичность как текстовая категория все еще требует серьезного философского осмысления и углубленного филологического изучения. Как нам представляется, основополагающий принцип научных штудий данного направления сформулирован в словах М.В. Вербицкой: «Требуется более универсальное (феноменологическое) определение вторичного текста, которое бы соответствовало современным представлениям о тексте и итертекстуальности»¹⁴.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: АТЕМП, 2004. С. 107, 498.

² Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: монография. Пермь, 2005, С. 94.

³ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983, С. 10.

⁴ Bassnett S. Translation Studies. London and New York, 2002, С. 44.

⁵ Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1998, С. 341.

⁶ Сунцова Н.Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1995, С. 10.

⁷ Сунцова Н.Л. Указ.соч. С. 21.

⁸ Веселовский А.Н. Из введения в историческую поэтику//Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 47

⁹ Тодоров Ц. Поэтика//Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 98.

¹⁰ Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 286.

¹¹ Bassnett S. Translation Studies. London and New York, 2002, С. 44.

¹² Барт Р. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 424.

¹³ Пешкова Н.П. Модель учебного дискурса: информационный, когнитивный и психолингвистический аспекты // Уфа: УГАТУ, 2008. С. 274–276.

¹⁴ Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов на материале современного английского языка. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 7.

Поступила в редакцию 28 ноября 2008 г.

ГРАММАТИКА И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'322

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВ ПЕРСИДСКИХ ГЛАГОЛОВ: ФОРМАЛЬНЫЕ VS. НЕЙРОСЕТЕВЫЕ ПРАВИЛА

Р.Г. Пиотровский, А.В. Луканин

AUTOMATIC DETERMINATION OF PERSIAN VERB STEMS: FORMAL VS. NEURAL NETWORK RULES

R.G. Piotrowski, A.V. Lukanin

В статье рассматриваются 2 подхода к автоматическому выводу основы настоящего времени из основы прошедшего времени персидских глаголов. Описываемая система генерации форм глаголов, основанная на фреймовом подходе, использует формальные правила и лексикон исключений. Предлагаемый нейросетевой подход, кроме того, позволяет выводить скрытые закономерности в формировании основ и не требует лексикона исключений.

Ключевые слова: искусственная нейронная сеть, фрейм, вычислительная морфология.

The paper presents two approaches for automatic generation of present stems out of past stems of Persian verbs. Described Persian Verb Conjugator based on frame approach use formal rules and exceptions lexicon. Proposed neural network finds hidden regularities in stem generation and does not require a separate exceptions lexicon.

Keywords: artificial neural network, frame, computational morphology.

Одним из популярных приемов организации выходного результата в системах ИИ, АПТ и обучающих лингвистических автоматов 60-х начала 90-х годов явилось использование заранее заготовленных шаблонов-ожиданий, или фреймов. Этот прием был подсказан машинной метафорой человеческого интеллекта, предложенной в период первой когнитивной революции. Вторая когнитивная революция середины 80-х годов поставила под сомнение предположение о жестко фреймовом характере самого человеческого мышления. Однако фреймовая методика успешно применяется для решения различных прикладных задач автоматической переработки текста (АПТ).

В связи с трудностью обучения спряжению персидских глаголов нами была разработана система автоматической генерации парадигм глаголов Persian Verb Conjugator (PVC), основанная на фреймовом подходе. Система PVC расположена по адресу: <http://sartre2.byu.edu/persian/pvc/>.²

В PVC каждой форме глагола соответствует строго определённый фрейм, слоты которого либо остаются пустыми, либо заполняются псевдо-аффиксами, вычисляемыми для каждого глагола на основе фонологических правил. Под псевдо-аффиксом понимается последовательность букв, неизоморфная суффиксу в традиционной грамматике. К примеру, инфинитив «sukhtan» (سوختن) делится на первичное причастие (the primordial participle) «sukh» и суффикс «tan» в Академической грамматике современного пер-

Пиотровский Раймонд Генрихович, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики РГПУ им. А.И. Герцена. E-mail: rgp22@mail.ru

Луканин Артем Викторович, аспирант кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Р.Г. Пиотровский. E-mail: artyom@popdict.com

Rajmund G. Piotrowski, PhD, professor of the department of the Computational linguistics of the Herzen University. E-mail: rgp22@mail.ru

Artem V. Lukanin, post graduate of the department of Linguistics and Intercultural Communications, SUSU. Scientific adviser – PhD, professor Rajmund G. Piotrowski, PhD. E-mail: artyom@popdict.com

Грамматика и прикладная лингвистика

сидского языка¹, в то время как в PVC инфинитив делится на основу прошедшего времени «sukht» и псевдо-аффикс «an».

Для большинства глаголов в PVC выводится 112 словоформ. Тем не менее, функция генерации форм глагола, используемая как в системе PVC, так и в тестах по спряжению, может сгенерировать 240 словоформ (120 в активном залоге и 120 в пассивном залоге). В функции генерации содержится 120 фреймов для генерации форм глагола в активном залоге и 1 фрейм для генерации причастия прошедшего времени, который в соединении с фреймами активного залога формирует все формы пассивного залога.

Каждая словоформа персидского глагола образуется на базе одной из двух основ: основы настоящего времени (презентной основы) и основы прошедшего времени (претериальной основы). Основа прошедшего времени автоматически получается из инфинитива. Трудность представляет получение основы настоящего времени. Карин Мегердумизн отмечает, что данные основы невыводимы одна из другой², однако, Джон Эндрю Бойл предложил 10 групп глаголов, имеющих похожие соответствия между основой настоящего и основой прошедшего времён³. Взяв за основу эти 10 групп, нами было создано 10 правил вывода основы настоящего времени из основы прошедшего времени. Данные правила позволяют получить корректные основы настоящего времени для многих составных глаголов и глаголов, образованных с помощью префиксального словообразования, т.к. для выбора правила используется псевдо-окончание глагола. Исключения из правил записаны в лексиконе исключений. Составные глаголы, имеющие в составе глаголы-исключения, также интерпретируются системой

корректно, однако, т.к. в системе PVC нет особого правила для получения леммы глагола-исключения из глагола, образованного из него с помощью префиксального словообразования, то каждый глагол-исключение должен быть записан в лексиконе вместе со всеми его производными.

Отличие этих правил от 10 групп глаголов Бойла заключается в том, что вместо двух мы использовали только одно правило для инфинитивов, заканчивающихся на псевдо-окончания -ndan (например, afkandan) и -rdan (например, āvardan). Так, для получения основы настоящего времени этих глаголов необходимо удалить 3 последние буквы инфинитива, чтобы получить корректные основы 'afkan' и 'āvar'. Глаголы, оканчивающиеся на эти псевдо-аффиксы, но требующие дополнительные трансформации (например, 'bordān-bar'), помещаются в лексикон исключений. В системе PVC инфинитив глагола первоначально ищется в лексиконе исключений, и, если не найден, к нему применяются правила вывода основы настоящего времени (рис. 1). Таким образом, если глагол 'bordān' отсутствует в лексиконе исключений, то будет сформирована неверная основа *bor.

Кроме того, мы используем 2 правила для инфинитивов, оканчивающихся на -estan (например, bāyestan) и -stan (например, jāstan), в то время как Бойл поместил такие глаголы в одну группу. Для получения основ настоящего времени этих глаголов первое правило удаляет псевдо-окончание -estan, а второе правило удаляет псевдо-окончание -stan и добавляет -h, таким образом, мы получаем правильные основы 'bāy' и 'jah'.

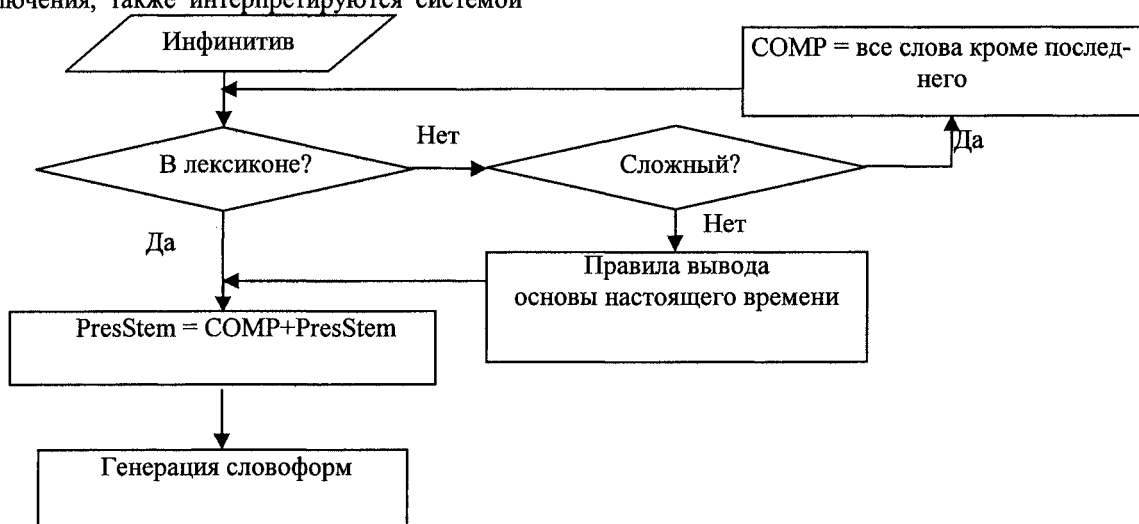

Рис. 1. Алгоритм системы PVC

Выбор правила зависит от 4-й буквы с конца. Правило состоит в том, чтобы удалить определённое количество букв с конца и добавить опреде-

лённые буквы в конец полученной комбинации букв. Для выбора некоторых правил необходимо взглянуть на 5-ю букву с конца инфинитива.

В связи с тем, что в персидском письме огласовки (краткие гласные) обычно не пишутся, правила для определения основы настоящего времени должны быть более сложными. Но так как во внимание принимается 4-я буква с конца, только одна краткая гласная может стоять в этой позиции в транслитерации – буква 'a' (например, глагол 'zadan'). Таким образом, для глаголов, записанных на персидском алфавите, мы используем те же 10 правил, но правило для глаголов с псевдо-окончанием '-adan' выполняется последним. В данном случае сравнивается не 4-я, а 3-я буква с конца, т.к. вторая буква с конца транслитерированного глагола, краткая гласная 'a', не пишется в персидском письме.

Трудности всё же существуют при выборе между правилами '-stan' и '-estan', т.к. краткая гласная 'e' не пишется. Т.к. Бойл приводит только 4 примера для глаголов, оканчивающихся на '-stan', мы сделали правило на основе структуры этих глаголов: 2 из них состоят из 4-х букв, т.е. перед псевдо-аффиксом -stan стоит только 1 буква (например, جستن), а 4-я с конца буква двух других глаголов – алеф (например, خواستن). Таким образом, если инфинитив не удовлетворяет этим условиям, то к нему применяется правило '-estan'.

В современном персидском языке широко используются так называемые сложные (составные) глаголы, которые образуются сочетанием имени с глаголом⁴ (около 90% всех персидских глаголов – составные). Наиболее частотные глаголы, используемые в глагольном словообразовании: kardan (کردن), shodan (شدن), dādan (دادن), zadan (زدن), budan (بودن), dāshtan (داشتن), sākhtan (ساختن), и т.д. Так как презентные основы большинства из них невыводимы с помощью наших правил (кроме глаголов dāshtan и sākhtan), они записаны в лексиконе исключений. Генерация всех глагольных парадигм составных глаголов возможна, если корректно генерируются словоформы глаголов, входящих в их состав либо используя основу настоящего времени из лексикона исключений, либо получая её при помощи основообразующих правил (см. рис. 1). К примеру, если глагол 'kardan' находится в лексиконе исключений, мы получим корректную основу настоящего времени для глагола 'tabdīl kardan' (تبدیل کردن) – tabdīl kon (تبدیل کن). Основа же настоящего времени глагола 'bāz dāshtan' (باز داشتن), к примеру, будет корректно выведена (bāz dār, باز دار), используя правило "-shtan" (удалить -shtan и добавить -r) без обращения к лексикону исключений.

В настоящее время лексикон исключений насчитывает 95 глаголов. Так как большинство из них используется для образования составных глаголов, считается, что система PVC способна сгенерировать правильные парадигмы около 90 –

95% всех персидских глаголов (включая возможные неологизмы).

В системе PVC используется подход, при котором буква в определённой позиции глагола влияет на выбор правила вывода презентной основы из претериальной. Как известно, ребёнок в первые годы своей жизни выявляет знания о языке самостоятельно без помощи каких-то определённых формальных грамматик подобных тем правилам, которым впоследствии его учат в школе. Аналогично этому взрослые люди не могут объяснить, почему одно сочетание букв/слов верно, а другое нет. Это интуитивное знание фактически является автоматически формируемой грамматикой мозга человека: чем больше человек приобретает однотипных знаний, тем грамматичней они становятся. Лингвистические грамматики, описанные лингвистами в учебниках, являются осмыслением, формализацией этого опыта, преобразованием его в словесные правила.

Моделирование процесса автоматического приобретения знаний является на сегодняшний момент попыткой преодолеть те трудности, которые возникли при решении лингвистических задач, таких как машинный перевод, попыткой решать эти задачи более интеллектуально. Наиболее адекватной, хотя и очень грубой с биологической точки зрения моделью мозга человека является искусственная нейронная сеть (ИНС). Это своего рода промежуточный уровень между лингвистическим формализмом, к примеру, лингвистическими сетями, и нервной системой, биологическими нейронами мозга человека.

Дэвид Румельхарт и Джеймс МакКлелланд успешно обучили однослойную нейросетевую модель для генерации форм прошедшего времени английских глаголов, используя алгоритм обучения персептрона⁵, причем их исследование согласуется с исследованиями, проводимыми психолингвистами: сеть проходит те же этапы обучения, какие проходят дети при овладении английскими глаголами. Их ассоциативная нейронная сеть сопоставляет форму настоящего времени глагола с формой прошедшего времени. Такой подход критиковался Стивеном Пинкером⁶ за невозможность повторения эксперимента с другими глаголами, в том числе придуманными. Мы придерживаемся мнения, что мозг человека как-то формализует знания и для облегчения обучения искусственной нейронной сети необходимо предъявлять частично формализованные знания.

Нами была предпринята попытка смоделировать процесс вывода презентной основы персидского глагола, записанной в персидском алфавите, из претериальной с помощью многослойного персептрона. Задача состояла в том, чтобы научить ИНС определять зависимость между буквенным составом претериальной основы

Грамматика и прикладная лингвистика

и правилами модификации её для получения презентной основы (назовём их аддитивными правилами).

На вход ИНС подавался вектор из 198 бинарных чисел, соответствующих 6 буквам претериальной основы, выровненных по окончанию. Каждая буква представляет собой подвектор, состоящий из 33 бинарных чисел, соответствующие 32 буквам персидского алфавита и пробелу

(обозначаемому «_»), где все числа равны 0 кроме кодируемого символа, который равен 1. Для обучения двум аддитивным правилам («افکنند-افکن» и «افروز-افروخت») на выходе использовался вектор из 4 бинарных чисел, соответствующих 4-м элементарным операциям: удалению 1, 2, 3 букв с конца и добавления буквы 'ز' в конец. На внутреннем слое перцептрона использовалось 3 нейрона (рис. 2).

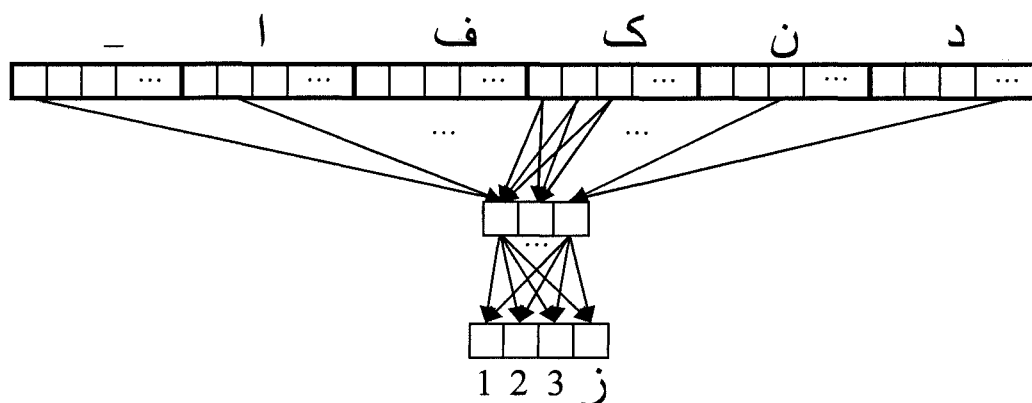

Рис. 2. Модель искусственной нейронной сети для генерации основы настоящего времени персидских глаголов. ИНС является полносвязной, для удобства изображены не все связи и не все ячейки входного вектора

Для выведения 1-го «интуитивного» правила, фактически являющимся совокупностью весовых коэффициентов ИНС, оказалось достаточным обучить ИНС на одном глаголе, т.к. сравнивать претериальную основу было не с чем. Для автоматического отнесения 36 глаголов к 2 аддитивным правилам потребовалось обучить ИНС на 3-х случайно выбранных глаголах каждого аддитивного правила. Следует отметить, что здесь используется отличный от PVC метод генерации основы настоящего времени. При описании формальных правил PVC мы сравнивали 3-ю букву с конца инфинитива, и в зависимости от неё определяли действия (удаление и добавление букв). В данном случае ИНС предъявляются только аддитивные правила, а основания для применения этих правил выявляет сама ИНС. Так, к ряду глаголов-исключений применяются те же аддитивные правила, определённые в PVC, но для ИНС они не являются исключениями. Следовательно, ИНС выявила скрытые закономерности отнесения глаголов к аддитивным правилам, которые трудно формализовать, используя обычные лингвистические сети.

Как мы видим, автоматический вывод основы настоящего времени из основы прошедшего времени персидских глаголов возможен как при использовании формальных правил, так и при использовании искусственной нейронной сети, но в последнем случае не требуется лексикон исключений. Т.е. ИНС выявляет те закономерности, которые лежат в основе зависимости двух, казалось бы, ничем не связанных основах персидских глаголов.

¹ Navid Fazel. 2006. *Academic Grammar of New Persian*.

<http://www.fazel.de/dastur/EN/index.html>

² Karine Megerdumian. *Finite-state morphological analysis of Persian*. In Proceedings of the Workshop on Computational Approaches to Arabic Script-based Languages. Coling 2004, University of Geneva. August 28, 2004.

³ Boyle, John Andrew. *Grammar of modern Persian*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1966.

⁴ Мошкало В.В. Персидский язык. Языки мира РАН. Ин-т языкознания; Редкол.: В.Н. Ярцева (пред.) и др. М.: Индрик, 1997. Иранские языки. Ч. 1: Юго-западные иранские языки / Редкол.: В.С. Расторгуева (отв. ред.) и др. С. 71–102.

⁵ Rumelhart, D. E. and McClelland, J. L. (1986) On Learning the Past Tenses of English Verbs. In *Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition*, vol. 2, pp. 216–271. Cambridge, MA: MIT Press.

⁶ Пинкер, С. Язык как инстинкт: Пер. с англ. / Стивен Пинкер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 456.

Поступила в редакцию 4 декабря 2008 г.

ВЫРАЖЕНИЕ УСЛОВНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕССОЮЗНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ)

Н.А. Пирогов, С.В. Омельченко

EXPRESSION OF CONDITIONAL-CONSEQUENCE RELATIONS IN GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES (ON THE MATERIAL OF ASYNDECTIC COMPOSITE SENTENCES)

N.A. Pirogov, S.V. Omelchenko

Отношения обусловленности традиционно представляют интерес для лингвистических исследований, который обусловлен тем значительным местом, которое они занимают в структурировании мира. Исследование условно-следственных отношений в БСП проводится в сопоставительном аспекте, что представляет определённый интерес в теоретическом отношении и имеет практическую ценность для методики преподавания, в частности, для преподавания грамматики немецкого языка.

Ключевые слова: условно-следственные отношения, бессоюзное предложение, обусловленный и обуславливающий компоненты, предикативная часть, сказуемое.

The relations of condition are of great interest for linguistic studies on account of their great importance in the structure of our world. In this article we compare asyndetic composite sentences, which express conditional-consequence relations in German and Russian languages. We think, it is of interest in theoretical respect and also has the practical value for methodics, especially for teaching of German grammar.

Keywords: conditional-consequence relations, asyndetic composite sentence, the conditioned and conditioning components, predicative part, predicate.

Прежде всего, следует отметить, что слово «условие» является полисемантическим и сложным для определения, и не существует каких-либо чётких рамок для этого определения. Многие авторы пытались дать определение «условию» и, как отмечает Т.В. Нерушева, эти многочисленные попытки «оказались неудовлетворительными, что дало основание сначала А.К. Жолковскому, а затем А. Вежбицкой высказать предположение, что концепт «условие» («if») является одним из тех относительно простых и ясных концептов, которые нельзя свести к более простым концептам. Иначе говоря, концепт условия относится к числу универсальных семантических примитивов, которые нельзя определить, но нужно и можно идентифицировать с помощью так называемых канонических предложений (моделей)»¹.

Пирогов Николай Александрович, профессор кафедры немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета. E-mail: tulpe@planet-a.ru

Омельченко Светлана Владимировна, аспирант, старший преподаватель кафедры немецкой филологии Курганского гос. университета. E-mail: omelchenkosv@yandex.ru.

В «Философском словаре» условие характеризуется «как одна из категорий детерминизма, которая «образует... момент всеобщей диалектической взаимосвязи. В логике объективного отношения между условием и обуславливаемым отражено в форме отношения между условием и следствием в условных суждениях»

Р.М. Теремова отмечает, что функционально-семантическая категория условия – это одна из форм проявления причинно-следственных отношений, на базе которых она и строится³. Главным свойством семантики обусловленности является её полисобытийность, т.е. выражение связи между двумя событиями, действиями, это всегда полипропозитивная структура, информативную основу которой составляет взаимодейст-

Nikolai A. Pirogov, professor of the department of German philology of the Ural State Pedagogical University. E-mail: tulpe@planet-a.ru

Svetlana V. Omelchenko, Kurgan State University, senior teacher of the department of German philology, post-graduate student. Scientific adviser – N.A. Pirogov, professor of the department of German philology, the Ural State Pedagogical University. E-mail: omelchenkosv@yandex.ru

вие двух событий внеязыковой действительности. Наиболее приспособленными для выражения различного рода отношений обусловленности оказываются синтаксические структуры, прежде всего – яруса сложного предложения⁴.

Выяснение специфики условных отношений в ряду других отношений обусловленности потребовало от языковедов определения набора отличительных признаков условия. Характеристика условия сопровождается указанием на гипотетичность (предположительность) как его основной семантический признак и на непосредственный характер связи двух ситуаций. «Специфика условной связи в ряду других видов обусловленности заключается в том, что условность всегда предполагает гипотетичность предопределяющего», – пишет М.В. Ляпон⁵. Из трёх возможных квалификаций явления: 1) как реально соответствующего действительности, 2) как нереального (не соответствующего действительности) и 3) как потенциального (соответствие и несоответствие действительности допустимы в равной мере) в условных предложениях, не осложнённых никакими другими элементами значения, допустимы только вторая и третья. В зависимости от того, какая из двух названных квалификаций имеет место, различаются 1) предложения со значением нереальной обусловленности (нереально-условные) и 2) предложения со значением потенциальной обусловленности (потенциально-условные)⁶. Л.Л. Бабалова подчёркивает, что в основе гипотетичности условия лежит явление альтернативы, выбора из двух возможных явлений. «Значение условия создаётся благодаря наличию альтернативности обуславливающего и обусловленного событий. Отсутствие же такой альтернативности, возможности выбора из двух потенциальных событий, свидетельствует о причинном, а не условном характере зависимости»⁷.

На синтаксическом уровне условно-следственные отношения наиболее полно и специализированно выражаются на уровне сложного предложения.

Именно двусобытийное сложное предложение является средством номинации двух связанных между собой событий и отношений между ними⁸. В сложных предложениях оба события представлены наиболее полно, развёрнуто. Сложное предложение состоит не менее чем из двух предикативных единиц, одна из которых содержит пропозицию условия, другая – пропозицию следствия. Вслед за В.А. Белошапковой целесообразно определить пропозицию как семантическую модель называемого предложением денотата – событий объективной действительности, без учёта субъективных смыслов и семантических языковых наслонений, создаваемых формальной организацией предложения⁹.

Таким образом, сложное предложение, служащее для номинации двух событийных пропозиций, которые соотносятся с событиями реаль-

ной действительности, максимально ориентировано на выражение условно-следственных отношений. Но внутри синтаксического ряда сложного предложения выделяются три единицы – сложноподчинённое предложение, сложносочинённое и бессоюзное сложное предложение, которые в разной степени специализированы на выражении условно-следственных отношений. В качестве доминирующего начала здесь выступает маркированность / немаркированность данной связи¹⁰. Так, ядерной, доминантной единицей оказывается сложноподчинённое предложение, поскольку именно в нём событие-условие и событие-следствие представлены развёрнутыми пропозициями, эти пропозиции маркированы, условно-следственная связь событий передаётся наиболее адекватно и эксплицитно. В других типах сложного предложения – сложносочинённом и бессоюзном – события также представлены развёрнуто (эксплицированы оба события), однако они не располагают специальной системой маркеров. Отсутствие специализированных подчинительных союзов как средства, маркирующего условно-следственную связь действий, в данных типах сложного предложения в определённой мере восполняется возрастающей ролью двучленной структуры предложения, порядком следования предикативных единиц, средствами «скрытой грамматики» – определённым образом организованной, типизированной лексикой. Смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении выявляются на основе лексико-семантического содержания всего высказывания¹¹.

Сложноподчинённые предложения с условно-следственным компонентом всегда были предметом исследований, как в русистике, так и в германистике. Другим типам сложного предложения, также способным выражать условно-следственные отношения, на наш взгляд, не уделялось должного внимания. В данной статье мы рассматриваем именно бессоюзные сложные предложения с условно-следственным компонентом, сравнивая данный тип БСП в русском и немецком языках.

В «Теории функциональной грамматики» определены три основных признака, определяющие специфику значения обусловленности: 1) ситуативный характер; 2) биситуативность, т.е. наличие двух ситуативных выражений, соотносённых друг с другом; 3) иерархическая зависимость компонентов, когда одна часть является обуславливающей, а другая – обусловленной¹².

БСП со значением обусловленности характеризуются наличием вышеназванных признаков, а также ряда дополнительных общих признаков, в частности: 1) определённым интонационным оформлением, связанным с повышением – понижением тона и паузой между частями; 2) соотношением модально-временных планов предика-

тивных частей, когда форма времени и наклонения глагола-сказуемого первой части определяется соответствующей формой глагола-сказуемого второй части; 3) в зависимости от соотношения видо-временных и модальных форм сказуемых, наличия лексических элементов, того или иного порядка следования частей могут наблюдаться дополнительные семантические оттенки; 4) обуславливающая часть обычно находится в препозиции.

В задачу нашего исследования входило сопоставить условно – следственные БСП немецкого и русского языков по следующим признакам: 1) порядок следования обуславливающей и обусловленной частей БСП, а также порядок слов в каждой из предикативных частей предложения; 2) соотношение модально-временных планов предикативных частей.

Рассматривая порядок следования частей БСП в русском языке, следует отметить, что компонент, заключающий в себе условие, в подавляющем большинстве примеров стоит перед обусловленной частью. Это значит, что бессоюзные условно-следственные предложения являются предложениями закрытой структуры с фиксированным расположением частей.

Хватятся – не сносить головы. (А ТГ, 53); А попробуешь уползти – из тебя вся жизнь вытечет. (А СА, 130); Читай он эти телеграммы, вы бы уже стали крематорским дымом. (С ПВ, 541)

Часть БСП в немецком языке, функционирующая в качестве обстоятельства условия, также занимает первое место в сложном предложении. Таким образом, условные БСП являются двухкомпонентными сложными предложениями с фиксированным расположением частей, например: *Würde Philippe jetzt sagen «Es gibt niemanden, der dir das abnehmen kann heute», würde sie nachgeben, sofort. (112); Waren wir alleine zu Hause, stand sie stundenlang am Fenster. (ND MF, 77)*

Фиксированный порядок следования частей в условном БСП и русского, и немецкого языков является обязательным именно для бессоюзных комплексов, тогда как в СПП, где союзом маркируется компонент сложного предложения, выполняющий функцию обстоятельства условия, порядок следования частей относительно свободный.

Хотя в БСП всё же встречаются примеры с обратным расположением частей, но такой порядок следования частей более характерен для БСП русского языка, у которых в обуславливающей части употреблён глагол в форме повелительного наклонения, в немецком же языке нам мы зафиксировали только отдельные примеры.

А ведь вы могли бы стать спасителем нации, решишь на то, что сами не подавили год назад. (С ПВ, 422.)

Другое дело, я бы мог стать полезным, получи я от вас такого рода гарантию, которая убедит меня в моей вам нужности... (С ПВ, 422)

Aber diese Trennung würde sich nicht aufrecht erhalten lassen, wäre ich nicht tatsächlich aus meiner Haut gefahren (EWH W, 274).

Wahrscheinlich wären viele Gedanken klarer und manche Argumentationen wirkungsvoller, würden die Gedanken immer nur per Sie miteinander verkehren (EWH W, 275).

Исключением из правила можно назвать также единичные примеры, когда предикативный компонент, выражающий условие, вклинивается в предикативную часть, выражающую следствие.

Ich werde, sollte erst einmal die Tür in einem kleinen Hotel am schönsten Punkt der Welt, wie Sie erklären, ins Schloss gefallen sein, alles unternehmen, um Sie an diesem Ort... (BK S, 239).

Обращает на себя внимание порядок слов в предикативных единицах в составе условных БСП: для данного типа сложных предложений характерным является расположение именной части глагола-сказуемого на первом месте либо в обоих компонентах БСП, либо в той части, которая функционирует в качестве обстоятельства условия.

He удалось бы сбежать – молил бы о пощаде, совал взятки судьям. (А СА, 171); Отдашь сто тысяч наличными – помогу уйти. (С ПВ, 602)

А попробуешь уползти – из тебя вся жизнь вытечет. (А СА, 130)

... und wären dabei nicht Hunderte von PS zum Einsatz gekommen, mit der Folge einer mächtigen Heckwelle hinter der Squadron, hätte sie vielleicht noch erkannt, daß es der Blonde aus dem Lokal war... (BK S, 162)

Wäre sie nur ein paar Jahre älter, die Bilanz wäre eindeutig (EWH W, 149); Wüßten die Leute davon, sie würden keinen Respekt mehr vor mir haben... (EWH W, 86);

Однако такой порядок слов является хотя и типичным для рассматриваемой структурно-семантической группы БСП, но не обязательным. В русском языке мы зафиксировали несколько условных БСП с порядком слов простого повествовательного предложения в обоих компонентах:

Слух разнесётся – весь город животики надорвёт (А ОП, 22). А дров наломаешь – в порошок сотру (А ОП, 23). Бог не выдаст, свинья не съест. (А ЛС, 94); В три дня мне убийцу не найдёшь – двести рублей заплатишь. (А ЛС, 108)

Что касается немецкого языка, то порядок слов простого повествовательного предложения в обеих частях мы также отметили в нескольких примерах. Но нетипичность постановки сказуемого не на первом месте в обуславливающей части требует дополнительного средства реализации условия, а именно употребления в следственном компоненте коррелята dann.

Jetzt galt es nur noch, den Autor zu schnappen, ..., dann wäre sein Einstand als Privatdetektiv perfekt. (BK S, 35); Ich hätte sie entmutigen können,

dann hätten sich andere ans Werk gemacht (EWH W, 213)

В общем и целом, однако, количество БСП с участием коррелятов невелико как в русском, так и в немецком языках, т.е. корреляты не относятся к структурным признакам БСП.

Проиграл бы, так сам же и выкупил бы. (В БН, 133).

Übt er starken Einfluss aus, dann ergibt sich wieder die Anfangsschwierigkeit. (EWH W, 195)
Würde ich ihm begegnen, so könnte ich ihm von der Nebel erzählen... (EWH W, 192).

Что касается соотношения видо-временных планов предикативных частей, то ещё А.Б. Шапиро рассматривал корреляцию видо-временных форм сказуемых в БСП как одно из средств синтаксической связи, утверждая, что при соответствующей интонации и при наличии определённых форм сказуемого в первой части и соответствующих ему форм во второй отношения между частями воспринимаются как условно-следственные¹³.

На основании этого грамматического признака – модально-видо-временной соотносительности глагольных форм – в БСП русского языка выделяются пять групп среди предложений со значением обусловленности.

1. Предложения, в обеих частях которых в качестве сказуемых употреблены формы изъявительного наклонения глагола. Это предложения с реальной модальностью, выражающие потенциально возможное действие.

Наиболее распространёнными формами сказуемых обеих частей условно-следственных отношений являются глаголы совершенного вида в форме настоящего или будущего времени конкретного единичного действия.

Я вот заберу тебя в участок, ты у меня другому запоешь! (А СА, 42); *Отдашь сто тысяч наличными – помогу уйти.* (С ПВ, 602); *И сам грамотный: захочу, сам такое напишу, что вы все закачаетесь.* (У СЛ, 107).

2. Предложения с формами инфинитива в одной или обеих частях. Условно-следственные отношения могут быть выражены также сочетанием инфинитива с различными глагольными формами. При этом инфинитив может употребляться как в первой предикативной части, которая называет действие-условие, так и во второй, содержащей действие-следствие. Предикативная часть, содержащая инфинитивную конструкцию, обычно употребляется для выражения обобщённого действия-условия, отнесённого к обобщённому субъекту.

Инфинитив, употреблённый в первой предикативной части, в этом случае называет какое-либо возможное, потенциальное действие, наряду с которым возможны и другие варианты.

Потом броситься под ноги – вторая пуля пройдёт над головой. (А СА, 300) *На лестнице*

стрелять – конечно, услышат, а если внутри, то навряд ли. (А СС, 220); *Нельзя похитить – договорится.* (А ТГ, 158)

Инфинитив с частицей **бы** + сослагательное наклонение:

...знать бы заранее, что так будет, лучше было бы заехать за ним в Сокольники, на самую выставку, и сюда приволоочь... (У СЛ, 139)

...а сахарница была определённо серебряная, потемневшая – её бы зубным порошком потереть, блестела бы как новенькая... (У ИВШ, 66)

Если инфинитив употреблён во второй предикативной части, то мы чаще всего имеем дело с конструкциями, в следственном компоненте которых отношения между семантическим субъектом и его действием носят модальный характер возможности / невозможности, необходимости или желательности совершения действия.

Моё дело солдатское: начальство приказало – выполнять (А СА, 65); *Хватятся – не сносить головы.* (А ТГ, 53).

Инфинитив может находиться и в обеих частях потенциального условно-следственного предложения. Такие предложения, как правило, приобретают семантику вывода, т.е. мы легко можем добавить, если оно уже не содержится в тексте, слово «значит».

Уехать с Луканом – навсегда погубить свою репутацию, да ещё неизвестно, чем кончится. (А ТГ, 100); *Отказать – сорвать полученное задание.* (А ТГ, 100); *Успеть выдернуть – значит не попасть в кость.* (В БН, 197)

На материале немецкого языка мы не обнаружили ни одного примера БСП с условно-следственными отношениями компонентов, сказуемое в предикативных частях которых стояло бы в форме инфинитива.

3. Предложения, в обусловленной части которых употреблены глагольные формы повелительного наклонения, в обусловливающей – формы изъявительного наклонения.

Конструкции, которые можно отнести к данной группе, характеризуются тем, что побуждение к совершению действия актуализируется ситуацией – условием, которое может быть реализовано, а может быть и не реализовано. Такие предложения относятся к потенциально-условным высказываниям побудительного типа. Во второй предикативной части таких конструкций содержится побуждение к действию, которое становится возможным при осуществлении действия, выраженного глаголом изъявительного наклонения. Побуждение в указанных предложениях не носит категоричности приказа, оно смягчается и скорее имеет форму совета, разрешения, угрозы, просьбы, предостережения и т.п. Побудительность может быть обращена к непосредственному собеседнику, а может относиться и к третьему лицу.

Бог отца, строгий и злопамятный, учил: ударят по правой щеке – подставь левую... (А СА,

181) *Пришла беда – открывай ворота!* (У ИВШ, 61).

Для немецкого языка такое сочетание модально-временных планов не является употребительным, хотя и вполне возможным. Побуждение в обусловленной предикативной части выражает приглашение к совместному действию, оно абсолютно не категорично, т.е. употребление императива в обусловленной части БСП условия в немецком языке синонимично значению императива в русском языке в данном типе предложений. Существенно отличается, однако, частота и распространённость БСП с таким соотношением модально-временных планов в русском и немецком языках.

Hast du Hunger, wollen wir zusammen Abendbrot essen, Fischstäbchen, Brot und Wein, wie wäre das? (EWH W, 251).

4. Бессознательные предложения с формами повелительного наклонения (в значении условного) в обусловливающей части.

Глагол в форме императива может выступать в БСП в качестве сказуемого также и в первой, сообщающей об условии предикативной части. Смысловые отношения между компонентами БСП данного типа выражены на морфологосинтаксическом уровне. Специфика данных конструкций заключается в грамматическом строении сказуемого обусловливающей части: в значении условного наклонения употребляются формы повелительного наклонения, что имеет место лишь в пределах БСП. Исследователи отмечают в данном случае квазиимперативный тип употребления формы повелительного наклонения, т.к. глагол в форме повелительного наклонения имеет в данных конструкциях значение изъявительного или сослагательного наклонения. Е.Н. Ширяев отмечает в своём исследовании несвободную структуру данных предложений, их форма включает глагол, план выражения которого – повелительное наклонение, а план содержания – особая, отнюдь не повелительная функция – поместить предикативную конструкцию, включающую данный глагол, как условие по отношению к другой предикативной конструкции¹⁴. Таким образом, условно-повелительная глагольная форма служит лексико-грамматическим показателем тесной взаимосвязи компонентов. На особую значимость глагола в данных структурах указывает и его препозиция в обусловливающей части. Если для всех остальных групп анализируемых БСП препозитивное положение глагола было характерно, то в условно-повелительных конструкциях оно обязательно.

Самая распространённая комбинация сказуемых – «императив + форма будущего времени», причём, как уже отмечалось, форма повелительного наклонения имеет значение изъявительного наклонения.

Поживи с моё, научисься людей от зверей по глазам различать. (К А, 367) *Кто чужой сунься – враз догола разденут, и ещё скажи спасибо, если живой ноги унесёшь.* (А ЛС, 15) *Сумеи они заставить себя понять это – оставался бы маленький шанс на спасение.* (В ЕОП, 58)

На материале немецкого языка нам встретился единственный пример, когда глагол в форме повелительного наклонения употреблён в обусловливающей части, обусловленная часть введена в этом случае с помощью коррелята *dann*, помогающего уточнить условно-следственные отношения.

Lacht mich ruhig aus, dann werde ich nach Italien ziehen. (EWH W, 386)

Кроме того, значение императива в данном предложении полностью сохраняется, чего мы не наблюдаем в примерах из русского языка. Таким образом, можно сказать, что данная группа БСП широко представлена в русском языке, при этом значение императива равно значению изъявительного наклонения. Для немецкого языка данное соотношение глагольных форм абсолютно нехарактерно, при этом в приведённом примере императив сохраняет своё значение.

Во втором предикативном элементе сказуемое может быть употреблено в сослагательном наклонении, а в первом употребляется сказуемое в форме повелительного наклонения. Это достаточно часто встречаемое сочетание временных и модальных планов в русских БСП, выражающих отношения условия – следствия. Формы повелительного и условного наклонения в пределах БСП с условно-следственными отношениями выступают как контекстуальные синонимы¹⁵.

В детстве я занималась гимнастикой; тренер стал моим богом; прикажи он мне выброситься из окна – я бы выбросилась... (С ПВ, 425)

..., и, *вращайся она в европейских монархических кругах, губа её считалась бы габсбургской...* (У СЛ, 135)

Случаи использования в немецком языке вместо сослагательного наклонения со значением невыполненного условия повелительного наклонения вообще не были нами отмечены.

5. Конструкции с глагольными формами условного наклонения в обоих компонентах.

В ирреально-условных БСП читатель получает информацию о гипотетических условиях и следствии, которые могли бы осуществиться в прошлом, но по каким-то причинам не осуществились. Действие носит нереальный характер и отнесено к плану настоящего или прошлого. Сказуемые в обеих предикативных частях ирреально-условных предложений представлены глаголами в сослагательном наклонении.

Послушал бы Тихон Иваныч, вологодский мой Штирлиц, – вот бы порадовался! (В ЕОП, 131))

Будь я на его месте, я бы из неё душу вытряс, а узнал бы, на чьи деньги живу. (М ГТ, 164)

По нашим подсчётам, в русском языке БСП с ирреальной модальностью существенно меньше, чем предложений с реальной модальностью. Их соотношение составляет 15% БСП с формами сослагательного наклонения к 85% предложений с употреблением форм индикатива.

Почти в 50% проанализированных БСП с условно-следственными отношениями между компонентами в немецком языке указывается ирреальное условие, грамматически выраженное сослагательным наклонением, причём условие может быть гипотетическим и абсолютно ирреальным, что выражается в немецком языке употреблением различных форм конъюнктива:

Ich wette, würde der doch noch auf die Idee kommen, bei uns einzubrechen, Mama würde es ihm verzeihen. (AH IG, 181) Würdest du mehr essen, wäre dir auch nicht so kalt! (AH IG, 216)

Wäre mein Bruder mir nicht zu Hilfe geeilt, so wäre sie fortgegangen. (ND MF, 70); Hätte der Schrei nicht den Nebel zerrissen, dann wäre er an sich selbst ertrunken – ein grauenvoller Tod. (PS P, 171)

Итак, БСП с условно-следственными отношениями между компонентами в русском и немецком языках имеют одинаковые структурные характеристики. Различия наблюдаются в количественной представленности БСП с разной модальностью (реальное и ирреальное условие). Различия отмечаются также в способах выражения ирреального условия: в русском языке возможно использование повелительного наклонения в значении невыполненного условия, что абсолютно невозможно в немецком языке. Употребление форм инфинитива в условно-следственных БСП немецкого языка также невозможно.

Список литературных источников и их сокращений:

1. АЛС – Акунин Б. Любовник смерти. М.: Захаров, 2002.
2. АОП – Акунин Б. Особые поручения. М.: Захаров, 2002.
3. АСА – Акунин Б. Смерть Ахиллеса. М.: Захаров, 2002.
4. АСС – Акунин Б. Статский советник. М.: Захаров, 2002.
5. АТГ – Акунин Б. Турецкий гамбит. М.: Захаров, 2002.
6. ВБН – Васильев Б. Были и небыли. М.: Вагриус, 2004.
7. ВЕОП – Вайнер А. А., Вайнер Г. А.. Евангелие от палача. М.: А/О Международная книга, West-East communication, Inc, N-Y, 1993.
8. КА – Константинов А. Адвокат. М.: Олма-Пресс; СПб.: Нева, 1999.
9. МГТ – Маринина А. Городской тариф. М.: Эксмо, 2006.
10. СПВ – Семёнов Ю. Приказано выжить / Ю.Семёнов. Семнадцать мгновений весны. М.: Эксмо-Пресс, 1997.
11. УИВШ – Улицкая Л. Искренне Ваш Шурик. М.: Эксмо, 2005.
12. УСЛ – Улицкая Л. Сквозная линия. М.: Эксмо, 2003.
13. АН IG – Alexa Hennig von Lange. Ich habe einfach Glück. Rogner & Bernhard bei Zweitausendeins GmbH & Co. Verlag KG, Hamburg, 2001.
14. ВК S – Bodo Kirchoff. Schundroman. Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, Frankfurt am Main, 2002.
15. EWH W – Ernst-Wilhelm Händler. Wenn wir sterben. Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, Frankfurt am Main, 2002.
16. ND MF – Nelly Däs. Das Mädchen vom Fährhaus. Georg Bitter Verlag KG, Recklinghausen, 1988.
17. PS P – Patrick Süskind. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Diogenes Verlag AG Zürich, 1985.

¹ Нерушева Т.В. Выражение категории условия при помощи средств лексической семантики: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. : (10.02.01, 10.02.19). Орёл, 2003. С. 8–9.

² Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф.Ильичев и др. М., 1983. С. 707.

³ Теремова Р.М. Категория условия в функциональном аспекте: Лекция. Л.: ЛГПИ, 1988. С. 4.

⁴ Теремова Р.М. Функционально-грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке: дис. ... д-ра филолог. наук. Л., 1988а. С. 42.

⁵ Русская грамматика: М., 1980. Т. II. С. 562–563.

⁶ Там же.

⁷ Бабалова Л.Л. Семантические разновидности причинных и условных предложений в современном русском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. М., 1974. С. 19.

⁸ Гулыга Е.В. Сложноподчинённые предложения и денотативный аспект. М., 1977. Вып. 12. С. 51–60.

⁹ Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории). М.: Просвещение. 1967. С. 481.

¹⁰ Гулыга Е.В. Цит. соч.

¹¹ Ширияев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986. С. 58.

¹² Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А.В. Бондарко. М., 2003.

¹³ Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: АН СССР, 1953. С. 52–64.

¹⁴ Ширияев Е.Н. Цит. соч.

¹⁵ Шендельс Е.И. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке). Докт. дисс. М., 1964. С. 77.

Поступила в редакцию 1 декабря 2008 г.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 801. 541. 2: [804.0+809.432.1]

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПРАГМАСЕМАТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Л.Р. Абдуллина

FUNCTIONAL USE OF VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS AND PRAGMASEMANTIC IN THE NEWSPAPER TEXT OF THE FRENCH AND TATAR LANGUAGES

L.R. Abdullina

В центре данной статьи лежит функционирование глагольных фразеологических единиц (ГФЕ) в языке газеты с точки зрения прагмасемантики как новой научной парадигмы начала XXI века. Выделяются основные типы семантического развертывания информации ГФЕ, реализующие коммуникативно-прагматические намерения авторов газетных статей.

Ключевые слова глагольные фразеологические единицы, прагмасемантика, газетный текст.

The article is centered around the problem of functional use of verbal phraseological units in a newspaper language from the pragmasemantical point of view which is considered to be a new scientific paradigm of XXI century. The main types of semantic extension of the information conveyed in verbal phraseological units which realize communicative end pragmatic intentions of newspaper articles' writers are singled out in this paper work.

Keywords: verbal phraseological units, pragmasemantic, newspaper articles.

Изменения в общественной жизни влекут изменения в языке, которые носят целенаправленный характер на всем англоязычном пространстве, и тут же тиражируются другими языками. Влияние этих целенаправленных действий мы ощущаем и в русском языке. темпоральным и пространственным, но и выявлять политические взгляды и пристрастия авторов.

Последняя треть XX века характеризуется зарождением, становлением и поиском методологических основ различных гибридных лингвистических наук таких, как психолингвистика, нейролингвистика, психосемантика, компьютерная лингвистика и другие. Существенное значение для развития научной мысли играет возникновение новой научной парадигмы, получившей название коммуникативно-прагматической, в рамках которой рассматривается функционирование фразеологических единиц (ФЕ). «Основная

цель коммуникативно-прагматического исследования фразем – познание прагматических свойств фразеологических единиц в живых коммуникативных актах»¹. Известный французский лингвист Ролан Барт указывал на необходимость создания новой лингвистики – транслингвистики, которая рассматривала бы всю совокупность вопросов относительно текста и реализации свойств языковых единиц в нем². В начале XXI века такая «транслингвистика» получила название «прагмасемантики». В настоящее время прагмасемантика рассматривается многими лингвистами как новая научная парадигма, образующаяся в результате взаимодействия таких категорий, как «психосемантика», «общественное сознание», «национально-языковое сознание» и «коммуникативно-прагматическая лингвистика»

В основе нашего понимания данной научной теории лежит концепция Н.Ф. Алефиренко, со-

Абдуллина Лилия Рафаиловна – аспирант кафедры контрастивной лингвистики и перевода ТГГПУ, научный руководитель – к.филол.н., профессор Р.Г. Мухаметдинова. E-mail: lilioven@mail.ru

Liliya R. Abdullina – post-graduate student, department of the contrastive linguistics, TGGPU, scientific adviser – Rosa G. Muhametdinova, PhD, professor. E-mail: lilioven@mail.ru

гласно которой прагмасемантика направлена на сужение параметров изучения языковых явлений в рамках коммуникативной лингвистики, при котором осмысление глубинных взаимосвязей коннотации и прагматики происходит путем использования методов когнитивной лингвистики. Такая междисциплинарная интеграция предвосхищается самой логикой речевого общения: «Коммуникативная интенция – смысл-высказывание-понимание и интерпретация», где одновременно предполагают друг друга коммуникативные и когнитивные компоненты речевой деятельности»³. В самом деле, вся жизнь человека, осмысленная в категориях общественного сознания, фиксируется, интерпретируется и обобщается в категориях языкового сознания, которые вербализуются системой лексико-фразеологических средств, единицами прямой, не прямой и косвенно-производной номинации. Такие языковые единицы выполняют не только функцию номинации, но и выражают к именуемому в структуре соответствующего коммуникативного акта разнообразные отношения эмотивного, экспрессивного и оценочного характера. В связи с этим человек как создатель таких языковых знаков оказывается центральной фигурой языка и, прежде всего, его экспрессивно-образной макросистемы.

Рассматривая функционирование ФЕ через призму прагмасемантики, следует сказать, что именно в тексте они проявляют свои антропоцентрические свойства, поскольку они служат не столько косвенно-производными средствами обозначения предметов, явлений, ситуаций, сколько средствами выражения отношения к ним человека. Языковая природа и специфика ФЕ обуславливает их гармоничную связь с прагматикой речевого общения и языковым сознанием. Таким образом, ФЕ реализуется в коммуникативно-прагматической ситуации, обеспечивающей адекватное понимание адресатами языкового значения в структуре смыслового содержания высказывания. Поскольку исследованию подвергаются ФЕ языка газеты, то коммуникативно-прагматическая ситуация в газетных текстах может быть представлена следующим образом: журналист является информантом, задача которого заключается в представлении содержания мысли в тексте, единицы которого вступают во взаимосвязь и характеризуются смысловой последовательностью. Текст – это результат взаимодействия кодирования и декодирования, озвучивания и понимания сообщения. Задача адресата заключается в адекватном понимании закодированной информации, зависящей от его стремления перерабатывать и творчески интерпретировать сообщаемое. Согласно теории Н.Ф. Алефиренко модель коммуникативно-прагматической ситуации можно представить в виде структуры, в центре которой находятся субъект речи (СР) и адресат

(А), фокусирующие все остальные элементы ситуации: а) денотат, б) ассоциативно-образное представление о нем, в) знак в сочетании с другими речевыми знаками высказывания и г) систему знаков, или, точнее, систему элементов языкового сознания.

Очевидно, что такие виды речемыслительной деятельности как номинативный (человек-денотат), отражательно-интерпретирующий (человек-представление), условно-рефлекторный (человек-знак, языковое сознание) направлены на выявление прагмасемантики языковой единицы. Таким образом, прагматические свойства языковых единиц можно исследовать в нескольких аспектах:

А) Первый аспект связан с субъектом речи, использующим различные языковые средства для выражения коммуникативных намерений, подвергающим те или языковые единицы различного рода преобразованиям для придания высказыванию эмоционально-экспрессивной или оценочной окраски.

Б) Второй аспект связан с адресатом речи и исследует языковые единицы с точки зрения их воздействия на адресат, реализации прагматического эффекта. Особую ценность приобретает понимание и интерпретация языкового значения.

В) Третий аспект подразумевает исследование прагматических свойств языковых единиц, зависящих от контекста, влияние речевого окружения на выбор и употребление языковых единиц определенных тематических и семантических групп⁴.

Целью данного исследования является изучение влияния коммуникативной специфики газетного текста на особенности контекстного развертывания значения ФЕ в рамках узальных конфигураций, получивших название скриптов. Объектом исследования являются глагольные фразеологические единицы (ГФЕ) французской газеты «Le Monde» и татарской газеты «Ватаным Татарстан» (2004–2007). Общий объем исследуемых ГФЕ составил 400 единиц.

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленного вопроса, мы считаем необходимым показать механизм включения ГФЕ в газетный текст. При реализации задачи информировать читателя и оказать на него определенное экспрессивно-эмоциональное воздействие, журналист зачастую опирается на совокупность знаний субъекта, являющихся базисной формой когнитивной организации результатов отражения объективных свойств и признаков действительности, получивших в лингвистике название тезауруса личности. Создается коммуникативная цепочка: «автор-текст-реципиент». Чтобы добиться своей цели, автор должен воздействовать на определенные рецепторы индивидуума, связанные с прошлым опытом (знанием о мире, природе, явлениях, вещах), то есть тезаурусом личности. Но

психические процессы внешне недоступны, и извлечь из глубин человеческого сознания можно лишь через структуры их представляющие, какими являются языковые образования. Выявляется, таким образом, связи когнитивной психологии с лингвистикой. «Чтобы извлечь отдельные знания из памяти (то есть задействовать конкретные рецепторы читателя), нужна определенная схема знаний, каркас, который бы в дальнейшем наполнялся определенным содержанием. Таким каркасом является фрейм»⁵. Вслед за Т.С. Гусейновой под фреймом мы будем понимать определенного типа концепт, который обладает минимально необходимым количеством признаков предмета, явления или факта, то есть выражать идею предмета, явления или факта. Применительно к нашему исследованию своеобразным эквивалентом фрейма в языке может служить ФЕ. Фреймы, таким образом, служат теми когнитивными структурами, которые формируют стереотипы языкового сознания. В когнитивной деятельности человека фреймовые структуры обладают ассоциативно-смысловыми связями компонентов. Подобные ассоциации обнаруживают стереотипические конфигурации языкового сознания, вербализуемые ФЕ. Например, во франц. яз. «frustrer qqn d'un avantage en le devantant, en le supplantant» и в тат. яз. «эшне юлгакэйгә салып жибәрү, тәртипкә китерү» как стереотипическая ситуация, зафиксированная в сознании, на основе предсказуемых валентных связей объективируется путем устойчивой ассоциации с воображаемой ситуацией – во франц. яз. «couper l'herbe sous le pied» и в тат. яз. «жайга салу».

Разновидностями фреймовой структуры, вербализуемой ФЕ, являются сценарии, или скрипты, – стереотипные эпизоды, происходящие во времени и пространстве. Фреймовые структуры проецируют лишь общую схему события, а сценарии «оживляют» соответствующие схемы факультативными смысловыми элементами, деталями, порождаемой коммуникативно-прагматической семантикой. Таким образом, скрипт представляет собой нечто иное как актуализацию ФЕ в контексте, которая в газетном тексте может быть реализована посредством трех основных типов семантического развертывания ФЕ: семантического дублирования, семантической интерпретации и семантической конкретизации. Проиллюстрируем данное положение на следующих примерах:

1. Семантическое дублирование подразумевает актуализацию семантического потенциала ФЕ синонимами (реже антонимами). В рамках скриптов, основанных на семантическом дублировании, фреймовый коррелят всегда представлен глагольной лексемой, обеспечивающей актуализацию категориально-семантического признака процессуальности ФЕ.

В татарском языке:

Тагын бер тапкыр тырмага басмау өчен әллә ни гыйлем кирәкми, бары тик сабырлык, уйлап эш итү генә сорала. ... Шуннан соң гыйбрәт алырга, акча белән як-ягыңа карап эш итәргә вакыт та житәрлек булды.

Ватаным Татарстан, 26.04.06.

Исходная форма: «тагын бер тапкыр тырмага басмау – гыйбрәт алу – не наступить на одни и те же грабли, извлечь урок».

ГФЕ «тагын бер тапкыр тырмага басмау» дублируется полностью в рамках абзаца при помощи синонимичного глагольного словосочетания «гыйбрәт алу».

Во французском языке:

Comme Pasteur, je n'accepterai pas ce mensonge, a lancé Mgr Etsou.

Mettant en garde la «communauté internationale» qui finance les élections, l'archevêque a dit «non à toute tentative d'imposer au peuple congolais un candidat devant juste satisfaire les appétits des prédateurs».

Le Monde, 16.11.06

Исходная форма: «dire non – refuser, не pas accepter»

Основная семантическая информация ГФЕ, представленная в словарной дефиниции глагольной лексемой, получает полное семантическое развертывание в тексте при помощи синонимического глагола «ne pas accepter».

2. Семантическая интерпретация, в основе которой лежит не прямое название действия, а косвенное указание на него посредством других лексических единиц, которые имеют общие семантически связи с ГФЕ и вступают с ней в отношения метонимии по смежности.

A) Besancenot pourrait bien laisser sur le carreau ses expartenaires de feu le ressemblant unitaire, José Bové et Marie-George Buffet, et marginaliser Arlette Laguiller. Pour Besancenot, l'échec du rassemblement unitaire en partie imputable à sa propre organisation n'est pas un boulet mais une difficulté politique qui discrédite tout le monde.

Libération, 18.03.07

Исходная форма: «laisser qqn sur le carreau – mettre qqn à terre, faire échouer qqn».

В татарском языке:

Б) Контролерларның да үз мәшәкәте. Алар беренче кварталда халык кулланган газ акчасын жыеп алу ыгы-зыгысы белән йөриләр.

Ватаным Татарстан, 19.04.06.

Исходная форма: ыгы-зыгы килү – бергә кайнашып, буталып йөрү, эшләү

Фразеологизмы «laisser qqn sur le carreau» (А) и «ыгы-зыгы килү» (Б) вступают в метонимические отношения с субстантивной единицей «l'échec» (А) и «мәшәкәт» (Б), актуализирующие ГФЕ и формирующие скрипт, между члена-

Зеленые страницы

ми которого образуются метонимические отношения: действие-результат.

Фреймовый коррелят (ФК) поясняет понятие, выражаемое фреймом. В основе данного типа семантического развертывания ГФЕ лежит актуализация семантической информации, формирующей понятие об этом признаке, при этом не наблюдается актуализации семантического признака процессуальности ГФЕ.

3. Семантическая конкретизация, при которой глагольные лексические единицы, конкретизирующие ГФЕ, не имеют с ней семантических связей и выполняют роль косвенных коррелятов. Элементы подобной конфигурации ГФЕ, имея одну референтную соотнесенность, развивают смысл высказывания в одном, общем для них, направлении.

Во французском языке

a) *J'ai pris des mesures en changeant le délégué général à l'armement, en faisant revoir à la baisse des contrats, parfois pour des sommes très importantes.* (Le Monde, 16.11.06)

Prendre des mesures – accomplir un acte officiel visant à un effet.

В татарском языке:

Иң әүвәле үзбездә некеләрнең қадерен белдергә кирәк, ақчалы эш бар икән – үзбездә некеләр читтә калмасын.

Ватаным Татарстан, 02.08.06.

Исходная форма: «читтә калмау – берәр эш-не яки берәр мәсьәләне, хәл итүне белмичә калмау, игътибарны башкага юнәлтмәу».

В приведенных примерах ГФЕ и ФК характеризуют одно и то же действие. ГФЕ дает образно – экспрессивную характеристику, а ее косвенный коррелят раскрывает его истинный смысл. Коммуникативно значимой единицей в рамках таких скриптов является актуализатор, который вносит ясность и определенность.

Ниже приводимая таблица иллюстрирует распределение различных видов семантической актуализации ГФЕ в скриптах газетного текста французского и татарского языков (см. таблицу).

Скрипты в газетном тексте

Вид семантического развертывания ГФЕ	Французский язык	Татарский язык
Семантическое дублирование	35%	31%
Семантическая интерпретация	25%	21%
Семантическая конкретизация	40%	48%

Суммируя итоги описания особенностей актуализации основной семантической информации ГФЕ в газетном тексте, мы можем констатировать следующее:

1. Несмотря на принадлежность французского и татарского языков к разным языковым группам, возникновение скриптов в газетном тексте обоих языков обусловлено коммуникативными намерениями автора, стремящегося усилить воздействие на реципиента, а также обеспечить декодируемость газетного текста.

2. Использование того или иного типа актуализации семантического потенциала ГФЕ облегчает и ускоряет процесс восприятия, благодаря чему скрипт выступает в качестве экономной речевой структуры.

3. Объем скрипта при семантическом дублировании и семантической интерпретации ГФЕ определяется выводимой им семантической информацией фразеологизма, объем скрипта при семантической конкретизации не выявляет такой зависимости и обусловлен коммуникативными потребностями, о чем свидетельствуют показатели приведенной выше таблицы. Авторы газетных текстов используют семантическую конкретизацию в качестве семантико-стилистического приема, обеспечивающего эффект восприятия.

4. Коммуникативно-прагматическая функция фразеологизма реализуется благодаря ее способности устанавливать в контексте сложные семантические связи, построенные на разнообразных ассоциациях. При семантическом развертывании значения ГФЕ в газетном тексте выявляется взаимосвязь всех трех аспектов прагматической функции ГФЕ, выражающие явные и скрытые коммуникативные намерения, кодирующие косвенные смыслы высказывания и имеющие прагматические пресуппозиции, исследуются с точки зрения воздействия на адресата с целью изменения его эмоционального состояния, взглядов и оценок. При этом выявляется влияние речевой ситуации на выбор и употребление ГФЕ определенных тематических и семантических групп.

¹ Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. Москва: Изд-во «Флинта», «Наука», 2005. С. 29.

² Барт Р. Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Изд-во «Прогресс», 1978. Вып. VIII. С. 442.

³ Алефиренко Н. Ф. Цит. соч. С. 218.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: (на материале центр. газет 1990–1996 гг.); Автореф. дис.: канд. филол. наук. Махачкала, 1997. С. 5.

Поступила в редакцию 27 марта 2008 г.

КИНО В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

О.С. Бегийович

MOVIE IN TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES

O.S. Begiyovich

В статье рассмотрена роль кино в обучении иностранным языкам. Описано воздействие и особенности восприятия кинофильма учащимися.

Ключевые слова: фильм, восприятие, аудирование.

The article is devoted to the role of movie in teaching of foreign languages. It describes movie's impact and peculiarities of movie's perception by students.

Keywords: movie, perception, listening.

С каждым годом технические средства обучения (ТСО) все шире используются в учебном процессе и, совершенствуясь сами, способствуют совершенствованию методики их применения. Использование технических средств обучения привело к появлению новых прогрессивных методов обучения, перспективных направлений в явлении феномена качественного нового восприятия информации среди учащейся молодежи, которая выросла в эпоху современных технических средств информации. Органично присущий им образный язык расширяет традиционные формы речевого общения.

Проблема воздействия кино на обучающегося заслуживает специального рассмотрения, поскольку данные, накопленные в процессе преподавания иностранных языков с применением фильмов, свидетельствуют о том, что кино захватывает внимание зрителя-учащегося. Для изучающего иностранный язык фильм является практически единственным источником звучащей разговорной речи носителей языка, представленной в реальной ситуации речевого и неречевого поведения участников общения.

Повседневный педагогический опыт применения фильмов говорит о том, что кино, являясь достаточно интересным внешним раздражителем, вызывает продуктивную условно-рефлекторную деятельность и, следовательно, является мощным и эффективным средством, содействующим более быстрому и качественному приобретению знаний и навыков, а в воспитательной работе – целенаправленному формированию научного мировоззрения, норм морали, убеждений и нравственности.

Оказывая сильное эмоциональное и эстетическое воздействие на обучающихся, фильм стиму-

лирует непроизвольное запоминание данного материала, способствует достижению так называемого «эффекта присутствия», то есть иллюзии участия обучающихся в актах коммуникации на иностранном языке, происходящих на экране. Кинофильм помогает мобилизовать и организовать умственную и речевую активность обучающихся, являясь также эффективным средством обучения студента аудированию, то есть пониманию иностранной речи на слух.

Использование фильма помогает решить большую методическую проблему определить такие стимулы для естественной речи в учебных условиях, которые бы возбуждали у студентов подлинное, действенное желание говорить. Поэтому в настоящее время кинофильмы используются для организации условий, максимально благоприятствующих восприятию иноязычной речи, для возбуждения интереса к изучению языка. Для создания речевых и неречевых ситуаций общения, облегчающих процесс аудирования, говорения и письма на иностранном языке, для изучения культуры, обычаев и нравов, географии страны и, наконец, для конкретизации изучаемых языковых явлений (например, грамматики, фонетики, разговорного стиля речи и др.).

Кинофильм обладает многими дидактическими возможностями, которые показывают, что кино несравнимо по системе воздействия с другими средствами наглядности, но кинофильм только тогда дает педагогический эффект, когда используется методически грамотно и оправданно.

Процесс обучения начинается с восприятия нового учебного материала. Успех этого процесса зависит от подготовленности учащихся к воспри-

Бегийович Олеся Степановна, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., профессор И.А. Цатурова.

Olesya S. Begiyovich, post-graduate of the department of linguistic and cross-cultural communication. Scientific adviser – Tzaturova I.A., doctor, professor of pedagogical science.

ятию данной информации и от создания определенной установки на ее усвоение.

Восприятие видеоматериалов вообще, и на иностранном языке в частности, во многом аналогично восприятию любого художественного произведения. Оно осуществляется в пространстве и во времени, характеризуется целостностью (воспринимается все произведение целиком), гибкостью; происходящее на экране понимается зрителями на основе их жизненного и речевого опыта. В фильме моделируются жизнь, характер персонажей, их внутренний мир, диалектика событий и чувств. Создатели картины проникают в сознания и чувств своих героев, они раскрывают реальную жизненную действительность, то есть взаимоотношения человека и мира в самых разных аспектах.

Понимание фильма обуславливается возникновением совершенно особых эмоций и имеет свою специфическую эмоционально-рациональную структуру. Хотя при восприятии фильма студент находится в условной, а не реальной ситуации, но и он становится активным участником показываемого, принимает решения, делает умозаключения, думает о том, как бы поступил в данном, конкретном случае. Зритель-учащийся зачастую отождествляет себя героем, идентифицируется с ним, переносит на себя его поступки. Практика показывает, что уже перед просмотром фильма у студентов отмечаются повышенная возбудимость, ожидание, предчувствие эстетического переживания, которое им предстоит испытать.

Процесс восприятия и понимания фильма на иностранном языке идет от эмоций к мысли, то есть от чувственного мышления к мышлению аналитическому.

Используя экранный материал на аудиторных занятиях, мы должны знать, что кинофильм воспринимается студентами как художественная модель жизни, производящая на мыслительную деятельность обучающихся такое же впечатление, как и реальная жизнь. Иноязычные высказывания имеют своей базой отношение студентов к различным жизненным ситуациям, показанным в фильме, что делает речь естественной. Восприятие и понимание такого фильма учащимися следует рассматривать как субъективную интерпретацию формы творческой деятельности его авторов. Эта интерпретация будет отвечать современным требованиям, которые мы предъявляем к занятиям с использованием фильма, если студенты смогут дать обоснованную оценку теме и идее, сюжету, поведению героев, их характерам, игре актеров, качеству диалога (речи) и т.д. Поэтому, зная, что воспринимается студентами во время кинопросмотра, интересно проследить, как это воспринимается, каковы психофизиологические особенности восприятия и как им можно управлять.

Особенности, с которыми сталкиваются студенты во время просмотра фильма, во-первых, связаны с гигиенической спецификой киновос-

приятия: происходит постоянная аккомодация глаза на плоскости экрана. Глаз ничего не выбирает, не определяет, он дает общую картину всех предметов, находящихся перед ним. Психологический анализ и обобщение имеющихся данных показали, что восприятие многообразия предметов, находящихся в зрительном поле человека, смотрящего на экран, имеет избирательный характер. Причем отражаются, главным образом, объекты, находящиеся в движении. Ухудшение гигиенических условий просмотра кинофильма, влечет за собой понижение точности восприятия и воспроизведения событий, оформление мыслей. В то же время нормальные гигиенические условия просмотра ведет к правильному восприятию. В свою очередь адекватное понимание стимулирует мыслительную деятельность в определенном направлении и способствует точному языковому оформлению мысли. Именно поэтому качество восприятия информации с экрана обуславливается прежде всего физиологическими причинами, а затем уже психологическими.

Во-вторых, любая информация поставляется человеку через органы чувств, которые не только несут ему определенное ощущение, но и приводят в действие мыслительные операции.

В-третьих, к естественному восприятию органов чувств добавляются ассоциативные восприятия или, иначе, ассоциативное видение, которое имеет большое значение для понимания фильма. У студентов уже имеются сложившиеся эталоны. Их жизненный опыт делает восприятие экономичным: им достаточно узнать в предмете знакомые черты, образ-эталон, и они видят в нем познанную сущность.

В-четвертых, к особенностям восприятия видеоматериалов следует отнести и то, что динамическая смена изображения может вызвать перегрузку каналов переработки информации. Из общего содержания фильма выпадает логическое звено, а выпадение даже одного звена вызывает разрыв в восприятии логической структуры фильма во время просмотра, что влечет за собой нечеткое изложение сюжетной линии в высказываниях студентов, неточность в пересказе содержания и некоторых событий фильма.

В-пятых, к особенностям восприятия фильма относится и то, что каждый зритель-обучающийся смотрит фильм внутренне изолированно. Каждый в отдельности воспринимает фильм в зависимости от своего индивидуального представления и воображения, от склонностей и интересов, от уровня владения иностранным языком, но каждый из зрителей и все вместе воспринимают фильм как законченное целое, познаваемое постепенно, кадр за кадром. Индивидуальные различия в восприятии фильма зависят, кроме того, от умственного развития и типологических особенностей памяти, скорости реакции на движущиеся кадры, от предшествующего опыта художественного восприятия.

В-шестых, восприятие и понимание фильма определяется стереотипами умственных привычек зрителей, то есть от того, как мы привыкли воспринимать и обрабатывать увиденное, будет зависеть и то, какую оценку увиденному мы дадим.

В-седьмых, – важным методическим фактором, управляющим восприятием фильма, является установка. Практика показывает, что от предварительной установки на восприятие и понимание фильма зависит речевая реакция студентов на отдельные кадры и на общее содержание фильма, так как, согласно общественной теории установки, установка на сообщение вызывает возбуждение соответствующих речевых стереотипов и обуславливает отбор слов и фраз для последующих сообщений. В учебном процессе возможно использование двух видов установок: восприятие фильма вообще (глобальное восприятие) и восприятие только того, что задано. Глобальное восприятие фильма представляет собой программу-маршрут, предложенную его автором. Следуя за управляющим замыслом автора, восприятие охватывает общее и идет как бы по определенному маршруту. В учебном плане происходит декодирование, расшифровка общего замысла автора и создается стимул для говорения. Восприятие того, что задано, осуществляется по индивидуальной программе-маршруту, согласно полученной инструкции. Индивидуальная программа делает процесс восприятия более упорядоченным, целенаправленным.

Знакомство с психофизиологическими особенностями восприятия фильма и методическими возможностями кино для обучения помогает преподавателю определить адекватность и глубину понимания киноматериала каждым студентом в отдельности, применить различные целевые установки, использовать эмоциональный потенциал и организовать беседу о том, что больше всего понравилось, «задело» студентов.

Среди видов учебных технических средств кино занимает особое место. Объясняется это прежде всего чрезвычайной эффективностью его

идейного, познавательного и эмоционального влияния на обучающегося, вытекающей из большого разнообразия способов выразительности кино. Для изучающего иностранный язык, кроме того, фильм служит средством компенсации ситуаций естественного общения, отсутствующих в учебных условиях.

Интенсивное использование кинофильмов показывает, что работа с ними имеет свои специфические особенности, связанные с психофизическими и лингвистическими аспектами восприятия движущейся зрительной и вербальной информации. Знание этих особенностей имеет важное методическое значение. Характер восприятия фильма определяет точность и полноту понимания экранного действия, что отражается на адекватности иноязычного речевого высказывания.

Восприятие и понимание фильма зрителем-обучающимся представляет собой активный и сложный процесс, дающий возможность преподавателю «перерабатывать» (анализировать) со студентами кинодействие на двух уровнях – «обыденном восприятии» и «творческом осмыслении». При интерпретации фильма на первом уровне основным фактором является знание речевого компонента. При анализе на втором уровне от студентов требуется умение подойти к фильму как к источнику мыслительных задач для обсуждения, что, с свою очередь, связано с умением «читать» фильм. Материальной основой этих уровней является ассоциативно-интерпретационный характер восприятия кинофильма.

Использование кинофильмов помогает студентам мобилизовать и активизировать обширный лексический и грамматический материал, так как в фильме даются готовые образцы правильной, естественной речи. Применение кино дает возможность формировать новый тип мышления, показать связь мышления с действием, знаний с моралью, сознательности с поведением.

Поступила в редакцию 1 марта 2008 г.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ В. ШАЛАМОВА «СТИХИ В ЧЕСТЬ СОСНЫ»

В.Н. Гончарова

THE LINGUACULTUROLOGICAL ANALYSIS THE POEM «VERSES IN HONOR THE PINE-TREE» BY V. SHALAMOV

V. N. Goncharova

В статье делается попытка описать индивидуально-авторские смыслы, которыми В. Шаламов обогатил концепт *сосна*, входящий в концептосферу русской культуры (концепт представлен в наивной, научной и художественной картинах мира). С помощью методики лингвокультурологического анализа раскрываются смыслы концепта *сосна*, обусловленные образами сосны – источника теплоты и сосны – дамы рыцаря.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурологический анализ.

The article is devoted to the linguaculturological analysis of the *pine-tree* as the artistic concept. Besides that we made an attempt to reveal individual senses V. Shalamov put in the concept *pine-tree*.

Keywords: concept, linguaculturological analysis.

Художественный концепт *сосна* занимает важное место среди концептов растительного мира (куст, дерево, трава, цветок; стланник, яблоня, береза, клен, ива, тополь, лиственница, сосна; брусника, василек, ландыш, мак, мох; пень, ветка, лепесток, лист, хвоя; роща, сад, тайга, лес), представленных в «Колымских рассказах» и «Колымских тетрадах» В. Шаламова. Имя концепта использовано в трех прозаических и шестнадцати поэтических произведениях (в том числе, в трех стихотворениях 1957–1981 гг.), которые являются объектом изучения при установлении его смыслового объема.

Один из самых важных текстов – стихотворение «Стихи в честь сосны» (1956), входящее в цикл «Высокие широты». Особая ценность этого стихотворения определяется, во-первых, тем, что, по словам автора, это «одно из стихотворений, где наиболее полно выражены» его «поэтические идеи, художественная система»¹, а во-вторых, тем, что именно в нем реализованы индивидуально-авторские смыслы, которыми В. Шаламов обогатил концепт *сосна*, входящий в концептосферу русской культуры (концепт представлен в наивной, научной и художественной картинах мира). Это смыслы, обусловленные образами сосны – источника теплоты и сосны – дамы рыцаря, которые создаются в стихотворе-

нии с помощью антропоморфной метафоры. Попытаемся раскрыть эти смыслы с помощью лингвокультурологического анализа стихотворения.

Лирическому герою присуще мифологическое мировоззрение, в соответствии с которым он наделяет дерево качествами, свойственными человеку. Об этой черте первобытного мышления А.Н. Афанасьев писал: «<...> древний человек почти не знал неодушевленных предметов; всюду находил он и разум, и чувство, и волю»². Сосна у Шаламова одарена душой, способностью чувствовать (*И в целом мире лишь она // До дна души огорчена // Моею ранней сединой, // Едва замеченной женой*); речью (*В жару и дождь, в пургу и зной // Она беседует со мной. // И шелест хвойный, как стихи – // Немножко горьки и сухи*); умением слушать (*И слушать нам не надоест // Все, что волнуется окрест*); способностью действовать, приходить на помощь (*И наклонилась надо мной // Во имя радости земной. // Меня за плечи обняла // И снова к бою подняла, // И новый выточила меч, // И возвратила гнев и речь*). У сосны есть прошлое (*В ее коричневой коре, // С отливом бронзы при заре, // Где бури юношеских лет // Глубокий выщербили след, // Где свежи меты топора, // Как нанесенные вчера*), есть судьба, во многом схожая с судьбой лирического героя (*Мы с той сосной одной судьбы: // Мы оба бывшие рабы*)³.

Гончарова Валерия Николаевна, преподаватель кафедры русского языка и литературы ЮУрГУ, соискатель ЧГПУ, научный руководитель – д.филол.н., проф. А.А. Горбачевский. E-mail: chag@74.ru

Valeriya N. Goncharova, SUSU, teacher of the Russian language and literature department, competitor of ChSPU, scientific adviser – A. Gorbachevsky PhD, professor of linguistics.

Сосна так же, как и человек, плохо приспособлена к жизни на севере – в ледяном аду. Сосна – не колымское дерево, «дерево Колымы – лиственница даурская»⁴. В отличие от лиственницы, сосна – источник зеленого мягкого света, круглый год озаряющего сердце героя (*Она не лиственница, нет, // Ее зеленый мягкий свет // Мне в сердце светит круглый год // Во весь земной круговорот*). В сознании первобытного человека представление о свете было неразрывно связано с представлениями о тепле, чистоте, жизни, счастье: «Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвения – вот что особенно должно было поразить наблюдающий ум человека. Чудная, роскошная жизнь природы, звучащая в миллионах разнообразных голосов и стремительно развивающаяся в бесчисленных формах, обуславливается силой света и тепла; без нее все замирает. <...> Слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе с тем послужили и для выражения понятий блага, счастья, красоты, здоровья, богатства и плодородия; напротив, слова, означающие мрак и холод, объемлют собой понятия зла, несчастья, безобразия, болезни, нищеты и неурожая»⁵. Образы данного стихотворения распределяются между смысловыми полюсами «света» и «тьмы», то есть тепла – холода, добра – зла, жизни – смерти. Лексика, с помощью которой создаются образы, формирует три семантические группы: семантическую группу «свет» (*лесная красавица; обыкновенная сосна; зеленый, мягкий свет; сердце; светит; шелест хвойный; стихи; теплота; коричневая кора; бронзовая сосна; ветви; соловей; песни; клесты; звезда; душа; рай; молюсь; старый дом; тлеющий очаг; свет звезды; живой; ветка; радость земная; за плечи обняла; к бою подняла; выточила меч; возвратила гнев и речь; ствол; чудеса; воскрес; раскраска шарфа и щита; ясная простота; зеленый, серый, золотой; полным голосом пою; пою красавицу свою*), семантическую группу «тьма» (*жара и дождь; пурга и зной; бури юношеских лет; меты топора; нечисть лесная; ад; скала; сумрачная земля; лед; потухла; померк; голые мертвецы; погасла; буря снеговая; кровь и пот; конец; (нависло небо,) как свинец; злоеца метель; смертная постель; пурга; труп нависшего врага; смертный зимний бред; мгла*) и семантическую группу, занимающую промежуточное положение между вышеназванными (*жена; лиственница; соловей; старый дом, разрушенный давно; тлеющий очаг; снег; лес; страна*). Последнюю группу составляют слова и словосочетания, «светлое» (положительное), значение которых в контексте стихотворения нейтрализуется, что не приводит, однако, к развитию у них «темного» (отрицательного) значения.

Слово *теплота* многозначное: имеет два прямых значения и одно переносное. Реализуя

первое прямое значение, это слово выполняет функцию физического термина. Второе его прямое значение совпадает со вторым значением слова *тепло*: «нагретое состояние чего-л. (воздуха, помещения, предмета); нагретый воздух, исходящий от нагретого, горячего предмета». Переносное значение соответствует переносному значению слова *тепло*: «сердечность, доброта, ласка, доброе, сердечное отношение к кому-, чему-л.»⁶. В контексте стихотворения (*И зашла теплота // В иголках хвойного листа*) данное слово реализует все указанные выше значения, кроме терминологического. Сосна обладает физической и душевной теплотой. Это «тайная» теплота, открывающаяся не каждому, а лишь тому, чье сердце озарено ее светом. В царстве льда, «среди всякой нечисти лесной» сосна освещает и согревает героя. Для того чтобы осознать степень значимости какого-либо источника теплоты для героя В. Шаламова, колымского каторжанина, необходимо обратиться к описаниям холода и его последствий для заключенного, которые находим на страницах «Колымских рассказов»: «Градусника рабочим не показывали, да это было и не нужно – выходить на работу приходилось в любые градусы. К тому же старожилка почти точно определяла мороз без градусника: если стоит морозный туман, значит, на улице сорок градусов ниже нуля; если воздух при дыхании выходит с шумом, но дышать еще не трудно – значит, сорок пять градусов; если дыхание шумно и заметна одышка – пятьдесят градусов. Свыше пятидесяти пяти градусов – плевки замерзают на лету»⁷; «Я ни о чем не думал, да и думать на морозе нельзя – мороз отнимает мысли, превращает тебя быстро и легко в зверя»⁸; «Вместо вчерашних сорока градусов было всего лишь двадцать пять, и день казался летним»⁹; «Чистой случайностью было то, что из тысяч людей на эту работу был направлен Володя. Но это преобразило его. Ему не приходилось думать о том, как бы согреться – вечная мысль... Леденящий холод не пронизывал все его существо, не останавливал работу мозга. Горячая труба спасала его. Вот почему все и завидовали Добровольцеву. <...> Иногда он работал близ нашего забоя. И мы, по праву знакомства, бегали по очереди греться к трубе. Труба была дюйма полтора в диаметре, ее можно было охватить рукой, сжать в кулаке, и тепло ощутимо переливалось из рук в тело, и не было сил оторваться, чтобы возвращаться в забой, в мороз...»¹⁰. Заметим, что в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных одно из значений слова *теплый*, производящего для *теплота*, сформулировано так: «имеющий температуру живого человеческого тела»¹¹. Это значение соотносится с представленным в стихотворении антропоморфным образом сосны. Интересно, что в рассказе «Погоня за паровозным дымом»

(1964) В. Шаламов определяет главную способность человеческого тела как способность быть источником тепла: «И мы ползли, теряя силы, согреваясь в поту и – лишь остановишь движение – чувствуя, как мертвящий холод проползает по бессильному телу, потерявшему свою главную способность – быть источником тепла, простого тепла, рождающего если не надежды, то злобу»¹².

То, что сосна предстает в стихотворении именно в образе дамы рыцаря, не случайно. Одна из сторон личности самого поэта – «рыцарская» (И.П. Сиротинская вспоминает о В. Шаламове: «Беспредельно самоотверженный, беспредельно преданный рыцарь. Настоящий мужчина»¹³). Образ рыцаря так же, как и образ сосны, является концептуально значимым в творчестве В. Шаламова. Содержание этого концепта раскрывается в поэтических и прозаических произведениях (стихотворения «Ронсеваль», «Рыцарская баллада», «Стихи в честь сосны»; рассказы «Любовь капитана Толли», «Перчатка»). В анализируемом стихотворении с помощью метафоры рыцарского турнира автор изображает противостояние «негостеприимной, враждебной всему живому природы Дальнего Севера»¹⁴ и лирического героя, рыцаря, «бывшего раба», т. е. заключенного. Участники боя – метель, пурга, снеговая буря (представители семантической группы «тьма») и измученный многолетней «борьбой со льдом» лирический герой стихотворения (представитель семантической группы «свет»). Кажется, что исход боя предрешен: *Уже зловеющая метель // Стелла смертную постель, // Плясать готовилась пурга // Над трупом павшего врага*. Но, как во времена средневековых турниров, на помощь рыцарю приходит сосна – дама его сердца. Брошенная ею ветка ободряет героя, выточенный сосною меч и возвращенные герою гнев и речь позволяют ему продолжить борьбу и стать победителем. В средневековых турнирах рыцарь вступал в бой, будучи украшенным каким-либо знаком, подаренным ему дамой; если знак терялся или попадал в руки противника, дама бросала новый, это должно было придать силы рыцарю, должно было помочь ему победить. В роли такого знака в данном стихотворении выступает ветка (*Мне ветку бросила она*), и в этом мы видим проявление свойственного герою мифологического мировосприятия. Как пишет М. М. Маковский, «ветка, прут, по поверьям язычников, обладали целительной и чудодейственной силой. <...> Ветка считалась символом (хорошей) вести (ср. русск. ветвь, но при-вет, за-вет, от-вет, на-вет) и нередко отождествлялась со Словом»¹⁵. Не только ветка, но и ствол сосны помогает герою (*И, прислонясь к ее стволу, // Я поглядел смелей во мглу*). Известно, что ствол дерева, особенно дерева, в которое ударила молния (а сосна пережила «бури юношеских лет», оставившие в ее коре «глубокий след»), «в мистических пред-

ставлениях наших предков приобретал целебные, живительные свойства»¹⁶. В контексте данных размышлений будет уместным привести слова М. Н. Эпштейна о том, «что в глубине каждого образа скрывается его исконное, или основное, значение, то, которое можно назвать словарным и которое чаще всего (хотя и не всегда) восходит к комплексу фольклорно-мифологических представлений»¹⁷. Кроме того, описание «действий» сосны во время бури соотносится с описанием действий тех немногих людей, которые помогали герою «Колымских рассказов», обессиленному от холода, голода, непосильного труда и побоев, выжить: «В моей лагерной жизни почти не было безымянных рук, поддерживавших в метель, в бурю, спасших мне жизнь безымянных товарищей. Но я помню все куски хлеба, которые я съел из чужих, не казенных рук, все махорочные папиросы»¹⁸; «Смертные метели, когда вот-вот перестанешь жить. Безымянные руки, которые поддерживают в метели, приводят в барак, оттирают, отогревают, оживляют. Кто они, эти безымянные люди, безымянные, как террористы молодости Натальи Климовой»¹⁹. Можем предположить, что в образе сосны В. Шаламов хотел увековечить память о безымянных людях, спасших ему жизнь. Сосна – традиционный символ долголетия, вечности, а значит, памяти²⁰.

Определим смыслы концепта *сосна*, обусловленные образами сосны – источника теплоты и сосны – дамы рыцаря: 1) «обладает физической теплотой: имеет температуру, близкую температуре живого человеческого тела; способна передавать тепло вовне, согревая того человека, который может воспринять это тепло; тем самым реализует одно из необходимых условий его выживания в условиях жесточайшего холода Дальнего Севера; обладает душевной теплотой: способна проявлять сердечное, доброе, ласковое отношение к тому человеку, который может воспринять это отношение»; 2) «служит источником сил для того человека, который воспринимает сосну, как рыцарь воспринимает даму своего сердца; является воплощением памяти человека о людях, которым он благодарен за помощь и спасение, предметом его поклонения и прославления».

Представленный фрагмент лингвокультурологического анализа стихотворения В. Шаламова «Стихи в честь сосны» не исчерпывает всего богатства смыслов, заключенных в стихотворении, но приоткрывает завесу, скрывающую их от читателя, приглашая его к размышлению и поиску новых смыслов.

¹ Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. Т. 3. С. 478.

² Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян: поэтические воззрения славян на природу: в

4 т. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 2. С. 306–307.

³ Шаламов В.Т. Цит. соч. Т. 3. С. 287–290.

⁴ Шаламов В.Т. Цит. соч. С. 460.

⁵ Афанасьев А.Н. Цит. соч.. Т. 1. С. 72, 103–104.

⁶ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С. 355–356.

⁷ Шаламов В.Т. Цит. соч. Т. 1. С. 16.

⁸ Шаламов, В.Т. Цит. соч. Т. 2. С. 530.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ Шаламов, В. Т. Цит. соч. Т. 1. С. 379.

¹¹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. С. 236.

¹² Шаламов В.Т. Цит. соч. Т. 1. С. 593.

¹³ Сиротинская И.П. Воспоминания о В. Шаламове // Шаламов В. Несколько моих жизней: проза, поэзия, эссе. М.: Республика, 1996. С. 448.

¹⁴ Шаламов В. Т. Цит. соч. Т. 1. С. 563.

¹⁵ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов М., 1996. С. 72.

¹⁶ Афанасьев А. Н. Цит. соч. Т. 2. С. 290.

¹⁷ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. С. 87.

¹⁸ Шаламов В. Цит. соч. Т. 2. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 224.

²⁰ См. об этом: Эпштейн М. Н. Цит. соч. С. 429.

Поступила в редакцию 7 апреля 2008 г.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОЦЕДУРА В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

О.В. Евсева

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A RESEARCH PROCEDURE IN PSYCHOLINGUISTICS

O.V. Evseeva

В данной статье обобщены проблемы, с которыми сталкивается исследователь при подготовке и проведении ассоциативного эксперимента в рамках психолингвистической парадигмы. Автор освещает проблемы формулирования рабочей гипотезы, выбора исследовательской процедуры, ограничений области применения ассоциативного эксперимента, отбора потенциальных респондентов, критериев обработки, классификации и интерпретации полученных результатов

Ключевые слова: психолингвистика, ассоциативный эксперимент, исследовательская процедура, языковое сознание, национально-культурная специфика, модели ассоциирования.

The article provides a summary of the problems a researcher faces during the preparation and realization of an associative experiment within the paradigm of Psycholinguistics. The author covers the problems of the working hypothesis formulation, the choice of a research procedure and potential respondents, the limited sphere of associative experiment usage, the criteria of data processing and results classification and interpretation

Keywords: psycholinguistics, associative experiment, research procedure, language consciousness, national-cultural peculiarities, association models.

Данная статья продиктована необходимостью обобщить опыт исследования, проведенного в период с августа по декабрь 2007 г. в Великобритании, Франции и России, с методической точки зрения. Психолингвистическое исследование имеет свои особенности, «специфика психолингвистического подхода к изучению особенностей становления и функционирования речевого механизма человека предопределяет недопустимость анализа языкового материала в отрыве от пользующегося им индивида»¹. Это означает, что практическая часть исследования должна основываться на исследовательских процедурах, предполагающих опосредованный доступ к языковому сознанию носителей культуры.

Анализ литературы, в которой рассматривается проблема национально-культурной специфики языкового сознания и отражения его в языке, привело нас к формулированию рабочей гипотезы исследования. А.А. Залевская заложила теоретические основы исследования, в частно-

сти, моделей ассоциирования носителя культуры. Мы выдвинули гипотезу о том, что общая парадигма моделей ассоциирования совпадает у носителей английской, французской и русской культур, но актуальность различных моделей² ассоциирования в данных культурах будет различной. Данная гипотеза проверяема на материале, полученном от носителей изучаемых культур в результате определенной процедуры сбора ассоциатов, фальсифицируема, то есть в результате анализа полученного материала можно прийти к выводу о том, что модели ассоциирования в изучаемых культурах различны, или, наоборот, что они совпадают и применяются с одинаковой частотностью. Данная гипотеза опирается на предшествующие исследования, например, А.А. Залевской, Е.Ю. Мягковой и других, и выводится из них.

Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем

Евсева Ольга Владимировна, аспирант кафедры культуры речи и профессионального общения факультета лингвистики ЮУрГУ. Научный руководитель – д. филол. н., проф. Е.В. Харченко., E-mail: olga_evs@hotmail.com

Olga V. Evseeva, Post-graduate student at the Department of Speech culture and professional communication of the Faculty of Linguistics, SUSU. Scientific adviser – PhD, professor Elena V. Harchenko E-mail: olga_evs@hotmail.com

опыте. Обычно различают свободный, направленный и цепной эксперимент. Каждый из ассоциативных экспериментов имеет свои достоинства и недостатки и призван решать определенный круг задач. Так, направленный ассоциативный эксперимент ограничивает свободу процесса ассоциирования и как бы «направляет» ассоциации в нужное русло, например, требуя от испытуемого дать слово, противоположное по значению, синонимы, или же те или иные синтагматические реакции: определения, определяемые, глаголы, прилагательные и прочее. Одной из разновидностей направленного ассоциативного эксперимента является, например, методика неоконченных предложений, используемая Е.В. Харченко. В цепном ассоциативном эксперименте испытуемому предлагается ответить за ограниченный временной промежуток любым возможным количеством слов. В свободном ассоциативном эксперименте требуется как можно быстрее ответить первым пришедшим в голову словом-реакцией на предъявленное слово-стимул. Свободный ассоциативный эксперимент является самым простым из всех ассоциативных экспериментов, и в то же время весьма эффективным. При проведении ассоциативного эксперимента регистрируется тип реакции, частота однотипных ассоциаций и прочее².

В качестве исследовательской процедуры для первичного получения материала исследования мы выбрали свободный ассоциативный эксперимент на дискретные ассоциации³. Отметим, что мы не рассматриваем свободный ассоциативный эксперимент в качестве экспериментальной исследовательской процедуры. Такой подход подвергается жесткой заслуженной критике, например, со стороны В.А. Пищальниковой, которая указывает на то, что «осуществление ассоциативного эксперимента и характер интерпретации его данных в отечественной психолингвистике в настоящее время нельзя назвать совершенными»⁴. Тем не менее, многие исследователи, в частности, Е.Н. Гуц⁵, успешно используют свободный ассоциативный эксперимент как средство сбора данных, применяя впоследствии широкий ряд процедур для их верификации (факторный и кластерный анализ, индексирование степени ассоциативной связанности слов и т.д.). Мы обращаем особое внимание на важность последовательно психолингвистического подхода во время всей процедуры верификации гипотезы, от отбора стимулов до интерпретации полученных реакций. Только таким образом можно получить научно значимый результат.

Концептуальным и методологическим основанием нашего подхода, т.е. применения ассоциативного эксперимента, является положение о том, что «ассоциации на каждое конкретное слово-стимул формируют естественноразговорное ассоциативное поле, имеющее не только структур-

но-лексикографический, но и онтологический статус»⁶.

На наш взгляд, особенно важно было выявить общие модели ассоциирования, представленные и, в частности, доминирующие в тех или иных культурах. Мы можем выделить наиболее общие для носителей данной культуры стратегии ассоциирования, проведя масштабный ассоциативный эксперимент с отвечающим цели исследования списком стимулов и репрезентативной выборкой респондентов.

Важным этапом проведения ассоциативного эксперимента является отбор стимулов, способа их представления и формулирование инструкции для респондентов, эти этапы, однако, освещены в статье⁷. В данной статье мы хотели бы рассмотреть проблему отбора респондентов, которая кажется легко разрешимой, но на практике вызывает серьезные затруднения, а также проблему критериев обработки и интерпретации полученных результатов.

Руководствуясь целью эксперимента, мы перешли к отбору потенциальных респондентов. Нам необходимо было четко определить, реакции каких респондентов считать подходящими для анализа, а каких – выбраковывать из материала эксперимента. Казалось бы, мы должны были опрашивать носителей интересующей нас культуры, но формальный признак отбора в условиях этнически разнообразного мультикультурного общества, каким сейчас являются английский, французский и, в последние годы, русский социумы, не был четко определен в литературе. Мы посчитали, что требованиям эксперимента будет соответствовать человек, языковое сознание которого носит национально-культурную специфику, человек, с рождения включенный в данную культуру, а значит, человек, для которого язык данной культуры является родным, так называемый «*native speaker*». Однако, по словам Клэр Крамш, «*it is not clear whether one is a native speaker by birth, or by education, or by virtue of being recognized and accepted as a member of a like-minded cultural group*»⁸.

Мы пришли к следующему решению: в рамках эксперимента мы учитывали реакции респондентов, для которых интересующий нас язык является родным, не принимая во внимание их этническую/ расовую принадлежность. Чтобы определить это, мы внесли в анкету графу «родной язык» наряду с графами «пол», «возраст», «профессия/ род занятий». Последние графы позволили нам контролировать репрезентативность материала, мы поставили перед собой цель собрать равное количество анкет респондентов мужского и женского пола, младшего и старшего возраста, мы также пытались опросить представителей различных профессий. Графа «родной язык» стала определяющей для анализа или выбраковки конкретной анкеты. Иногда мы непра-

Зеленые страницы

вильно определяли принадлежность потенциального респондента к той или иной культуре, например, предложив русскому студенту в Лондоне анкету, ориентированную на носителя английской культуры. Надо сказать, однако, что и анкеты, выбракованные из материала основного эксперимента, несли значительную информационную нагрузку. Так, например, упомянутый выше русский студент, будучи в Лондоне в ситуации постоянного общения с носителями английской культуры, отреагировал на стимулы таким же образом, каким другие носители русской культуры реагировали на стимулы на русском языке.

При сборе материала было получено 87 ответов. Характеристика респондента, давшего ответ, с точки зрения его пола, возраста и профессиональной принадлежности (если ее удавалось определить) тоже несла смысловую нагрузку. В итоге мы получили для анализа по 100 заполненных анкет носителей английской, французской и русской культуры.

К анализу полученного материала требуется особенно тщательный подход. А.А. Залевская акцентирует необходимость «анализировать именно ассоциативные поля, а не отдельные реакции; при этом важно учитывать *полный корпус* полученных данных, не ограничиваясь только самыми частотными реакциями и не игнорируя единичные ответы испытуемых, поскольку именно *модели связей* между словами дают возможность увидеть тенденции, характерные для увязывания в лексиконе слов того или иного языка, а малочастотные или единичные реакции могут реализовывать одну и ту же модель связи за счет субъективного переживания близости их значения по тому или иному параметру (в том числе – по эмоционально-оценочному), к тому же нередко такие реакции могут оказаться культурно-специфичными и потому особенно интересными для этнокультурных исследований»⁹. Наряду с реакциями, которые укладывались в выработанные модели ассоциирования: интерпретация через синонимизацию, антонимизацию, определение лексического значения; субъект и объект действия; физические проявления, оценка и т.д., при обработке данных ассоциативного эксперимента нам встречались немотивированные, на первый взгляд, реакции. Например, реакции *to fear* → *grim reaper* для носителей английской культуры или *любовь* → *голуби* – для русской культуры. Очевидно, эти реакции раскрывают национально-культурную специфику языкового сознания и не должны быть отброшены как не вписывающиеся в общую классификацию.

Таким образом, проведение ассоциативного эксперимента как исследовательской процедуры не должно быть «данью моде». Ассоциативный

эксперимент, в частности, свободная его модификация, может эффективно применяться для решения определенного круга задач. При этом важно тщательно продумать рабочую гипотезу, отобрать стимулы, определить способ их представления и инструкцию для респондентов, очертить круг респондентов, выработать критерии обработки полученных результатов и их интерпретации. Вслед за А.А. Залевской мы убеждены, что «практика экспериментальных исследований от формулирования рабочей гипотезы до интерпретации полученных результатов должна последовательно направляться психолингвистической теорией и осуществляться в единой системе координат»¹⁰.

¹ Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000. С. 39.

² Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Режим доступа: www.textology.ru/goroshko/VerbalAss/1_1.html

³ Основы теории речевой деятельности/ отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. С. 368.

⁴ Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: МГЛУ, 2007. С. 113.

⁵ Гуц Е. Н. Исследовательский потенциал категории «психологическое значение» (комплексная методика изучения репрезентации образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками)// Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы Международной научной конференции, Челябинск, 10–13 декабря 2007 г. / отв. редактор О.А. Турбина. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. Ч. 2. С. 18–22.

⁶ Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней// Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды/ Сост. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2006. С. 14.

⁷ Евсева О.В. Национально-культурная специфика языкового сознания носителей английской, французской и русской культур (на примере страха)// Вестник МГЛУ. М.: МГЛУ (в печати).

⁸ Kramersch, C. Language and culture. Oxford University Press, 2000. P. 80.

⁹ Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 21–22.

¹⁰ Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000. С. 41.

Поступила в редакцию 16 апреля 2008 г.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «МИР РАСТЕНИЙ» /«PLANT KINGDOM» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

П.В. Кропотухина

DEVELOPMENT OF THE METAPHORICAL MODEL WITH THE SOURCE-DOMAIN «PLANT KINGDOM» IN RUSSIAN AND BRITAIN POLITICAL TEXTS

P. V. Kropotukhina

Статья посвящена сопоставительному исследованию метафорической модели со сферой-источником «МИР РАСТЕНИЙ» / «PLANT KINGDOM» в современном политическом дискурсе России и Великобритании. В работе рассматриваются закономерности развертывания данной метафорической модели в политических текстах, ее прагматические характеристики, устанавливаются причины совпадений в употреблении фитоморфных образов в национальных политических дискурсах двух стран.

Ключевые слова: сопоставление языковых картин мира, метафора, ментальность, политический дискурс, ментальная сфера-источник «МИР РАСТЕНИЙ», развертывание метафорической модели.

The article is devoted to comparative analysis of the metaphorical model with the source-domain «PLANT KINGDOM» / «МИР РАСТЕНИЙ» in the present-day political discourse in Great Britain and Russia. The study of metaphorical processes in the cognitive-discursive perspective gives us the notion necessary for understanding of national mentality. Besides political metaphor is an effective instrument of shaping an addressee's perception. The laws of development of the given metaphorical model in political texts, its pragmatic characteristics and the cases of symmetry in both national political discourses are also considered in the work.

Keywords: comparison of naïve conceptions of the world, metaphor, mentality, political discourse, source-domain «PLANT KINGDOM», development of metaphorical model.

Активизация в последние десятилетия исследовательского интереса лингвистов и представителей смежных наук к политической коммуникации объясняется как повышением ее значимости в жизни общества, так и внутренней логикой развития науки. Использование массовой коммуникации в современном мире стало одним из самых эффективных средств достижения и удержания власти. В связи с этим возникают вопросы о том, как осуществляются намерения отправителя политического сообщения, на что нацелено его воздействие, как оно достигается, какие факторы способствуют эффективности воздействия на умы и сердца избирателей. Политическая коммуникация представляет собой особый инструмент для создания в массовом сознании соответствующей картины мира¹. Применение методов когнитивной лингвистики и, в част-

ности, метода метафорического моделирования к анализу политического дискурса позволяет проникнуть в секреты производства политических текстов в средствах массовой коммуникации и пропаганды. Отход от толкования метафоры как всего лишь образного средства языка привел к совершенно иному пониманию ее сущности и предназначения. Как справедливо отметила Н.В. Печерская, «производство метафор – не частный случай в научной или литературной практике, а общий принцип производства идей, приращения знаний. Способность человека видеть и фиксировать сходство различных предметов, его способность к метафоризации мира – начальная точка мыслительного процесса» Таким образом, метод метафорического моделирования дает возможность реконструировать когнитивные установки говорящего, открывает

Кропотухина Полина Владимировна, аспирант кафедры иностранных языков УрГПУ. E-mail: Pauine8@mail.ru

Polina V. Kropotukhina, postgraduate student of the Ural State Pedagogical University (USPU). E-mail: pauline8@mail.ru

Зеленые страницы

доступ к концептуальным системам, складывающимся в его сознании.

Современный политический дискурс характеризуется многочисленными метафорическими моделями, отражающими нашу действительность, и основными источниками метафоризации становятся концептуальные сферы «Война», «Спорт», «Болезнь», «Мир животных», «Мир растений» и т. д. Ключевые понятия и реалии политической сферы, такие как *народ*, *государство*, *власть*, являются образно-экспрессивными центрами метафорического притяжения. Эти центры, будучи предметом постоянного обсуждения, часто получают повторную номинацию в тексте, то есть, по выражению А.Н. Баранова, происходит «цитация метафор»², что приводит к образованию определенного комплекса метафор, повторяемого из текста в текст. В этих ситуациях очень важен прагматический потенциал метафоры, степень ее воздействия на существующую в сознании адресата картину мира. По мнению А.П. Чудинова, главными функциями политической метафоры являются: *когнитивная* (метафора рассматривается как средство представления, рубрикация фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов); *коммуникативная* (метафора – это средство передачи информации); *прагматическая* (метафора характеризуется способностью формировать у адресата необходимое адресанту эмоциональное состояние); *эстетическая* (использование метафоры с целью привлечения внимания адресата)³.

В силу традиционности и естественности фитоморфных образов для русской и английской языковой ментальности метафорическая модель «ПОЛИТИКА – ЭТО МИР РАСТЕНИЙ»/«POLITICS IS PLANT KINGDOM» является одной из основных в системе метафорических моделей в современной политической речи обеих стран. Как известно, «сегмент фитоморфных признаков является одним из центральных в структуре концептов внутреннего мира человека. Растения, порождающая их земля и общая идея плодородия достаточно активно используются в процессе концептуализации с древнейших времен. Со времен язычества растениям и породившей их земле приписывались особые функции, с ними связывался культ предков, разного рода обряды и ритуалы. Достаточно распространенным являлось представление о связи отдельных компонентов внутреннего мира человека, в частности души, с миром растений»⁴. Исследуя концепт дерева в русской поэзии, В.А. Маслова отмечает, что «хотя растительность – низшая форма жизни, но именно в ней можно рассмотреть и через нее постичь изначальные закономерности бытия»⁵. Образ дерева как модели вселенной и культ священных деревьев встречается у многих народов мира. Например, восточные славяне, как и друиды, были лесными жителями, поэтому почти каждое дерево они наделяли сверхъестественной силой и считали, что характер и будущее человека зависят от его дерева-

тотема. Таким образом, почитание растений – это неотъемлемый компонент языческого мировоззрения. Оставаясь природным символом и в наши дни, дерево знаменует динамичный рост и регенерацию, выступает как образ долголетия. В исследовании, посвященном анализу концептуальной метафоры *People are Trees* в современном английском языке, О.В. Дехнич подтверждает мысль о том что, «познавая окружающий мир и собственное бытие, человек обращается к природе, выделяя в ней то, что является для него жизненно важным и необходимым. Деревья имеют особую значимость: они служат строительным материалом, лекарственными средствами. Цветущие ветви деревьев и кустарников используются как украшения, плоды многих деревьев съедобны»⁶. В сопоставительном исследовании флористической метафоры в русском и испанском языках О.И. Мусаева также отмечает, что «лексика, объединенная семой «растение», имеет важный аксиологический статус в языках мира, так как называет реалии, связанные с удовлетворением таких потребностей человека, как питание и защита от негативного воздействия внешней среды»⁷.

В соответствии с «наивными» представлениями человека о структуре царства растений в анализируемой метафорической модели выделяются фреймы «Жизненный цикл растений», «Части растений», «Уход за Растениями» и т.д. Например, *корни* и *плоды* в метафорическом плане используются для обозначения причины и следствия процесса или события. Структуру политических образований отражают такие метафорические словоупотребления как *ветви*, *верхушка* власти. Условия для начала какой-либо политической деятельности обеспечивает наличие политического *поля* или *почвы*. Субъекты политической деятельности также наделяются свойствами растений, они, образно говоря, *растут*, *зреют*, *цветут*, *плодоносят* и *увядают*.

Важным свойством метафорической модели является ее стремление к развертыванию в тексте. Доминирование одной модели или одного фрейма – это важный фактор целостного восприятия текста адресатом (Ср.: Вершинина⁸, Чудакова⁹, Чудинов¹⁰, Шустрова¹¹). Предсказуемость развития образов доминирующей метафорической модели раскрывает для читателя логику построения автором своего высказывания, увеличивает прагматический потенциал текста, организует текст, служит средством связи его частей. Динамика разворачивания фитоморфных метафорических образов в политическом дискурсе прослеживается в следующих сценариях и их элементах: *прорастание – цветение – созревание плодов – увядание*; или *посадка растения – уход за ним (удобрение, поливание, удаление сорняков) – сбор урожая – хранение (помещение в закрома) и т.д.* Рассмотрим особенности разворачивания метафорической модели со сферой-источником «Мир Растений» на примере статьи В. Дымарского «Игры разума и цветы зла»¹². Следует помнить, что деятельность работника СМИ – это творческий

процесс создания наивной картины мира, осуществляемый с помощью различных средств языка¹³. Основную метафорическую модель и негативную эмоциональную окраску текста автор определяет уже в заглавии статьи, упомянув название поэтического сборника Шарля Бодлера. Ср.: «Поговорим на тему, подсказанную мне состоявшимся на прошлой неделе в Алма-Ате 5-ом Евразийским медиафорумом. Несмотря на свое название и присутствие журналистов разного ранга, это мероприятие, проводимое действительно с евразийским размахом под эгидой Дариги Назарбаевой, выходит далеко за рамки обсуждения проблем медиасферы. Там сталкиваются идеи и взгляды на современные геополитические процессы, в которых, кстати, все более заметную роль играет «хозяин поля» – Казахстан. Так вот, после всех дискуссий, проведенных в Алма-Ате, захотелось вернуться к теме, казалось бы, несколько забытой в последнее время. Речь пойдет о «цветных революциях». На форуме о них говорилось только в одном ключе – как о «цвете зла», засеянных на постсоветских пространствах исключительно зловерным заокеанским садовником-селекционером. Основными докладчиками и ньюсмейкерами в Казахстане выступали два бывших высокопоставленных чиновника американской администрации – Ричард Перл и Ричард Холбрук. Принадлежа к разным политическим лагерям – республиканскому и демократическому – они, тем не менее, не сговариваясь, искренне (насколько это свойственно политикам) удивлялись, когда в адрес США неслись, и не только с российской стороны, ослепительные стрелы критики в пособничестве «цветным революциям». Для американцев такого понятия просто не существует, они знают только одно словосочетание – «продвижение демократии».

...Американцы услышали весь набор пропагандистских обвинений в «подрывной деятельности» на постсоветском пространстве. Познакомившись с аргументами, выдвигаемыми в пользу этой версии, приходишь к выводу, что вся нынешняя отечественная теория «цветных революций» сводится к двум их коренным характеристикам: финансовой поддержке со стороны Запада и использованию представителей флоры (от апельсина до тюльпана) в качестве революционных символов. Будто вообще не существует внутренних факторов, будто не усвоили мы внедренных в наши головы формул о «низах» и «верхах», которые... Ну дальше известно. Следуя логике этой сегодняшней теории, первой «цветной революцией» пора уже объявить Октябрь 1917 года. Ведь не секрет, что Ленин, если, конечно, изучать историю не по «Краткому курсу» и другим подобным источникам, на самом деле подпитывал и себя, и РСДРП германскими деньгами, да и передвигался в Россию в вагоне, оплаченном отнюдь не за счет взносов партийцев. И деньги эти, кстати, были сполна «отработаны» выходом советской России из Первой мировой вой-

ны. Так что чтобы стать «цветной», Октябрьской революции, выходит, не хватает только украшения в виде каких-нибудь гвоздик в руках или петлицы матросов, бравших штурмом Зимний дворец. Но станет ли такое пристрастное изучение «германского следа» реальным объяснением октябрьских событий?... Подведем очень краткий (и, разумеется, не исчерпывающий) итог сказанного. По-моему, проблема наших взаимоотношений с так называемым ближним зарубежьем заключается в отсутствии целостной и последовательной политики на постсоветском пространстве. Ее замещает набор политехнологических приемов и методов, которые могут быть эффективными только в качестве сопровождения такой политики, но не ее заместителя. Мы научились ловко объяснять, кто, как, почему и за какие деньги рассадил на нашем присадебном участке «цветы зла», но не выработали при этом собственной стратегии обработки почвы. Увы, зачастую мы ведем себя так и внутри страны, высматривая за каждым митингом, пикетом, за каждой неправительственной организацией одну лишь «руку Запада». Наше общество и наша элита бесконечно уверовали в эффект политехнологий, в возможность заменить реальную политику манипуляциями сознанием людей. При таком подходе всегда видны (потому что их только и показывают) ошибки и недобрые намерения других и никогда (потому что их не показывают) – собственные промахи и неверные шаги. Занимаясь лишь искоренением чужих «сорняков» и не взрачивая собственные «цветы добра», сада не создашь». Термин «цветная революция» получил широкое распространение в политическом дискурсе в последние годы (Ср.: «оранжевая революция», «революция роз», «тюльпановая революция»). Используя метафорический потенциал данного словоупотребления, автор статьи предлагает свою версию событий, происходящих по периметру границ нашего государства. Объем данной статьи оказался достаточным для довольно полного развертывания доминирующей метафорической модели. В ней активизируются фреймы «Уход за растениями и их использование человеком» и «Места произрастания растений». В рассматриваемом контексте концепты из природной сферы метафорически обозначают политические ценности и процессы. Так, резкая смена власти или политического курса в отдельном государстве – это «цветная революция». Помощь «своим» политическим партиям и структурам – это подпитка и обработка почвы, взрачивание «цветов добра», создание сада, и напротив, борьба с политическими оппонентами – искоренение сорняков. Вмешательство других государств во внутривнутриполитические дела какой-либо страны, навязывание чуждых политических ценностей – это «цветы зла», засеянные на ее пространствах, инициаторы такого вмешательства – это зловерный садовник-селекционер, а государство, вовлеченное в данный процесс – «хозяин поля» или

Зеленые страницы

приусадебный участок. Организующая этот текст система метафор характеризуется негативными концептуальными векторами тревожности, недоверия и подсказывает читателю «необходимую» эмоцию при оценке происходящего. Этот эффект усиливается в результате использования антитезы «добро – зло», содержащейся в заголовке и заключительном предложении статьи. В последнем метафорически предлагается способ разрешения проблемной ситуации.

Интересно отметить, что метафорическим образом со сферой-источником «Мир растений» изначально присущи нейтральные и, скорее, позитивные концептуальные векторы приобщения к природе и ее дарам, в отличие от ярко выраженных концептуальных векторов агрессивности и тревожности военной или криминальной метафор. Однако, подчиняясь общим тенденциям политической коммуникации в современных условиях и задачам автора политического текста, фитоморфная метафора при развертывании часто приобретает негативное эмотивное наполнение.

Характерная для политической коммуникации модель с исходной понятийной сферой «Мир Растений» («Plant Kingdom») представляет собой яркий пример симметрии образных моделей в русском и английском языках и активно используется в национальных политических дискурсах обеих стран. Несомненно, во многих случаях такое совпадение обусловлено сходством культурных реалий, исторических событий, мифологии, религии. Как отмечают многие исследователи, количество метафор может резко увеличиваться в кризисные периоды. Необходимость присутствия британских военных сил в Ираке, угроза терроризма в больших городах, непопулярные реформы неолейбористского правительства в сферах народного образования и здравоохранения, наплыв мигрантов, вопрос сохранения своей идентичности, будучи членом Европейского союза – вот далеко неполный список проблем, бурно обсуждаемых британским обществом. Рассмотрим фрагмент речи сэра Малькольма Рифкинда, обращенной к его коллегам из Консервативной партии (Sir Malcolm Rifkind's speech, September 23, 2005) Ср.: «*The Tory party needs a simple, comprehensible identity that is both true to its own traditions and that will appeal to the public. If «One Nation» did not exist we would be striving to invent it. Something so deep rooted in principle, and with a history of such obvious political success, is the real answer to so-called New Labour. But One Nation in One World is also a creed and an aspiration for the country as a whole. It recognises the need for diversity to thrive within a united country, for localism to revive within a United Kingdom, and for internationalism to flourish within a united world. It would allow us to face the people and the wider world with an optimism rooted in the conviction that government can be a force for good; that public life is an arena for service; that a common endeavour can help overcome division and fear. It*

would build on the essential decency and generosity of spirit characteristic of the people of Britain. This is not a credo that aspires to be all things to all people. As Conservatives, we have a proud belief that right of centre solutions are almost always more effective and more successful than the strategy of the left, in creating wealth, extending opportunity and in resolving the problems of our nation. But, as Tories, we are not ideologues; we are problem solvers.

Our solutions and policies cannot just be right in theory. We have to be satisfied and to be able to demonstrate to the electorate, that they are also right in practice. If we can do that we will earn the public's trust and reap the electoral harvest». (Партии тори нужна простая, понятная идентичность, одновременно верная традициям нашей партии и способная понравиться народу. Если бы «Единая нация» не существовала, мы бы сейчас прилагали все усилия, чтобы создать ее. Нечто, глубоко основанное на законе, – вспомните наше бесспорно успешное политическое прошлое – это реальный ответ так называемому неолейборизму. Но единая нация в едином мире – это еще и убеждения и цели нашей страны как единого целого. Она признает необходимость многообразия, чтобы преуспевать в пределах Великобритании, необходимость местного патриотизма, чтобы возродиться в пределах Соединенного Королевства, и необходимость интернационализма, чтобы процветать в объединенном мире. Это позволит нам посмотреть в глаза нашему народу и остальному миру с оптимизмом, основанном на убеждении, что правительство может быть доброй силой, что общественная жизнь является ареной для полезных дел, что совместное усилие поможет преодолеть разобщение и страх. Это может основываться на неотъемлемых качествах британского народа – порядочности и благородстве его духа. Стремление предоставить все блага всем людям не является нашим кредо. Как Консерваторы, мы гордо верим, что правоцентристские методы производства благосостояния, расширения возможностей и решения проблем нашей страны почти всегда более эффективны и более удачны, чем стратегия левых. Но как тори, мы не являемся идеологами, мы решаем проблемы. Наши решения и политические установки не могут быть правыми только в теории. Мы должны убедиться, что способны продемонстрировать электорату, что наши решения являются правыми и на практике. Если мы сможем сделать это, мы заслужим доверие народа и на выборах соберем свой урожай).

Сеть метафор, образовавшая этот текст, несет в себе положительный прагматический потенциал. Об этом свидетельствуют метафоры из одного синонимического ряда глаголов *flourish* (пышно расти; процветать¹⁴) и *thrive* (процветать; цвести, разрастаться¹⁵), фрейм цели которых – государство (Соединенное Королевство). И метафора *revive* (возродиться; расцветать¹⁶), фреймом цели кото-

рой также является государство, британский народ. Метафора *root in* (пускать корни, укореняться¹⁷) подчеркивает идею незыблемости политических принципов Консервативной партии. Получение поддержки со стороны избирателей – это главный результат политической деятельности. Данную идею иллюстрирует метафора *reap the electoral harvest* (жать; снимать, убирать урожай¹⁸). В качестве отличий развертывания метафорической модели «ПОЛИТИКА – ЭТО МИР РАСТЕНИЙ»/ «POLITICS IS PLANT KINGDOM» в национальных политических дискурсах России и Великобритании следует отметить следующие особенности: степень детализации некоторых фреймов анализируемой метафорической модели в российском политическом дискурсе несколько выше, чем в британском. Российский политический дискурс характеризуется большим количеством авторских метафор с негативным прагматическим потенциалом в рамках данной метафорической модели.

¹ Власть в русской языковой и этнической картине мира / С.В. Ермаков и др. М., 2004.

² Баранов А.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991. С. 189.

³ Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. С. 53–67.

⁴ Кондратьева О.Н. Фитоморфные признаки концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси) // Новая Россия: Новые явления в языке и науке о языке. Екатеринбург, 2005. С. 75.

⁵ Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. М., 2004. С. 146.

⁶ Дехнич О.В. Концептуальная метафора People are trees в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

⁷ Мусаева О.И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

⁸ Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

⁹ Чудакова Н.М. «Неживая природа» как сфера-источник метафорической экспансии. // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004. С. 148–156.

¹⁰ Чудинов А.П. Указ. соч. С. 112–124.

¹¹ Шустрова Е.В. Развертывание концептосферы «Неживая природа» в идиостиле Р. Эллисона. // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2006. С. 214–226.

¹² Дымарский В. Игры разума и цветы зла // Российская Газета. 2006. № 88. С. 3

¹³ Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002.

¹⁴ Большой англо-русский словарь в 2 т./ под. ред. И.Р. Гальперина. М., 1987. т. 1. С. 531.

¹⁵ Там же, т. 2. С. 625.

¹⁶ Там же, т. 2. С. 349.

¹⁷ Там же, т. 2. С. 363.

¹⁸ Там же, т. 2. С. 308.

Поступила в редакцию 13 марта 2008 г.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ СЕМАНТИКИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

А.Н. Лещёва

SYNTACTIC MEANS OF CREATION OF SEMANTICS OF INDEFENSIBILITY IN JOSEPH BRODSKY'S POETRY

A.N. Lesheva

Статья посвящена исследованию особенностей поэтики И. Бродского. В ней рассматриваются синтаксические способы, с помощью которых в поэтическом тексте формируется семантика неопределенности, являющаяся специфической чертой идиостиля И. Бродского. К числу средств, выражающих данное субъективно-модальное значение, относятся, в частности, бессубъектные предложения (безличные, номинативные и др.), а также глаголы, лишенные акционального значения.

Ключевые слова: безличные предложения, бессубъектные предложения, неопределенность, неопределенно-личные предложения, номинативные предложения, парентеза, экфразис.

The article is devoted to the research of peculiarities of J. Brodsky's poetics. It reviews the syntactic means with the help of which the semantics of indefensibility, being a specific feature of Brodsky's idiosyle, is formed in a poetic text. Subjectless sentences (impersonal, nominative, etc.), verbs without actional meaning are devoted, in particular, to the means which express the subjective-modal concept.

Keywords: impersonal sentences, subjectless sentences, indefensibility, indefinite personal sentences, nominative sentence, parenthesis, ecphrasis.

Для поэтики И. Бродского первостепенное значение имеет неопределенность лирического субъекта, которая проявляется, в частности, в обилии бессубъектных предложений, употреблении неакциональных глаголов, инфинитивов и номинативных предложений. В стихотворениях цикла «Часть речи» (всего 20 поэтических текстов (далее – ПТ) объемом 12 строк за исключением стихотворения «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...», состоящего из 16 строк) нами обнаружено 14 безличных (Vsg3/n, Cop.sg3/n), 11 обобщенно-личных (Vfsg2), 8 неопределенно-личных (VpI3) и 7 определенно-личных (N1Vf) предложений. Использование же личных глаголов часто лишено акциональности и несет скорее бытийный и / или характеризующий смысл, нежели указывает на действие как таковое. Нами были проанализированы финитные глаголы в личных формах: всего в цикле стихотворений «Часть речи» было обнаружено 70 таких глаголов, 35 из которых называют действие и деятельность, 32 – бытие, состояние, качество, 3

– отношение (отнесенность глаголов к той или иной группе определялась по «Толковому словарю русских глаголов»)¹. Таким образом, количество акциональных и неакциональных глаголов в рассматриваемом цикле одинаково – 35, однако можно предположить, что бытийные и характеризующие смыслы преобладают над остальными, так как нами не принимались во внимание множественные случаи копульных двусоставных предложений. Все эти факты, а также обилие номинативных предложений (11) позволяют автору, работающему в описательном регистре, сосредоточиться на констатации фактов внешнего и внутреннего мира, сжать форму и выиграть в содержании за счет неопределенности лирического субъекта и неопределенности точек зрения, осложняющих и обогащающих восприятие ПТ.

Смысловая неопределенность обусловлена не только семантикой отдельных единиц, но и их «синтактикой» – взаиморасположением. Так, дистантное употребление отдельных частей синтагмы (например, при использовании вставных

Лещева Анна Николаевна, аспирант филологического факультета УрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., проф., Ю.В. Казарин. E-mail: cafruss@yandex.ru

Anna N. Lesheva, post-graduate of the philological faculty of the Ural State University. Scientific adviser – PhD, professor Yuri V. Kazarin. E-mail: cafruss@yandex.ru

конструкций) затрудняет восприятие смысла, осложняет объективную модальность предложения за счет введения дополнительной пропозиции – предложение становится осложненным, а его семантика – в большей степени неопределенной. Несмотря на то, что вставные конструкции могут употребляться в качестве пояснения или конкретизации сообщения, то есть, фактически, упрощать семантику, нарушение «тесноты стихового ряда», фокусирует смысловую нагрузку на парентезе – новой информации, уменьшая при этом значимость правого и левого (в интерпозиции) или только левого (постпозиция) контекста, что в целом смыслово отягощает предложение. В этом смысле использование вставных конструкций выполняет схожие функции с введением в текст анжамбманов. Так, в стихотворении «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...» вставная конструкция обеспечивает плавный переход к выражению интимных чувств Я-субъекта, скрадывает пафосность изложения:

«...» поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне,
в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне –

как не сказано ниже по крайней мере –
я взбиваю подушку мыгчащим «ты»
за морями, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя.

В других случаях вставная конструкция может использоваться в качестве одного из элементов (наряду с другими) осложнения смысла:

С точки зрения воздуха, край земли
всюду. Что, скашивая облака,
совпадает – **чем бы ни замели**
следы – с ощущением каблука.
Да и глаз, который глядит окрест,
скашивает, что твой серп, поля;
сумма мелких слагаемых при перемене мест
неузнаваемее нуля.

И улыбка скользнет, точно тень грача
по щербатой изгороди, пышный куст
шиповника сдерживая, но крича
жимолостью, не разжимая уст.

Здесь все средства языка задействованы таким образом, что каждое из них придает семантике целого более сложный характер и одновременно затрудняет ее понимание, особенно при устном исполнении текста. Стихотворение «растет» вертикально и, в то же время, горизонтально – распространяя предикативный смысл предложения кумулятивно, все более и более запутывая конструкцию: кроме вставного предложения автор использовал на протяжении 12 строк 7 анжамбманов, 1 вводную конструкцию, 4 придаточных предложения, 2 парцеллированных конструкции, 4 деепричастных оборота.

Заслуживает восхищения тот факт, что репертуар ролей парентез в предложении достаточно обширен: еще в одном случае, зафиксированном нами, вставная конструкция выполняет функцию парафраза:

Что сказать ввечеру о грядущем, коли
воспоминанья в ночной тиши
о тепле твоих – **пропуск** – когда уснула,
тело отбрасывает от души
на стену, точно тень от стула
на стену ввечеру свеча «...»

(«Потому что каблук оставляет следы – зима...»)

В последнее время общим местом в работах ученых, посвященных изучению творчества И.А. Бродского, стало принятие тезиса о том, что «Поэтическая дефиниционная конструкция, выраженная предложением со значением тождества, является наиболее типичной для поэзии И.Бродского среди других синтаксических единиц (конструкций)»², судить об этом можно по количеству работ о нобелевском лауреате, написанных на кафедре современного русского языка УрГУ, затрагивающих это явление. Однако ни в одной из этих работ, так же как и в монографии Ю.В. Казарина не указано, что понимается под «другими синтаксическими единицами», не представлены статистические данные, доказывающие типичность предложений синтаксического тождества в сравнении с другими синтаксическими явлениями. Наши данные говорят об обратном – предложения сигнификативного тождества (далее – ПСТ) в цикле стихотворений «Часть речи» встречаются почти в 2,5 раза реже (6), чем безличные (14), в 2 раза реже, чем номинативные предложения (11). Думается, уместнее было бы говорить о значимости ПСТ для творчества И. Бродского в целом; о том, что ПСТ – отличительная черта его поэтики. Интересно, рассмотреть другое высказывание Ю.В. Казарина: «Такая структурно-синтаксическая организация строфы [в виде поэтической дефиниционной конструкции – А. Л.] обеспечивает высокую степень лексико-синтаксической спаянности в процессе смыслообразования и смысловыражения, а также в усилении собственно лексических смыслов»³. В нем акцентируется внимание на идиоматичности, цельнооформленности ПСТ и его смысловом метаморфозе – поэтически тождественные вещи с точки зрения логики утрачивают свою тождественность, т.е. перед нами – обыкновенная метафора, но замаскированная под (научное / ненаучное, «наивное») определение, дефиницию. Формальное тождество (N1CorpN1) чаще всего опровергается семантически – особенно это касается ПТ, где отношения приравнивания осложнены характеристикой, сравнением или оценкой автора, что приводит к неопределенности логико-синтаксических отношений,

Зеленые страницы

которая в случае И. Бродского часто сопровождается неопределенностью точек зрения.

В стихотворении «Это – ряд наблюдений. В углу – тепло...» предложение тождества занимает сильную позицию начала произведения и структурно определяет все последующее изложение / описание «наблюдений»: строка равна синтагме, предложения реализуют бытийную семантику (кроме последнего катрена, подводящего итог и противопоставленного остальным строфам). Здесь тема первого предложения (указательное местоимение «это») раскрывается, конкретизируется последующим контекстом, каждое предложение выполняет как бы функцию слайда, на котором запечатлено «наблюдение», такое представление текста переводит его в зону экфразиса – надписи на предмете, обозначающей этот предмет – что усиливается наличием дейктического слова «это» – между стихотворением и рядом наблюдений в данном случае можно поставить знак равенства. Рассмотрим первый катрен подробнее:

Это – ряд наблюдений. В углу – тепло.

Взгляд оставляет на вещи след.

Вода представляет собой стекло.

Человек страшней, чем его скелет.

Сближение с экфразисом максимально активизирует точку зрения автора: становится незаметным экспрессивный характер конструкции с препозицией местоимения, почти исчезает экспрессивная интонация ИК-5 / ИК-2⁴.

Второе предложение тождества в этой строфе представлено в виде толкования с полузнаменательным глаголом и характеризует предметы по сходству: вода-стекло. Научнообразный характер подобной метафоры также снижает степень экспрессии и степень проявления авторской модальности.

Однако даже в предложениях с формально выраженным подлежащим автор нивелирует семантику субъекта предыдущим и последующим контекстом:

«...» Выходя во двор нечетного октября,
ежась, число округляешь до «ох ты бя».

Ты не птица, чтоб улетать отсюда;

Потому что как в поисках милой всю-то
ты проехал вселенную, дальше вроде
нет страницы податься в живой природе
(«Заморозки на почве и облысенье леса»)

точка зрения субъекта в этом окружении балансирует между Ты-обобщенным и Я-субъектом, не выраженном формально, но узнаваемым по биографической точности описываемых событий. Отрицание тождества затрудняет восприятие этой конструкции и как поэтической дефиниции.

Предложение тождества может разнообразить употребление метафорических переносов, особенно в сильных позициях ПТ – такая конструкция является менее очевидной и более емкой,

чем сравнение. Именно такую функцию выполняет ПСТ в стихотворении «В городке, из которого смерть расплзлась по школьной карте ...». Компоненты ПСТ представляют собой окказионально отождествленные по типу «Тема 1, Рема 1,2» сущности:

Настоящий конец войны – это на тонкой спинке

**венского стула платье одной блондинки
да крылатый полет серебристой жужжащей пули,**

уносящей жизни на Юг в июле.

Метафоры подобного рода могут быть развернуты до гораздо большего размера, такие копульные конструкции И. Бродский позаимствовал у английских метафизиков. Иногда развертывание метафоры может занимать несколько страниц (см., например, «Горение»).

Субъективность в выборе элементов для переноса значения, собственно окказиональность чаще проявляется в позиции конца текста в качестве заключительного аккорда:

**Это только для звука пространство всегда
помеха:**

глаз не посетует на недостаток эха

(«Я родился и вырос в балтийских болотах,
подле ...»),

но даже в конце стихотворения автор не позволяет проявиться своему Я, которое просто «тонет» в синтаксисе стихотворения:

<...> **Свобода –**

**это когда забываешь отчество у тирана,
а слюна во рту слаще халвы Шираза,
и хотя твой мозг перекручен, как рог ба-
рана,**

ничего не каплет из голубого глаза

(«Я не то что схожу с ума, но устал за ле-
то...»)

обобщенно-личное и копульные предложения, введение пассивного залога, употребление неопределенного местоимения позволяют достигнуть отстранения, не теряя при этом в яркости проявления тропа. Придаточные предложения соединены друг с другом, кажется, без всякого основания – трудно опознать в этой конструкции какую-либо фигуру речи, какую-либо симметрию, семантически они совершенно не сопоставимы в одном контексте: подчинительное придаточное времени, противительное придаточное, противительно-уступительное предложение и придаточное сравнительное, следующие друг за другом и завершающие поэтическую дефиниционную конструкцию – это виртуозный способ создания неопределенности логико-синтаксических отношений.

С предложениями тождества в плане создания логико-синтаксической неопределенности схожи конструкции, употребление которых является ярким показателем творческой манеры И. Бродского, – это конструкции *что твой...* со

скрытой предикацией (не путать с аналогичными сравнительными придаточными предложениями). В цикле «Часть речи» данная конструкция встречается лишь однажды:

...и при слове "грядущее" из русского языка
выбегают мыши и всей оравой
отгрызают от лакомого куска
памяти, что твой сыр дырявой
(«...и при слове «грядущее» из русского
языка...»)

Данная конструкция имеет своей целью не сравнение, то есть не сопоставление признаков, а, если так можно выразиться, соположение связок, которое позволяет актуализировать значение становление / приобретение признака, имманентно не присущего предмету. Так, данное предложение может быть развернуто в полупредикативный оборот *памяти, продырявленной...* или в предложение, построенное по схеме N1Cопfadj1. Связка, будучи формально не выраженной, затрудняет понимание, однако логика расставления знаков препинания снимает эту неопределенность.

В сборнике стихотворений (1972–1976) «Часть речи» одноименный цикл занимает особое место – среди мифологических, исторических и бытовых зарисовок, адресованной речи, обильных философских рассуждений – в нем содержится квинтэссенция собственно авторского сознания, осмысления поэтом явлений окружающей действительности и определение своего места в ней, рефлексия над вопросами языка и творчества. Остальные стихотворения не столь лаконичны (все они (28) в сумме составляют 2061 строку) и не столь однородны – каждое выполняет свою функцию, в зависимости от которой варьируют языковые средства. Помимо отличий в жанровом наполнении переход от малых форм (назовем их философскими элегиями) к жанру «большого стихотворения» существуют отличия и в общей манере письма: лидерство захватывают номинативные предложения (166) и дефиниционные конструкции (89), обобщенно-личные предложения не так частотны (49), как определенно-личные (75), в силу наличия адресата (Телемак, Мария Стюарт, Постум...) и высокой употребительности императивов 2л. ед.ч без формально выраженного подлежащего, увеличивается процент употребления вставных конструкций (43), неизбежных в ситуации живого общения (на письме оно передается изображением потока сознания), безличные предложения по-прежнему востребованы – достаточно много характеристик природы и человека, – меньше всего неопределенно-личных предложений (29). Таким образом, неопределенность субъекта речи отошла на второй план, оставив свои позиции логико-синтаксической неопределенности, неопределенности смысловой и неопределенности точки зрения. Кроме того, резко увеличилось

число акциональных глаголов – из 698 единиц 452, обозначающих действие и деятельность, 217 – бытие, состояние, качество, 68 – отношение; всего 710 вариантов (во внимание принималась и контекстнообусловленная полисемия, например *жизнь течет, как текла* реализует 2 значения глагола *течь* 1) о времени, 2) о жидкости). По-видимому, преобладание акциональных глаголов (напомним, в исследовании не учитывались копульные конструкции при употреблении с формально выраженным субъектным значением подлежащего) детерминировано композицией большого стихотворения, где формальные средства служат для «накопления количества движения», в то время как все «безглагольные» стихотворения А. Фета, например, – произведения небольшие.

Специфический прием создания неопределенности был использован И. Бродским в стихотворении «Двадцать сонетов Марии Стюарт», где смысловые пропуски в речи автора, вызванные трагичностью описываемой ситуации и невозможность присутствия трагизма в этом во многом пародийном стихотворении, выполняют функцию парафраза:

То, что исторгло изумленный крик
из аглицкого рта, что к мату
склоняет падкий на помаду
мой собственный, что отвернуть на миг
Филиппа от портрета лик
заставило и снарядить Армаду,
то было — — — — не могу тираду
закончить — — — — в общем, твой
парик,

упавший с головы упавшей
(дурная бесконечность), он,
твой суть единственный поклон,
пускай не вызвал рукопашной
меж зрителей, но был таков,
что поднял на ноги врагов.

Данный прием, с одной стороны, может трактоваться как использование автором *наполнителя* (термин Ю. Колкера⁵), то есть такого элемента, который не несет никакого смысла, а лишь дополняет строку до нужного размера, но, с другой стороны, из текста извлечен целый кусок интертекста, безусловно, значимого и, безусловно, шокирующего, который воспроизведен поэтом с большим мастерством: используя принцип семантической неопределенности, автор экономно задействует пространство стиха и увеличивает его энергию.

Исследование показало, что И. Бродский активно использует синтаксические средства для создания неопределенности. Для его манеры письма в большей степени характерна неопределенность субъекта, на что указывает большое число употребляемых им бессубъектных предложений, однако и другие средства выражения работают на создание

Зеленые страницы

неопределенности субъекта (номинативные предложения, предложения тождества). Другие разновидности неопределенности играют сопутствующие неопределенности субъекта роли, такая творческая установка основывается на ценностных позициях автора, лирическим героем в стихах которого часто становятся язык или вещь, лексически опустошенные слова, в приобретении ясности которыми синтаксические (синтагматические) средства выражения играют определяющую роль. Так, стиль письма И. Бродского можно определить скорее как именной и бытийный, нежели акциональный (данное утверждение оспаривается многими учеными, однако приведенные факты кажутся достаточно основательными для сближения по параметрам статики / динамики художественного мира И. Бродского с художественным миром А. Фета⁶ и вынесением за скобки сходства с миром В. Маяковского⁷ (ср.7). Динамика И. Бродского – это динамика взгляда и отношений, действующая вопреки динамике движения и деятельности.

Таким образом, на основе произведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Синтаксис – одно из основных средств создания неопределенности в поэзии И. Бродского.

2. Доминантным типом неопределенности является неопределенность субъекта, остальные типы неопределенности дополняют главный.

3. С помощью анализа синтаксических средств можно сделать выводы о категориальных

особенностях поэтики И. Бродского (именная, бытийная); о способах развития мысли (кумулятивная, использующая увеличение градации, доведение образа до логического конца); об специфических средствах организации больших и малых форм (адресность речи, введение обращений, вопросительных предложений, элементов разговорного стиля речи, апелляция к истории, мифам / авторефлексия, большая концентрация выразительных средств).

¹ Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские и немецкие эквиваленты. Синонимы. Антонимы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

² Казарин Ю.В. Поэтическое состояние языка (попытка осмысления). Екатеринбург, 2002. С. 371–372.

³ Там же.

⁴ Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

⁵ Колкер Ю. Несколько наблюдений (о стихах И. Бродского) // Грани. 1991. № 162. С. 93–152.

⁶ Баткин Л.М. Тридцать третья буква. Заметки читателя на полях стихов И. Бродского. РГГУ, 1996.

⁷ Карабчиевский Ю. Воскресенье Маяковского (филологический роман). Эссе. М., 2000.

Поступила в редакцию 11 мая 2008 г.

ПОСТРОЕНИЕ КРАТКИХ ФОРМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ

М.А. Лобанова

THE FORMATION OF SHORT FORMS OF COMPUTER TERMS

M.A. Lobanova

Статья посвящена анализу моделей построения кратких форм компьютерных терминов в испанском языке. Рассматриваются следующие приемы построения кратких форм: 1. Пропуск составляющих термина. 2. Конверсия. 3. Аббревиация. 4. Усечение отдельных составляющих. В статье приводятся примеры из текстов руководств для пользователей операционной системы Windows на испанском языке.

Ключевые слова: терминообразование, испанский язык, компьютерные термины, краткие формы терминов, конверсия, аббревиация, усечение.

The article is devoted to the analysis of models of short forms of computer terms in Spanish. The following types of formation are described: 1. Omitting of a term component. 2. Conversion. 3. Abbreviation. 4. Shortening of a term component. The cited examples are taken from the user manuals of the operating system Windows written in Spanish.

Keywords: formation terms, The Spanish language, computer terms, short forms of terms, conversion, abbreviation, shortening.

Среди категориальных признаков термина многие ученые называют следующие: независимость от контекста, однозначность, точность, систематичность, краткость, простота, понятность, отсутствие синонимов и омонимов в пределах данной науки или отрасли знаний, стилистическая нейтральность. Требование точности и систематичности терминологии вступает в противоречие с требованием краткости отдельного термина.

Краткий вариант термина – «равноправная по значению, но сокращенная определенными способами языковая конструкция терминологического наименования одного и того же понятия»¹. Приемы построения кратких форм терминов были подробно рассмотрены в работах Д.С. Лотте², В.П. Даниленко.

Для современного языка информатики характерно стремление к сокращению сложных терминов и терминологических сочетаний в целях рационализации научного языка. Материалом данного исследования послужили 934 термина, отобранные нами из текстов руководств для пользователей операционной системы Windows на испанском языке. Изучив существующие формы-синонимы компьютерных терминов, можно выделить следующие приемы построения кратких форм: 1. Пропуск составляющих термина.

2. Конверсия. 3. Аббревиация. 4. Усечение отдельных составляющих.

1. Пропуск составляющих термина. Сокращение наименования – это типичное терминологическое явление, которое может проявляться в опущении знаменательных или служебных слов, входящих в состав терминологического сочетания. Под терминологическим сочетанием мы, вслед за И.А. Беликовой, понимаем раздельно-оформленные, семантически целостные сочетания, образованные путем соединения двух и более компонентов³.

Для описания моделей построения кратких вариантов компьютерных терминов используются следующие обозначения: Pal – слово, Ing – английский, Lat – латинский, Gr – греческий, N – существительное, V – глагол, Adj – прилагательное, Prep – предлог, Num – числительное, Part – причастие прошедшего времени, <> – корень, Suf – суффикс, Pref – префикс, Acort – усечение, Abr – сокращение, Sigla – инициальная аббревиатура, & – сочетание слов, + – соединение морфем, → – переход, / – или, [] – модель слова или словосочетания.

1a. [N1 & Prep & N2] → N1. Как правило, значение термина и его форма не должны зависеть от того предложения, в котором этот термин

Лобанова Марина Алексеевна, аспирант кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., проф., В.И. Томашпольский. E-mail: sensato@yandex.ru

Marina A. Lobanova, SUSU, post-graduate student of the department of General Linguistics. Scientific adviser – PhD, professor of linguistics Valentin I. Tomashpolsky. E-mail: sensato@yandex.ru

Зеленые страницы

употреблен. Контекстный пропуск составляющих приводит к замене видового термина родовым: *árbol de carpetas* → *árbol* «дерево каталогов», *corrector de gramática* → *corrector* «программа проверки орфографии», *unidad de disco* → *unidad* «дисковод». Краткие варианты терминов *cuadro de diálogo* и *cuadro de texto* являются омонимами: *cuadro* «диалоговое окно» и *cuadro* «текстовое окно». Термин *procesador* «текстовый процессор (программа)», краткий вариант термина *procesador de texto*, является омонимом термину *procesador* «процессор (аппаратное устройство для исполнения программ)».

1b. [N1 & Prep & N2] → [N1 & N2]. В некоторых словосочетаниях происходит опущение предлога *de*, что особенно часто проявляется в названиях меню и клавиш: *menú Archivo* «меню Файл», *tecla de SUPR* → *tecla SUPR* (*tecla Suprimir* «клавиша удалить»).

1c. [N1 & Prep & N2] → N2. Путем опущения первого существительного образуются эллиптические термины: *botón de Inicio* → *Inicio* «кнопка Пуск», *nota al pie de página* → *pie de página* «сноска; примечание».

1d. [N1 & N2] → N1. В терминологических словосочетаниях, образованных именованным соположением, опущение второго существительного ведет к многозначности термина *placa base* → *placa* «материнская плата» ср. *placa de sonido* «звуковой адаптер», *placa gráfica* «видеоадаптер».

1e. [N & Adj] → N. Прилагательные в составе терминологических сочетаний часто опускаются: *disco duro* → *disco* «жесткий диск», *etiqueta inteligente* → *etiqueta* «смарт-тег».

2. **Конверсия.** Конверсия – переход одной части речи в другую – происходит на уровне синтаксиса и не приводит к изменениям формы слова. В нашем материале мы встречаем примеры субстантивации (субстантивируются причастия и имена прилагательные) и абдектизации (причастия употребляются в функции прилагательного).

2a. [N1 & Adj] → N2. В результате опущения существительного в именной группе [N1 & Adj] прилагательное субстантивируется (Adj → N2): *el dispositivo periférico* → *un periférico* «внешнее [периферийное] устройство», *el programa utilitario* → *un utilitario* «утилита, сервисная программа». Часть терминов имен прилагательных употребляется в сочетании с существительным и одновременно в субстантивированной форме, например, типы начертания букв в текстовом редакторе: *versalita* «малые прописные», *cursiva* «курсив»: *Las propiedades incluyen tipo de letra (Fuentes), tamaño de letra, ennegrecido, subrayado, cursiva, etc.*⁴. A partir del diseño común de una familia se pueden considerar distintas variantes; por ejemplo, si los trazos se hacen más gruesos se obtiene *la variedad negrita*, si se inclinan y retocan se obtiene *la cursiva*, si se escriben *las minúsculas* con la forma de *las mayúsculas* se obtiene *versalita*⁵.

Субстантивация причастий является одним из видов морфолого-синтаксического словообразования. Субстантивация состоит в том, что соответствующее причастие приобретает своеобразное предметное значение и, обретя эту предметность, становится существительным со всеми вытекающими отсюда «грамматическими последствиями»⁶.

2b. [V+-ado=Part] → N, [V+-ada=Part] → N. Субстантивации подвергаются причастия на *-ado*, *-ada*, в результате чего образуются существительные со значением «результат действия»: *apagado* «выключение», *listado* «список», *interlineado* «межстрочный интервал, интервал строк», *espaciado* «межстрочный интервал, интервал строк», *sangrado* «отступ, смещение вправо», *tachada* «зачеркивание».

Общелитературные значения *apagado*, *listado* омонимичны значениям в компьютерном дискурсе: *apagado* – прил. 1) (о человеке) пассивный; вялый; инертный 2) приглушённый; (о цвете) неяркий, спокойный; (о звуке) глухой; *listado* – прил. полосатый. Слова *interlineado*, *espaciado* в компьютерных текстах употребляются в прямом значении. Слова *sangrado*, *tachada* в словаре общеупотребительной лексики не фиксированы.

2c. [V+-ado=Part] → Adj, [V+-ido=Part] → Adj. От глаголов с помощью суффиксов *-ado*, *-ido* образуются причастия, которые употребляются в компьютерных текстах в функции прилагательного: *preestablecido* «используемый по умолчанию», *predeterminado* «используемый по умолчанию», *ennegrecido* «полужирный», *modificado* «архивный», *subrayado* «подчеркнутый», *tachado* «зачеркнутый», *imágenes prediseñadas* «коллекция клипов», *tarea programada* «назначенное задание», *Menú colapsado* «свернутое меню», *Menú expandido* «развернутое меню».

3. **Аббревиация.** Аббревиация – сложение усеченных основ или усеченных и полных основ⁷. Аббревиация является продуктивным способом образования компьютерных терминов (5,14 % терминов), так как отражает тенденцию к экономии языка и отвечает предъявляемым к терминам требованиям краткости и однозначности. Аббревиации подвергаются названия языков программирования, названия научных фирм, международных стандартов на коды и системы измерений, исследовательских программ, устройств вычислительной и другой техники. Если сокращения расшифровываются и переводятся на испанский язык, то в одних случаях акроним образуется на основе испанского словосочетания: *sistema operativo*, *SO* от англ. *operating system*, *OS*. В других случаях рядом с испанским словосочетанием используется английский акроним: *red de área local*, *LAN* (от англ. *Local Area Network*), а не *RAL*. Таким образом, по происхождению аббревиатуры можно разделить на заимствованные и созданные

на основе испанских сочетаний. В соответствии с существующими правилами, грамматический род сложносокращенного слова определяется родовой принадлежностью стержневого слова: *el CD*, *el CD-R*, *el CD-ROM* (*el disco compacto*), *el S.O.* (*el sistema operativo*), *la RAM* (*la memoria*), *la CPU* (*la unidad*). Род аббревиатуры может колебаться в зависимости от рода слова, с которым она ассоциируется (*el PC* от *el computador*, *la PC* от *la computadora*), а также потому, что сокращения воспринимаются как целостное слово, этимология которого непонятна или забыта (*el BIOS*, *la BIOS*). В нашей выборке сокращения представлены несколькими типами:

3а. инициальные аббревиатуры, сокращения компонентов сложных терминов до пределов одного звука или буквы:

1) [sigla]: *ULA* (от исп. Unidad Lógico-Aritmética), *SO*, *S.O.* (от исп. sistema operativo), *UCP*, *CPU* (от исп. unidad central de procesamiento), *SAI* (от исп. Sistema de Alimentación Ininterrumpida), *PC* (от англ. personal computer), *BIOS* (от англ. Basic Input-Output System), *RAM* (от англ. random access memory), *CPU* (от англ. central processing unit), *DVD* (от англ. Digital Versatile Disk), *ROM* (от англ. read-only memory), *HD* (от англ. hard disk), *CD-RW* (от англ. Compact Disc Read-Write).

2) первые буквы префикса и корня: *Kb* (*kilobyte*), *MB* (*megabyte*), *Tb* (*terabyte*), *GB* (*gigabyte*).

3) [первая буква Pref + <>]: *Kbytes* (*kilobyte*).

3б. телескопические аббревиатуры, состоящие из сочетания начала первого слова с началом или концом второго: *pixel* (от англ. picture element), *módem* (от англ. modulator and demodulator), *codec* (от англ. Compressor-Decompressor), *bit* (от англ. binary digit), *byte* (от англ. binary term).

3с. комбинированные аббревиатуры – комбинированные термины, состоящие из аббревиатуры и несокращенного термина, в классификации Л. Б. Ткачевой – «гибридные образования»⁸.

1) [N & IngAbr]: *lápiz USB*, *memoria ROM*, *memoria RAM*, *unidad CD-ROM*.

2) [N & de & IngAbr]: *grabadora de CD*, *lector de CD-ROM*.

3) [IngAbr & Adj]: *CD regrabable*.

3д. [N & Num] – сокращения, один из элементов которого заменен числительным: *Disco 3 ½* «дискета, гибкий магнитный диск», *efecto 3D* «объемный эффект».

Самой продуктивной моделью является сочетание испанского существительного с английской аббревиатурой с предлогом *de* и без него.

4. Усечение отдельных составляющих

Усечение – сокращение из первых букв или первого слога термина. Термины-усечения, образующиеся путем опущения части исходного слова, составляют 1,6 % от числа терминов в нашей картотеке. Встречаются следующие типы усечения:

4а. [Acort]: SOB (от *sobrescritura* «ЗАМ (замена)»), *micro*, *macro*, *fax* (от *facsimile*). Исп. *micro* «микропроцессор» является усечением от исп. *microprocesador*, которое образовано калькированием англ. *microprocessor*. В свою очередь английское слово образовано по модели [Gr<>+Lat<>] от греч. *mikros* «маленький» и лат. *procedo*, *cessi*, *cessum* «выходить, доходить». Употребляемый в компьютерных текстах исп. термин *macro* «макрокоманда, макрос» является усечением от *macroinstrucción*, что является калькой английского *macroinstruction* «макрокоманда» (англ. *macro*).

4б. [Acort+Acort] – слоговые аббревиатуры состоят из сочетания начальных частей слова: *REPAG* (от *tecla Retroceder Página*, англ. PAGE UP key), *AVPAG* (от *tecla Avanzar Página*, англ. PAGE DOWN key), *Bloq Mayús*.

4с. [Pal & Acort] / [Acort & Pal], состоят из начальной части слова (слов) и целого слова: *tecla de Supr*, *tecla de Supr* (от *tecla Suprimir* «клавиша удалить»), *tecla Ins* (от *tecla Insertar* «клавиша вставления»), *tecla May*, *tecla Mayús* (от *tecla Mayúsculas* «клавиша переключения регистра»), *tecla Impr Pant* (от *tecla Imprimir pantalla* «клавиша распечатки изображения экрана»), *Reemp todas* (от *geemplazar todas* «заменить все»). Модель [Pal & Acort] используется только в названиях клавиш.

В заключение можно отметить, что существование синонимов и нескольких видов кратких форм для одного компьютерного термина свидетельствует о развивающемся состоянии терминологической системы.

¹ Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания М., 1977. С. 181.

² Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М., 1961. С. 128.

³ Беликова И.А. Особенности формирования терминов-неологизмов в подязыке компьютерной техники: дис. ... кан. фил. наук. Омск, 2004. С. 85

⁴ Introducción a la informática educativa. Instituto de informática educativa, Universidad de la frontera. www.conce.plaza.cl

⁵ Informática fundamentos <http://pedroreina.net/curs0405/hojas/>

⁶ Васильева-Шведе О. К. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1980. С. 268–269.

⁷ Земская Е. А. Словообразование. Современный русский язык. М., 1999. С. 370.

⁸ Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск, 1987. С. 200.

Поступила в редакцию 28 мая 2008 г.

ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Л.Л. Ткачева

DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING ON THE BASIS OF THE PRAGMATIC COMPETENCE WITH STUDENTS OF LINGUISTIC SPECIALTIES

L.L. Tkacheva

В статье рассматривается проблема развития критического мышления у студентов лингвистических специальностей на основе прагматической компетенции; описываются и анализируются результаты анкетирования, проведенного в рамках диссертационного исследования.

Ключевые слова: критическое мышление; компетентностный подход; прагматическая компетенция; респондент; анкетирование; несформированный.

The article dwells upon the problem of the critical thinking development with students of linguistic specialties on the basis of the pragmatic competence; the article describes and analyses the results of the students' survey which has been conducted during the scientific research.

Keywords: critical thinking; competence approach; pragmatic competence; respondent; survey; undeveloped.

Компетентностный подход в современном иноязычном образовании развивается как альтернатива традиционно формируемому и менее пригодным для реальной жизни заученным знаниям, даже если эти знания закрепить в виде умений и навыков. Благодаря этому подходу студенты обеспечиваются компетенциями, необходимыми для уверенного и успешного достижения целей в реальных жизненных условиях.

Компетентностный подход в иноязычном образовании базируется на ряде принципов:

- а) коммуникативно-когнитивной направленности;
- б) контрастивности;
- в) личностной направленности;
- г) рефлексии.

Коммуникативность проявляется в том, что, во-первых, учебный процесс предполагает непосредственно сам процесс коммуникации, и, во-вторых, сам языковой материал изучается в соответствии с его коммуникативными функциями.

Особое значение отводится когнитивной направленности обучения, которая проявляется в

том, что в учебном процессе важная роль отводится познавательной деятельности студентов, их развитие как критически-думающих личностей.

Принцип личностной направленности предусматривает общекультурное развитие личности. Рефлексия связана с такими компонентами, как анализ и синтез.

Целью проведения анкетирования являлось выявление степени сформированности у студентов специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» необходимых компетенций, а именно прагматической компетенции. Она заключается в умении построить общение так, чтобы добиться поставленной цели, знать и владеть различными приемами получения и передачи информации в устном и письменном общении. В методической литературе прагматическая компетенция определяется как: способ оптимального использования языковых средств в целях достижения коммуникативных целей, как способность корректно передать определенное смысловое содержание¹.

Ткачева Людмила Леонидовна, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор пед. наук, профессор И.А. Цатурова. E-mail: tll73@mail.ru

Ludmila L. Tkacheva, post-graduate of the department of linguistic and cross-cultural communication. Scientific adviser – Tzaturova I.A., doctor, professor of pedagogical science. E-mail: tll73@mail.ru

Прагматическая компетенция заключается в умении проникнуть в основную идею, художественную линию, смысл художественного произведения, прийти к своему мнению и в умении выразить или доказать, отстаивать свою точку зрения и тем самым достичь коммуникативной цели. И в дальнейшем делать то же самое при самостоятельном прочтении художественной литературы на любом языке.

Анкетирование проводилось в Южно-Уральском Государственном Университете на факультете лингвистики. В анкетировании участвовали студенты 4 и 5 курсов факультета лингвистики, специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур». На 4 курсе в анкетировании принимали участие 26 человек (2 группы студентов), на 5 курсе в анкетировании принимали участие 21 человек (2 группы студентов). Следует отметить, что ниже приведенные данные являются результатами первого анкетирования, которое проводилось в начале осеннего семестра, на первом занятии по аспекту «Домашнее чтение». По окончании весеннего семестра планируется проведение повторного анкетирования с целью выявления индекса удовлетворенности в этих же группах, прошедших экспериментальное обучение.

Следует отметить, что у большинства респондентов сформировано положительное отношение к чтению художественной литературы на родном языке, а именно 73% студентов на 4 курсе и 71% на 5 курсе отметили, что им очень нравится читать художественные произведения. Следует также отметить отсутствие отрицательного отношения к чтению у всех без исключения респондентов. Следовательно, мы имеем дело с «опытными чтецами», желающими повышать свой культурный уровень. Кроме того, чтение художественных произведений не является просто хорошим времяпровождением, так как 54% на 4 курсе и 52% на 5 курсе указали на то, что они иногда обсуждают прочитанные книги с друзьями и знакомыми, и 54% на 4 курсе и 67% на 5 курсе заявили, что в художественных произведениях они нашли ответы на волнующие их вопросы и проблемы. Таким образом, можно с определенной долей уверенности сказать, что лингвистическая, дискурсивная и прагматическая компетенции у половины респондентов на родном языке сформированы. Тем не менее, нельзя сказать о сформированности этих же компетенций на иностранном языке (особенно, прагматической). Что касается стратегической (осознание процесса критического чтения художественного произведения, и последующее умение выразить свою точку зрения, используя данные языковые средства) и социокультурной (знакомство с социокультурными нормами поведения и реалиями) компетенций, следует отметить, что даже на родном языке они являются не вполне сформиро-

ваны. И так как этот механизм сформированности отсутствует на родном языке, то на иностранном языке у студентов возникают много трудностей.

Что же касается художественной литературы на иностранном языке, то 46% на 4 курсе и 43% на 5 курсе заявили, что им очень нравится читать художественные произведения в оригинале. 50% на 4 курсе и 52% на 5 курсе отметили, что скорее нравится, чем не нравится читать произведения на языке оригинала. Среди причин, по которым им нравится читать в оригинале: 8% на 4 курсе и 29% на 5 курсе указали «эстетическое удовольствие»; 23% на 4 курсе и 57% на 5 курсе отметили, что, таким образом, они могут совершенствовать уровень владения иностранным языком; 46% на 4 курсе и 43% на 5 курсе заявили, что, читая художественные произведения в оригинале, они могут общаться с автором без посредников, то есть переводчиков; 38% на 4 курсе и 33% на 5 курсе предпочитают чувствовать оригинальную атмосферу произведения. Если проанализировать полученные результаты, то становится ясно, что мнения большинства респондентов, как на 4, так и на 5 курсах в большинстве совпадают, что говорит о подсознательном понимании студентами того факта, что прагматическая компетенция является одной из самых важных в понимании художественного текста и в достижении коммуникативной цели.

Количество тех, кому скорее не нравится читать в оригинале или безразлично очень незначительное (4% на 4 курсе и 5% на 5 курсе).

Причины, по которым студентам не нравится читать художественные произведения в оригинале и их процентное содержание, от курса к курсу значительно отличаются друг от друга. Оба курса единодушно высказались по поводу того, что можно сэкономить время и силы, прочитав произведение в переводе (на обоих курсах по 19%). Этот факт говорит об определенной доле инертности тех, кто указал данную причину. 38% на 4 курсе и 48% на 5 курсе указали на то, что они испытывают трудности в понимании художественных текстов на иностранном языке; 31% на 4 курсе и 14% на 5 курсе отметили, что для чтения на иностранном языке требуется самодисциплина, что явно говорит об отсутствии силы воли и желания овладеть иностранным языком; 12% на 4 курсе и 24% на 5 курсе отметили, что у них возникают трудности в понимании общекультурной информации без пояснений переводчика, что вновь свидетельствует о недостаточной сформированности социокультурной компетенции, не только на иностранном, но и на родном языке.

Среди трудностей понимания иноязычного художественного текста нами было выделено три причины:

- 1) недостаточные знания в языке;

Зеленые страницы

- 2) наличие межкультурных различий;
- 3) недостаточный богатый личный опыт.

Недостаточные знания языка указало 85% респондентов на 4 курсе и 48% на 5 курсе. Это говорит, о том, что у студентов выпускного курса лингвистическая компетенция в иностранном языке явно сформирована в большей степени, чем у четверокурсников. Но, тем не менее, 96% четверокурсников и 100% пятикурсников считают, что для того, чтобы читать художественное произведение в оригинале, необходимо хорошо знать английский язык. Межкультурные различия поставили в тупик 12% респондентов 4 курса и 29% – 5 курса. На наш взгляд, это указывает на несформированную социокультурную компетенцию, при чем, у студентов выпускающегося курса она явно выше. По нашему мнению, это говорит о большой степени самоуверенности в своих знаниях у четвертого курса, в то время, как пятый курс, столкнувшись с отсутствием этих знаний в реальных ситуациях жизни, более честно оценивают свои знания и способности. Этот же факт подтверждается и тем, что 19% респондентов пятого курса указали свой недостаточно богатый личный опыт. По их мнению, именно он может им помешать в понимании художественного произведения на английском языке. В то время, как всего лишь 4% респондентов 4 курса указали ту же причину.

Вопросы, связанные с интерпретацией художественного текста, вызвали наибольшее расхождение в ответах респондентов, особенно на 5 курсе. Только 19% респондентов отметили, что им нравится интерпретировать художественные произведения и 29% заявили, что им скорее нравится, чем не нравится. 10% ответили, что им безразлично и 19% отметили, что им совершенно не нравится заниматься этим видом деятельности. Ответы четверокурсников более оптимистичны (19% – нравится; 46% – скорее нравится, чем не нравится). Выше приведенные цифры лишь еще раз подтверждают, что прагматическая компетенция не является в должной мере сформированной, и требуются определенные усилия со стороны преподавателя, ведущего аспект «Домашнее чтение», чтобы сформировать прагматическую компетенцию.

Тем не менее, 57% респондентов пятого курса считают, что обучение любому аспекту должно привести к умению мыслить критически и лишь 19% респондентов ответили отрицательно на данный вопрос. 26% четверокурсников и 5% пятикурсников ответили, что читающий всегда должен воспринимать написанное критически; 54% с 4 курса и 57% с 5 курса считают, что лишь иногда нужно воспринимать написанное критически; 12% четверокурсников и 19% пятикурсников полагают, что лишь редко человек должен воспринимать написанное критически; и 8% респондентов с 4 курса и 19% с 5 курса отме-

тили ненужность этого процесса. Выше приведенные цифры противоречат сами себе. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что половина опрошенных смутно представляют себе, что значит «читать критически». Это опять свидетельствует о несформированных коммуникативных компетенциях в области английского языка, в особенности, прагматической. Таким образом, больше половины опрошенных с обоих курсов на занятиях по аспекту «Домашнее чтение» привыкли лишь воспроизводить прочитанное. От выпускников данной специальности требуется умение, проанализировав полученную информацию, сформировать свое мнение и уметь выразить и если надо отстоять свою точку зрения, тем самым, достигнув цели коммуникации.

Мы рассматриваем аспект «Домашнее чтение», как один из наиболее подходящих для развития прагматической компетенции у студентов лингвистических факультетов, так как данные анкетирования показали более чем положительное отношение респондентов к данному аспекту. Так, лишь 12% студентов 4 курса относятся к аспекту «Домашнее чтение» отрицательно. На пятом курсе данные, указывающие на негативное отношение к данному аспекту, отсутствуют. В общей массе респонденты считают данный аспект нужным и интересным. 85% четверокурсников и 90% пятикурсников не хотели бы заменить его другим аспектом или предметом.

Следует сказать, что данные анкетирования подтвердили наше предположение о несформированности целого ряда коммуникативных компетенций у студентов факультета лингвистики Южно-Уральского Государственного Университета. С определенной долей уверенности можно говорить о сформированности лингвистической и дискурсивной компетенций. Что же касается прагматической, стратегической и социокультурной компетенций владения английским языком, так как они являются не вполне сформированными на родном языке, то вполне естественно, что они не сформированы при общении на английском языке. Мы в своей работе главное место отдаем прагматической компетенции, так как именно она, по нашему мнению, способствует развитию критического мышления. Воспитание критически мыслящей личности является на данном этапе одним из главных приоритетов образования. И нашей задачей является обучить студентов механизмам, которые помогут им сформировать в должной мере прагматическую компетенцию.

¹ Norris N.1991. The trouble with competence. Cambridge journal of Education. Vol. 21/3:331–224.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы), контактная информация ответственного за подготовку рукописи.

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, аннотация (не более 500 знаков), список ключевых слов (данная информация предоставляется на русском и английском языке), текст статьи, литература оформляется в виде концевых сносок.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25мм. Шрифт – Times New Roman, масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – одинарный.

4. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Лингвистика»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина 76, кафедра общей лингвистики, ответственному секретарю Жеребятёвой Екатерине Сергеевне. E-mail: olingv@susu.ac.ru

5. Ознакомится с полной версией правил подготовки рукописей и примером оформления можно на сайте ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкам: «Научные исследования», «Издательская деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 (135) 2009

**Серия
«ЛИНГВИСТИКА»
Выпуск 8**

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 27.01.2009. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ 24/30.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск,
пр. им. В.И. Ленина, 76.